

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

2025 № 5

Ежемесячный научный журнал

Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. – «Современный Восток»).

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтеринва (Нигерия), В.Я. Белокрыцкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт
всеобщей истории РАН, Москва, Россия), А.В. Денисов (Москва, Россия),
Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия), С.С. Кунанбаева (Казахстан), В.А. Мельянец
(Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия), Д.В. Мосяков
(Институт востоковедения РАН, Москва, Россия), Ф.С. Муфамеди (ЮАР),
М. Наср аль-Гибали (Египет), У. Рено (США), С.В. Прожогина (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), О.И. Тетерин (Москва, Россия), Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения
РАН, Москва, Россия), В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

С.В. Костелянец, зам. главного редактора
О.И. Тетерин, ответственный секретарь
Л.Ю. Тенякова, редактор
Е.А. Львов, зав. редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2025 № 5

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title “Sovremennyi Vostok” / “Contemporary East”). The journal is published under the supervision of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya. Belokrenitsky (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for Research and Islamic Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia),
A.V. Denisov (Moscow, Russia), Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China),
S.S. Kunanbayeva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Kazakhstan), V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), W. Reno (Northwestern University, USA), T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow),
V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia), O.I. Teterin (Moscow, Russia),
H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

S.V. Kostelyanets, Deputy Editor-in-Chief
O.I. Teterin, Executive secretary; L.Yu. Tenyakova, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Мельянцев В.А. Экономические и социальные детерминанты развития Африки южнее Сахары. Часть 1	5
25 МАЯ – ДЕНЬ АФРИКИ	

Денисова Т.С., Костелянец С.В. Африканцы во Второй мировой войне	19
Солощева М.А. (С.-Петербург). Формирование китайской инвестиционной политики в Африке	28
Singuwa Chimuka (Zambia), Bokeriya S.A. (Russia). SADC-led Peace Operations: Successes, Challenges, and Future Prospects	38
Мезенцев С.В., Копытцев И.С. Конфликт в Тиграе два года спустя: политические последствия для Эфиопии	45
Садовская Л.М. Кот-д'Ивуар. Президентские выборы 2025 г. в контексте современной геополитической ситуации	54
Андреева Т.А., Никольская М.В. Кто определяет африканскую повестку США и Франции?	62

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

Умаров О.М. Китайская модель цифровизации государственного управления как инструмент укрепления национальной безопасности	72
--	----

РЕЦЕНЗИИ

Захаров И.А. Этнический федерализм в Эфиопии: исторические корни и современные вызовы	80
--	----

© Российская академия наук, 2025
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2025

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Журнал включен в РИНЦ, входит в список ВАК, ядро РИНЦ и в базу RSCI.

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1
Тел.: **+7 495-697-95-66**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Интернет: **www.asaf-today.ru**

CONTENTS

TOP PROBLEM

Meliantsev V.A. Economic and Social Determinants of Sub-Saharan Africa's Development. Part 1	5
---	----------

MAY 25 – AFRICA DAY

Denisova T.S., Kostelyanets S.V. Africans in the Second World War	19
--	-----------

Soloshcheva M.A. The Formation of China's Investment Strategy in Africa	28
--	-----------

Singuwa Chimuka (Zambia), Bokeriya S.A. (Russia). SADC-led Peace Operations: Successes, Challenges, and Future Prospects	38
---	-----------

Mezentsev S.V., Kopytsev I.S. Two Years after the Tigray Conflict: Political Consequences for Ethiopia	45
--	-----------

Sadovskaya L.M. Côte d'Ivoire. Presidential Elections 2025 in the Context of the Current Geopolitical Situation	54
---	-----------

Andreeva T.A., Nikolskaya M.V. Who Sets the African Agenda in the US and France?	62
---	-----------

POLITICS, ECONOMICS

Umarov O.M. The Chinese Model of Digitalization of Public Administration as a Tool to Strengthen National Security	72
--	-----------

BOOK REVIEW

Zakharov I.A. Ethnic Federalism in Ethiopia: Historic Roots and Current Challenges	80
---	-----------

© Russian Academy of Sciences, 2025
© Editorial board of «Asia & Africa today» (compiler), 2025

The authors opinions may not coincide with position
of the Editorial.

Included in RSCI (Russian Science Citation Index).

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian
Federation
Tel.: **+7 495-697-95-66**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Website: **www.asaf-today.ru**

DOI: 10.31857/S0321507525050012

Экономические и социальные детерминанты развития Африки южнее Сахары. Часть 1

© Мельянцев В.А.^а, 2025

^а ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-9139-2753, vamel@iaas.msu.ru

Резюме. Страны Африки южнее Сахары (АЮС) по прошествии примерно 4 десятилетий после завоевания политической независимости сумели, преодолевая немалые трудности, связанные в т.ч. с осуществлением странами Запада неокOLONиальной политики, добиться в целом заметных успехов в увеличении индекса человеческого развития и совокупной факторной производительности.

Однако вследствие ряда факторов, в т.ч. низкой динамики индустриального и инновационного развития и сохранения высоких темпов демографического роста в странах АЮС, существенно увеличился разрыв в уровнях подушевого ВВП и производительности труда не только между АЮС и развитыми государствами, но и между АЮС и другими регионами развивающихся стран.

Судя по ряду рассчитанных нами моделей, медленный рост подушевого ВВП многих Субсахарских стран Африки связан с их отставанием в наращивании капитала, увеличении экспорта готовых товаров и низкой эффективностью госуправления.

Чтобы преодолеть отставание, странам АЮС необходимо, активно участвуя в борьбе за установление более справедливого мирового порядка, умножить усилия, направленные на проведение экспортоориентированной индустриализации, базирующейся на богатых ресурсах континента, повышение качества человеческого капитала, управления и инфраструктуры, снижение уровня социального неравенства.

Ключевые слова: Африка южнее Сахары, развивающиеся страны, стратегия развития, индустриализация, накопление физического и человеческого капитала, производительность, неравенство, институты

Благодарности. Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова. Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова по теме «Страны Азии и Африки в мировой экономике и международных хозяйственных отношениях».

Для цитирования: Мельянцев В.А. Экономические и социальные детерминанты развития Африки южнее Сахары. Часть 1. *Азия и Африка сегодня*. 2025. № 5. С. 5–18. DOI: 10.31857/S0321507525050012

Economic and Social Determinants of Sub-Saharan Africa's Development. Part 1

© Vitalii A. Meliantsev^а, 2025

^а Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-9139-2753; vamel@iaas.msu.ru

Abstract. It was revealed that four decades after winning political independence the countries of sub-Saharan Africa (SSA), despite considerable difficulties associated with the implementation of neocolonial policies by Western countries, have on the whole succeeded in achieving noticeable progress in increasing the human development index and total factor productivity.

However, due to a number of factors, including low dynamics of industrial and innovative development and high rates of demographic growth in SSA countries, the gap in per capita GDP and productivity levels have risen significantly not only between SSA and the advanced economies, but also with other developing regions, and the share of the critically poor population in SSA remains still very high.

Calculations made on a number of models demonstrate that the slow growth of per capita GDP in many sub-Saharan countries is associated with their lag in capital accumulation, exports of finished goods and the low level of government effectiveness.

To overcome the gap, SSA countries need to (a) actively participate in the struggle to establish a more equitable world order; (b) increase efforts aimed at implementing export-oriented industrialization based on the rich resources of the continent, improving the quality of human capital, governance and infrastructure, and reducing social inequality.

Keywords: sub-Saharan Africa, developing countries, development strategy, industrialization, accumulation of physical and human capital, productivity, inequality, institutions

For citation: Meliantsev V.A. Economic and Social Determinants of Sub-Saharan Africa's Development. Part 1. *Asia and Africa today*. 2025. № 5. 2025. Pp. 5–18. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507525050012

АББРЕВИАТУРЫ В ТЕКСТЕ

АЮС – Африка южнее Сахары
БВСА – Ближний Восток и Северная Африка
ВВОК – валовые вложения в основной капитал
ВНД – валовой национальный доход (равен ВВП плюс чистый доход по капиталу и труду граждан страны за рубежом)
ГИИ – Глобальный инновационный индекс
ИЧР – индекс человеческого развития
ИЭГ – индекс эффективности государства
ЛА – Латинская Америка
ОП – обрабатывающая промышленность
ПВВП – подушевой ВВП
ППС – паритет покупательной способности
РГ – развитые государства
РС – развивающиеся страны
РС АЗ – развивающиеся страны Азии (Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии)

РС ВА3 – развивающиеся страны Восточной и Юго-Восточной Азии
СВ – совокупные вложения
СГТП – среднегодовой темп прироста
СФП – совокупная факторная производительность
ФК – физический капитал
ЧЛК – человеческий капитал
ЮАЗ – Южная Азия
AEs – advanced economies
CAGR – compound annual growth rate
DCs – developing countries
GE – government effectiveness
PCGDP – per capita GDP
PPP – Purchasing Power Parity
SSA – sub-Saharan Africa
TFP – total factor productivity

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то, что за последние десятилетия развивающимся странам (РС) – в основном благодаря успехам РС Азии (РС АЗ¹) – удалось в целом добиться немалого экономического прогресса, *относительный разрыв в уровнях подушевого ВВП* (ПВВП, в ППС 2021 г.) между развитыми государствами (РГ), или мировым меньшинством (в 2024 г. 13% жителей планеты), и РС, или мировым большинством (87%), хотя и уменьшился (в 1990–2024 гг. на треть), все еще составляет внушительную величину – 4:1.

При этом за последнюю треть века *абсолютный разрыв в уровнях ПВВП* в целом между РГ и всей группой РС вырос на 2/5, в т.ч. у РС Восточной и Юго-Восточной Азии (РС ВА3) – на 1/5, Южной Азии (ЮАЗ) – более чем на 2/5, Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА²), Латинской Америки (ЛА) и Африки южнее Сахары (АЮС) – примерно на 3/5³. В отличие от ряда других регионов РС, в целом по АЮС заметно увеличился и относительный разрыв⁴.

Эти цифры и факты (а) говорят о нарастающей диспропорциональности глобального развития и несправедливости существующего мирового порядка (см. [2; 3; 4; 5; 6; 7]) и (б) побуждают к оживлению дискуссии о причинах существенного отставания АЮС и факторах его преодоления (см. [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14]).

Опираясь на недавно расширенные базы данных ряда международных организаций, в т.ч. Всемирного банка по ВВП в ППС 2021 г., сделав необходимые расчеты и построив ряд моделей, постараемся уточнить основные траектории, пропорции, экономические и социально-институциональные факторы долговременного экономического роста Субсахарской Африки, обладающей, как известно, огромными природными богатствами, характеризующейся быстро растущим населением и сосредоточившей почти 3/4 всех наименее развитых стран планеты.

¹ В наших расчетах это – РС Восточной и Юго-Восточной Азии (РС ВА3), а также Южной Азии (ЮАЗ).

² Здесь и далее без учета Израиля, входящего в группу РГ.

³ Рассчитано по: GDP per capita, PPP (constant 2021 international \$). The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators> (accessed 06.07.2024)

⁴ В данной статье автор развивает и конкретизирует ряд тезисов, изложенных в [1].

ДИНАМИКА, ПРОПОРЦИИ И СТАБИЛЬНОСТЬ РОСТА

За годы независимости (в наших расчетах 1960–2023/2024⁵ гг.) страны АЮС, несмотря на *тяжелое экономическое, политическое и институциональное наследие многих сотен лет работорговли и колониализма*, которое, надо подчеркнуть, продолжает негативно сказываться на их экономическом росте ([15, pp. 221–237; 16, pp. 129–135], [17])⁶, тем не менее сумели, преодолевая, возможно, большие трудности, чем другие регионы РС, в целом заметно продвинуться вперед. Если судить по *индексу человеческого развития* (ИЧР)⁷, то он за рассматриваемый период в среднем по региону увеличился, хотя и с низкого старта, на немалую величину – примерно в 2,5 раза⁸.

Но при этом Субсахарская Африка, если считать по ПВДП, – это самый бедный и, судя по долгосрочным и среднесрочным трендам, наименее динамичный из основных регионов РС. В 2024 г. ее ПВДП (\$4,4 тыс. в ППС 2021 г.) был меньше более чем втрое, чем в среднем по РС (\$15,0 тыс.), в т.ч. вдвое, чем в ЮАЗ (\$8,9 тыс.), и более чем вчетверо меньше, чем в РС ВАЗ, ЛА и странах БВСА (\$19,0–\$20,0 тыс.).

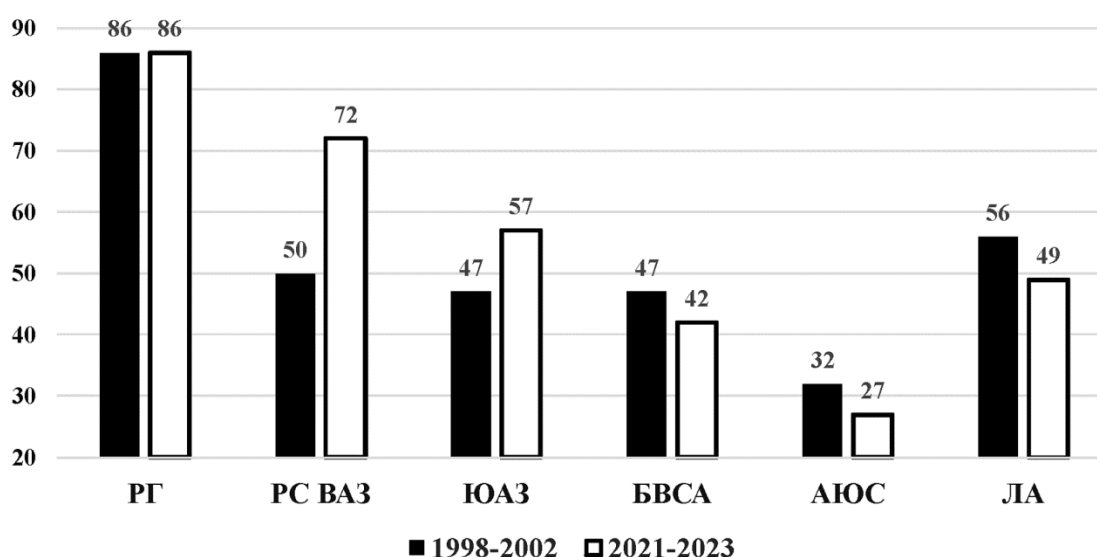

Диаграмма 1. Развитые государства (РГ) и основные регионы развивающихся стран (РС): динамика индекса эффективности государства ($0 \leq \text{ИЭГ} \leq 100$), 1998–2023 гг.

Diagram 1. Advanced economies (AEs) and main regions of developing countries (DCs): Dynamics of the quality index of key institutions, 1998–2022.

Рассчитано по Worldwide Governance indicators. The World Bank. <https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators/interactive-data-access> (accessed 15.01.2025)

Среднегодовой темп прироста (СГТП) ПВДП в 1960–2024 гг. в АЮС (0,5%) оказался ниже более чем втрое, чем в целом по странам БВСА и ЛА (1,6–1,8%), в 5–6 раз ниже, чем в ЮАЗ (2,9%) и более чем в 9 раз, чем в РС ВАЗ (4,8%)⁹. АЮС, превосходя РС АЗ по ПВДП (в ППС 2021 г.) в 1960 г. более чем в 2,5 раза, в 2024 г. отстала от них более чем втрое.

⁵ К моменту завершения работы над статьей опубликованы далеко не все необходимые данные за 2024 г.

⁶ Как отмечал лауреат Нобелевской премии по литературе Уильям Фолкнер, глубоко раскрывший в своих произведениях тесную связь настоящего и прошлого: «Прошлое никогда не мертво. Оно даже не прошлое» (“*The past is never dead. It is not even past*”).

⁷ Среднее геометрическое невзвешенное трех относительных показателей – подушевого ВВП, средней продолжительности предстоящей жизни от рождения и среднего числа лет обучения взрослого населения.

⁸ Рассчитано по: GDP per capita, PPP (constant 2021 international \$); Life expectancy at birth, total (years). The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org...>; Mean Years of Schooling by Age. *Wittgenstein Centre Human Capital Data Explorer*. <https://dataexplorer.wittgensteincentre.org/wcde-v2/> (accessed 06.07.2024)

⁹ Рассчитано по: GDP per capita, PPP (constant 2021 international \$); GDP per capita (constant 2015 US\$). The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/>; The World Bank. Global Economic Prospects, 2025. Washington, D.C., 2025. Pp. 215–218.

Успех/неуспех в экономическом развитии – часто, как известно, следствие не одной-двух, а многих причин. При этом эффективность государства и выбранная стратегия / модель развития – весьма весомые их детерминанты. Усредненный *индекс эффективности государства* (ИЭГ), рассчитанный нами по данным Всемирного банка (см. *диагр.* 1) свидетельствует о том, что спустя 40–50 лет после обретения политической независимости этот показатель в целом по АЮС был существенно ниже, чем в других регионах РС и имел, как, впрочем, в целом по ЛА и БВСА (но в отличие от РС ВАЗ и ЮАЗ)¹⁰, тенденцию к снижению.

Индекс эффективности государства в среднем по странам АЮС сократился с 2/3 от уровня РС АЗ в начале века до 2/5 в первой половине 2020-х гг. Хотя, например, в Южной Африке, Гане и Кении рассматриваемый показатель составляет 60–70% от средней планки РС АЗ, а в Маврикии, Ботсване, Сенегале и Руанде он превышает 80% от ее уровня¹¹, ИЭГ в Уганде, Танзании, Мозамбике, Замбии и Эфиопии составляет 30–40%, в Нигерии, Гвинее, Камеруне, Анголе, Мали и Зимбабве – 15–25%, а в Чаде, ЦАР, Либерии и ДРК – всего около 10%.

Основываясь на том, что по 5 крупнейшим регионам РС между изменением ИЭГ (*диагр.* 1) и СГТП их ПВВП¹² существует высокая и значимая корреляционная связь¹³, несложно рассчитать, что, при прочих равных условиях, в 2000–2023 гг. существенное отставание Субсахарских стран от РС АЗ по динамике экономического роста могло на 9/10 определяться их возросшим отставанием по параметру эффективности государства.

Подчеркнем также, что в отличие от быстрорастущих РС АЗ, в основе модели роста которых лежала *экспорториентированная индустриализация*, стратегия роста АЮС и двух других вышеупомянутых регионов (ЛА и БВСА) во многом определяется их специализацией в международном разделении труда как преимущественно поставщиков сырьевых товаров. Это, как будет показано ниже, в немалой мере сказалось на динамике и стабильности роста их ВВП.

Высокое значение коэффициента фертильности в АЮС, объясняющееся в немалой мере высокими (хотя и снижающимися) показателями младенческой смертности населения и отсутствием в большинстве Субсахарских стран развитой системы социального/пенсионного обеспечения, во многом обусловило опережающий (другие регионы РС) рост численности населения в АЮС. Между тем, как показывают расчеты по основным регионам РС [1], корреляционная связь между динамикой численности населения и ПВВП значимая, высокая и отрицательная.

Демографическая структура населения в АЮС менее производительная: там один работник (если он занят) кормит одного иждивенца, а в целом по другим РС на двух работников (пока еще) приходится один иждивенец. Добавим к сказанному, что в РС ВАЗ рост численности населения в 1960–2023 гг. «съедал» примерно 1/4 прироста ВВП, в ЮАЗ – 2/5, в ЛА – 1/2, в среднем по странам БВСА – 3/5, тогда как в АЮС – свыше 4/5 (!), оставляя весьма мало ресурсов для повышения уровня жизни населения, увеличения физического и человеческого капитала.

В отличие от быстрорастущих РС АЗ, в которых в результате проведения активной политики индустриализации *вклад индустриального сектора в прирост ВВП* в 1980–2023 гг. достигал 36–37% (в т.ч. в РС ВАЗ – 40%, в ЮАЗ – 29%), по АЮС он в среднем был на 2/5 меньше (20–21%) и едва ли существенно превышал вклад сельского хозяйства (18–19%)¹⁴. Хотя рассматриваемый параметр по индустриальному сектору АЮС имел определенную тенденцию к росту (с 17–18% в 1980–2000 гг. до 21–22% в

¹⁰ Эффективность государства в среднем по группе РГ за прошедшие четверть века в тенденции не выросла. Но это тема отдельного исследования.

¹¹ Согласно проведенному Всемирным банком обследованию среди 10 развитых и 40 развивающихся стран, Субсахарские страны по индексу готовности к бизнесу в 2024 г. попали в основном в нижние квинтили ранжированного ряда. Однако Руанда, Маврикий и Ботсвана оказались в его высшей половине, заняв, по нашим подсчетам, соответственно 4-е, 20-е и 25-е места (среди 40 РС – 2-е, 11-е и 16-е места). Рассчитано по: The World Bank. Business Ready, 2024. Washington, D.C., 2024. Рр. XXIX–XXX.

¹² В 2000–2023 гг. в РС ВАЗ – 5,8%, в ЮАЗ – 4,2%, в АЮС – 1,3%, в странах БВСА – 2%, в ЛА – 1,1%.

¹³ В 2000–2023 гг. $R = 0,97$; $p < 0,01$. R – коэффициент корреляции (изменяется от –1 до +1); p – показатель статистической значимости. Используется для проверки гипотезы (принимает значения от 0 до 1). Чем меньше p , тем меньше вероятность ошибки.

¹⁴ При этом в *аграрном секторе* АЮС, на долю которого все еще приходится половина всех занятых, несмотря на некоторое ускорение темпов прироста производства в последние два-три десятилетия, в целом СГТП *подушевого производства* в 1980–2023 гг. был более чем вдвое меньше, чем в среднем по РС (0,8% vs 1,8%) [1].

2000–2023 гг.), для Западной и Центральной Африки характерно более чем двукратное отставание от Восточной и Южной Африки (в 2000–2023 гг. 13% vs 28%)¹⁵.

Растущий спрос транснациональных корпораций и стремление к быстрому обогащению немалой части африканских элит предопределило то, что большинство стран АЮС сделало ставку на экспорт (необработанных или слабо обработанных) природных ресурсов. Доля доходов от реализации природной ренты в АЮС хотя и более чем вдвое меньше, чем в среднем по странам БВСА (в 1981–2021 гг. соответственно 10 и 22% ВВП), но вдвое больше, чем в РС АЗ (4–5% ВВП)¹⁶. При этом в АЮС в 1980–2023 гг. более чем на четверть сократившаяся доля обрабатывающей промышленности (ОП) в ВВП оказалась в 2023 г. вдвое меньше, чем в среднем по другим РС (11% vs 22%)¹⁷.

В АЮС в 1982–2023 гг. темпы прироста добавленной стоимости в ОП (см. *граф. 1*) были в среднем (1,3%) почти в 5 раз ниже, чем, например, в таком сравнительно бедном регионе, как ЮАЗ (6,3%) и, судя по коэффициенту их вариации, более чем 6 раз менее стабильны (306%¹⁸ vs 54%). Справедливости ради отметим, что в 2001–2023 гг. средние темпы прироста производства в ОП АЮС достигли 3,1%, но они вдвое уступали параметру по ЮАЗ.

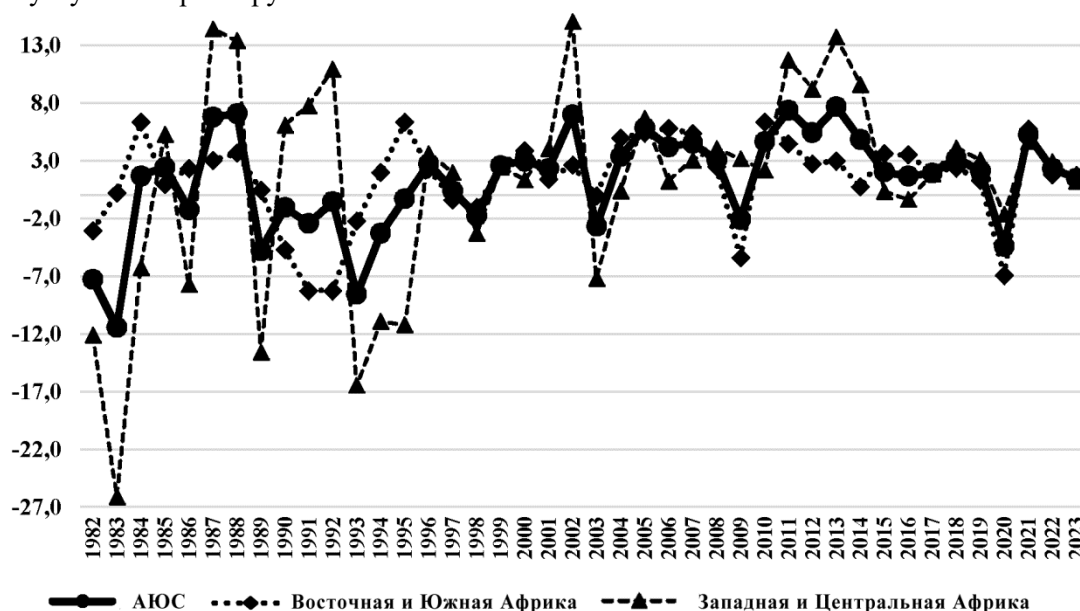

График 1. Динамика темпов прироста добавленной стоимости обрабатывающей промышленности (на базе неизменных цен) в Африке южнее Сахары, в Восточной и Южной Африке и Западной и Центральной Африке, 1982–2023 гг. (%).

Graph 1. Dynamics of the growth rate of value added of the manufacturing industry (based on constant prices) in Sub-Saharan Africa, East and Southern Africa and West and Central Africa, 1982–2023 (%).

Рассчитано по: Manufacturing, value added (annual % growth). The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators> (accessed 15.01.2025)

Между тем данные *граф. 2* демонстрируют наличие значимой и существенной положительной связи¹⁹ между динамикой подушевого производства в ОП и ростом подушевого ВВП. Отставание АЮС по динамике роста подушевого ВВП от РС АЗ и других регионов РС во многом определяется ее весьма скромными достижениями в развитии современной ОП и отрицательным значением параметра подушевого роста ее производства.

¹⁵ Рассчитано по: Industry (including construction), value added (constant 2015 US\$); GDP (constant 2015 US\$). The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/...>

¹⁶ Рассчитано по: Total natural resources rents (% of GDP). The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/...>

¹⁷ В 2023 г. показатель составил 13–14% в целом по странам БВСА и ЮАЗ, 18% в ЛА и 25% в РС ВАЗ. Составлено и рассчитано по: Manufacturing, value added (% of GDP). The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/...>; The World Bank. World Development Indicators, 1998. Washington, D.C., 1998. P. 182.

¹⁸ В Восточной и Южной Африке 263%, в Западной и Центральной Африке 703% (!).

¹⁹ $p < 0,01$; $R > 0,9$.

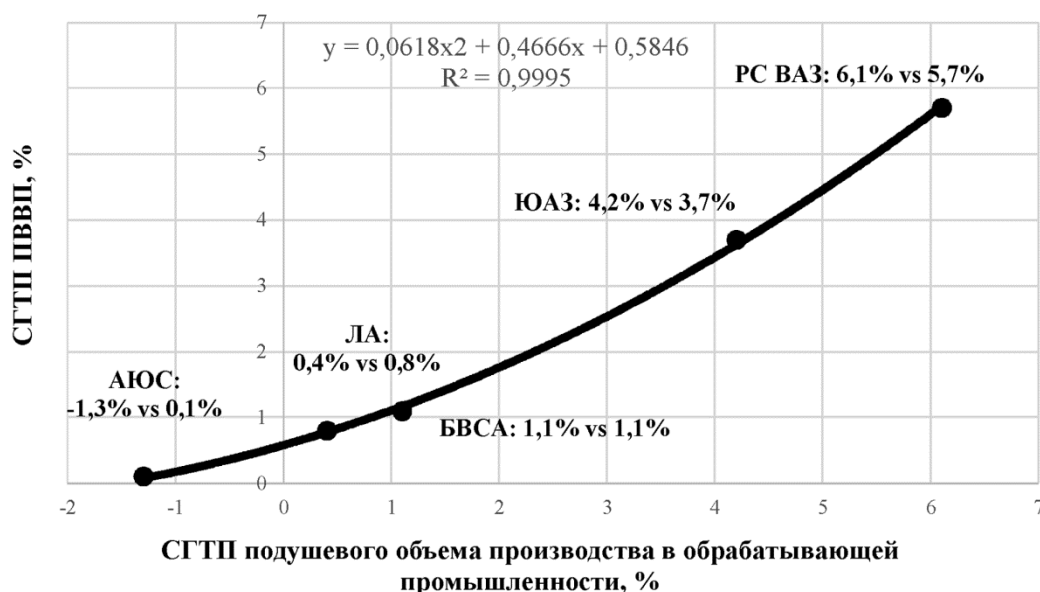

График 2. Влияние среднегодового темпа прироста (СГТП) подушевого производства в обрабатывающей промышленности на СГТП подушевого ВВП (ПВВП) в основных регионах развивающихся стран (РС), 1980–2023 гг. (%).

Graph 2. The impact of compound annual growth rate (CAGR) of per capita manufacturing on CAGR of per capita GDP (PCGDP) in the main regions of DCs, 1980–2023 (%).

Рассчитано по источнику к *граф. 1*, а также: Population, total; GDP per capita, PPP (constant 2021 international \$); GDP per capita (constant 2015 US\$). The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/...>

Сказанное подтверждается наличием значимой и существенной положительной корреляционной связи²⁰ между динамикой экспорта готовых изделий и динамикой подушевого ВВП (см. *граф. 3*; [1]).

Отставание АЮС от других крупных регионов РС по темпам прироста экспорта товаров и услуг и среднегодовому темпу прироста подушевого ВВП (см. *граф. 3*) в немалой мере связано с тем, что для нее, в отличие от РС АЗ и других регионов РС, характерна весьма низкая и практически мало меняющаяся доля готовых изделий в товарном экспорте (см. *диагр. 2*).

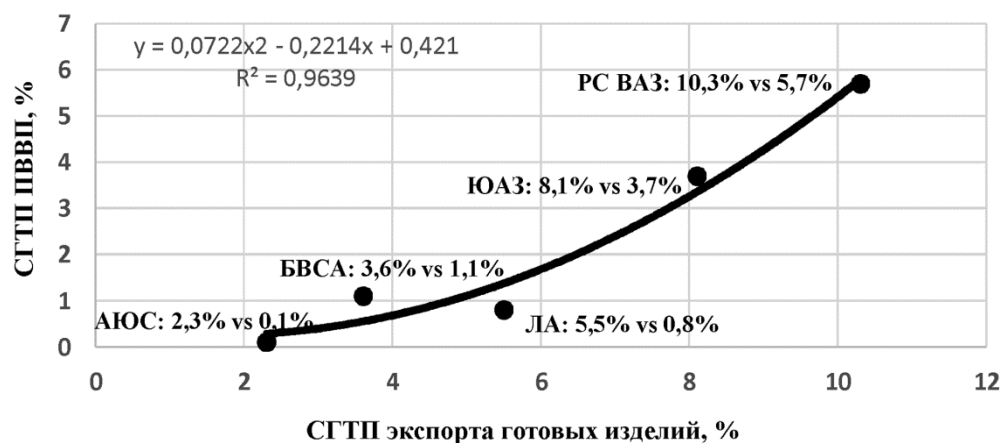

График 3. Влияние среднегодового темпа прироста (СГТП) экспорта готовых изделий на СГТП подушевого ВВП (ПВВП) в основных регионах развивающихся стран (РС), 1980–2023 гг. (%).

Graph 3. The impact of compound annual growth rate (CAGR) of exports of manufactured goods on CAGR of per capita GDP in the main regions of developing countries (DCs), 1980–2023 (%).

Рассчитано по источникам к *граф. 2*, а также Exports of goods and services (constant 2015 US\$); Manufactures exports (% of merchandise exports). The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/...>

²⁰ $p < 0,01$; $R > 0,9$.

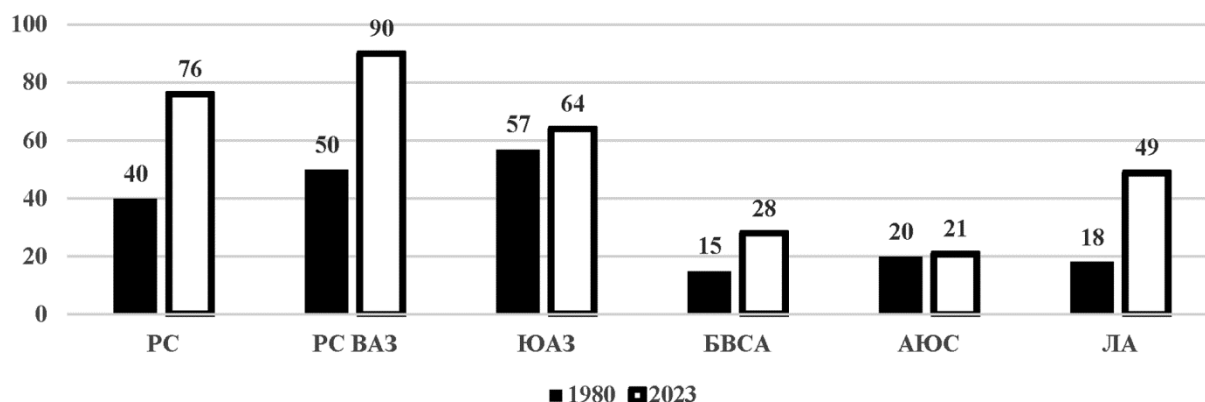

Диаграмма 2. Развивающиеся страны (РС), 1980–2023 гг.: динамика доли готовых изделий в товарном экспорте (%).

Diagram 2. Developing countries (DCs), 1980–2023: dynamics of the share of finished products in merchandise exports (%).

Источник: Manufactures exports (% of merchandise exports). The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/...>

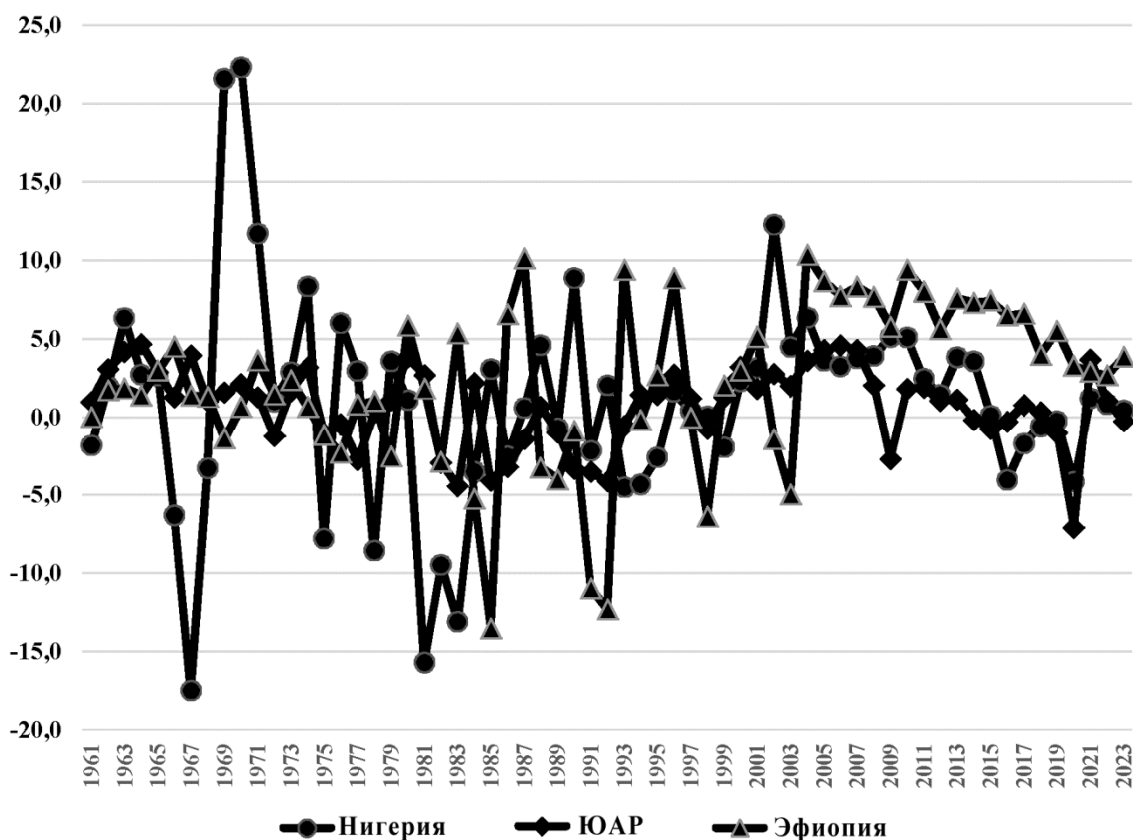

График 4. Динамика темпов прироста подушевого ВВП в трех крупнейших странах Африки южнее Сахары, 1961–2023 гг. (%).

Graph 4. Dynamics of growth rates of per capita GDP in the three largest countries of Sub-Saharan Africa, 1961–2023 (%).

Рассчитано по источникам к *граф.* 1.

Значительная *волатильность годовых темпов прироста подушевого ВВП* в странах АЮС (см. *граф.* 4), обусловленная сравнительно невысоким качеством их экономических и социально-политических институтов, быстрым демографическим ростом, низким уровнем их индустриализации, существ-

венной зависимостью их экономик от нестабильности²¹ условий внешней торговли при доминировании в экспорте сырьевых отраслей, весьма значимо, весомо и негативно сказывается на долгосрочной динамике подушевого ВВП в АЮС (см. *граф. 5*)²², среднегодовые темпы прироста которого, как отмечалось, существенно ниже, чем в других крупных регионах РС.

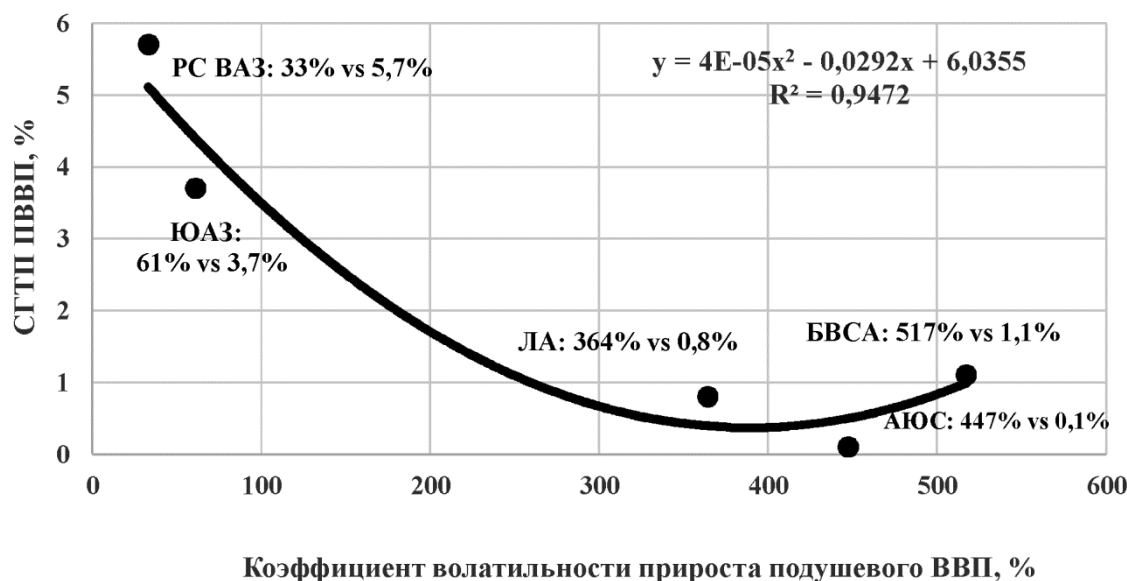

График 5. Влияние волатильности темпов прироста подушевого ВВП на среднегодовой темп его прироста в основных регионах РС, 1981–2023 гг. (%).

Graph 5. The impact of volatility in the growth rate of per capita GDP on its compound annual growth rate in the main regions of the DCs, 1981–2023 (%).

Рассчитано по источникам к *граф. 2*.

Примечание. Первый показатель – коэффициент вариации вокруг среднего, рассчитанный по темпам прироста ПВП; второй – СГТП ПВП, %.

НАКОПЛЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОГО И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И МОДЕЛИ РОСТА

В отличие от РС Азии, в АЮС динамика доли внутренних сбережений в ВВП в 1980–2023 гг. была в 6–7 раз более волатильна²³, а сама доля оказалась в среднем сравнительно невысока (см. *граф. 6*). Если в целом по РС Азии доля внешних источников финансирования капиталовложений в 1980–2023 гг. равнялась 5–7%, в т.ч. в ЮАЗ – 12–14%, то в АЮС она составляла примерно 1/3. При этом в АЮС в 1990–2023 гг. доля притока ПИИ в валовых вложениях в основной капитал (ВВОК) в среднем не превышала 8–9%. Примерно в такую же величину можно оценить существенно выросший валовой приток денежных переводов трудовых эмигрантов в регион (с 0,7% ВВП в 1990 г. до 1,3% в 2000 г. и 2,6% в 2023 г.²⁴), который расходовался не только на ВВОК, но и (в не меньшей мере) на потребление²⁵. Одна-

²¹ По данным Всемирного банка, в 2000–2024 гг. в АЮС удвоилось число вооруженных конфликтов, втрое увеличилась доля людей, пострадавших от неблагоприятных погодных явлений (засухи, наводнения, ураганы и т.п.). См.: The World Bank. Global Economic Prospects, 2025. Washington, D.C., 2025. P. 96; Sinha N., Inchauste G., Narayan A., eds. Leveling the Playing Field: Addressing Structural Inequalities to Accelerate Poverty Reduction in Africa. Washington, DC. World Bank, 2024. Pp. 75–86.

²² $p = 0,03$; $R = (-)0,97$.

²³ В АЮС коэффициент вариации вокруг среднего рассматриваемого показателя составлял 79%, а по РС ВАЗ и ЮАЗ соответственно 14 и 11%.

²⁴ В 2023 г. показатель по АЮС был выше, чем по РС ВАЗ, БВСА и ЛА (соотв. 0,6%, 2 и 2,4% ВВП), но значительно меньше, чем по ЮАЗ (4,3% ВВП).

²⁵ Рассчитано по: World Investment Report, 2024. UNCTAD. New York, 2024. P. 157; Foreign direct investment. Inward flows. Percentage of Gross Fixed Capital Formation. UNCTAD. Data Centre. <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock>; Personal remittances, received (% of GDP). The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/>...

ко, подчеркнем, немалую часть дефицита финансовых средств для осуществления капиталовложений субсахарским странам приходилось восполнять на долговой основе.

В результате несмотря на то, что страны АЮС (многие из которых классифицируются как наименее развитые) после мирового финансового кризиса получали внешнюю помощь, в 5–6 раз большую (в 2018–2022 гг. 3,3% ВВП), чем в среднем другие РС, в целом по АЮС *общий размер внешней задолженности, отнесенный к ВВП*, по имеющимся данным, вырос почти на 3/4 (с 25–27% в 2010–2012 гг. до 44–45% в 2020–2022 гг.). По другим РС показатель в целом повысился, но незначительно – соответственно с 23 до 25%.

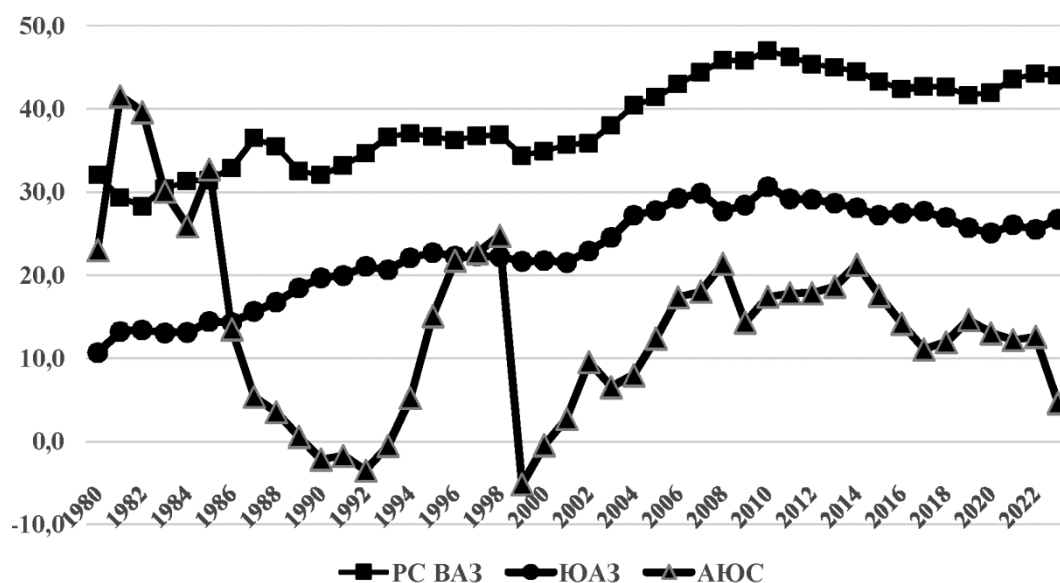

График 6. Развивающиеся страны ВАЗ, ЮАЗ и АЮС: динамика доли внутренних сбережений в ВВП, 1980–2023 гг. (%).

Graph 6. Developing countries of East Asia and Pacific, South Asia and Sub-Saharan: dynamics of the share of domestic savings in GDP, 1980–2023 (%).

Составлено по Gross domestic savings (% of GDP). The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/...>

В субсахарских странах почти втрое увеличилась *доля обслуживания внешнего долга в ВВП* – с 1,6% в 2008–2012 гг. до 4,4% в 2018–2022 гг. (в т.ч. до 6–9% в Габоне, Гане, Лесото, Сенегале, Южной Африке, Замбии; 17–19% в Маврикии и Анголе и 23% в Мозамбике²⁶) и оказалась вдвое больше, чем в РС Азии²⁷.

Ограниченность внутренних источников финансирования, в т.ч. вследствие бедности, недостаточной эффективности сбора налогов и роста расходов на обслуживание долгов²⁸, а также недооценка правительствами многих африканских стран важности мобилизации ресурсов для увеличения человеческого

²⁶ В 2023–2024 гг. в ряде Субсахарских стран вследствие ухудшения валютно-финансовой и экономической ситуации проблема с обслуживанием долгов резко обострилась. Показатель обслуживания внешнего долга от суммы поступлений от экспорта товаров и услуг может, по оценкам, вырасти в Уганде и Замбии с 17–19% в 2020–2022 гг. до 40–60% в 2024 г.; в Анголе соответственно с 31–32 до 55–60%; в Нигерии – с 13–14 не менее чем до 70–80%; в Мозамбике – с 64–66 более чем до 100%. См.: Fofack H. The Way Out of Africa's Debt Doom Loop. *The Project-Syndicate*. 08.04.2024. <https://www.project-syndicate.org/commentary/how-africa-can-escape-debt-doom-loop-by-hippolyte-fofack-2024-04> (accessed 08.04.2024); Total debt service (% of exports of goods, services and primary income). The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/...>; State of Play of Debt Burden in Africa, 2024. Debt Dynamics and Mounting Vulnerability. African Export-Import Bank. Cairo, 2024. P. 21.

²⁷ Составлено и рассчитано по: World Investment Report, 2024. UNCTAD. New York, 2024. P. 157; Foreign direct investment. Inward flows. Percentage of Gross Fixed Capital Formation. UNCTAD. Data Centre. <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock>; International Debt Report, 2023. The World Bank. New York, 2023. P. 53; Total debt service (% of GNI). The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/reports...>

²⁸ В Африке в 2000–2022 гг. государственные подушевые расходы на обслуживание долгов (\$70 в год) были выше, чем на здравоохранение и образование (соответственно \$39 и \$60). См.: A World of Debt. UNCTAD. New York, 2024. P. 17.

капитала предопределили то, что достижения стран АЮС в увеличении *доли вложений в физический и человеческий капитал* (ФК и ЧЛК) в ВВП были, хотя и не намного хуже, чем, например, в целом по БВСА и ЛА²⁹, но намного более скромными, чем в развивающихся странах ВА3 и ЮА3 (см. *диагр. 3*).

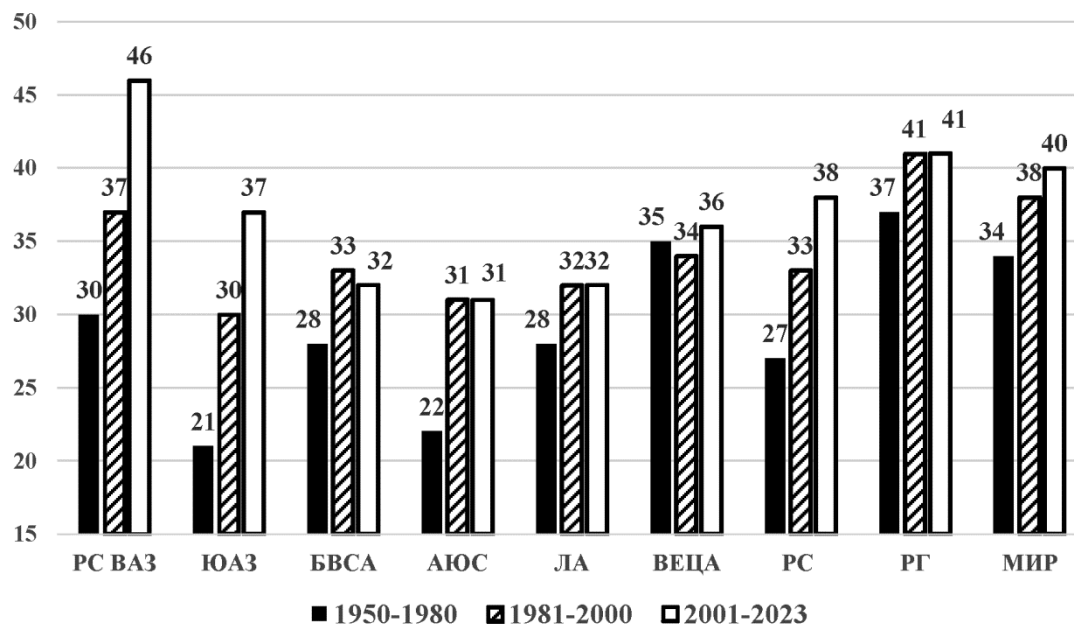

Диаграмма 3. Динамика доли совокупных вложений (СВ) в физический и человеческий капитал (ФК и ЧЛК) в ВВП в целом по миру, РГ, основных регионах РС в 1950–2023 гг. (%).

Diagram 3. Dynamics of the share of total investments in physical and human capital in GDP for the whole world, AEs, main regions of the DCs in 1950–2023 (%).

Расчеты и оценки автора по Gross fixed capital formation (% of GDP); Government expenditure on education, total (% of GDP); Current health expenditure (% of GDP); Research and development expenditure (% of GDP). The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/>...

Примечание: 1. Доля вложений в физический и человеческий капитал – совокупные расходы на инвестиции в основной капитал, образование, здравоохранение и НИОКР в ВВП (%). 2. ВЕЦА – Восточная Европа и Центральная Азия.

Вместе с тем расчеты, выполненные по параметрам ранее построенной нами малоразмерной модели ([1, *рис. 3*]) показывают, что отставание АЮС, а также БВСА и ЛА от развивающихся стран ВА3 и ЮА3 по доле вложений в физический и человеческий капитал в ВВП могло, при прочих равных условиях, примерно на 3/4 объяснять их отставание и по динамике подушевого ВВП. Базируясь на расчетах, сделанных по данным и параметрам регрессионного уравнения на *граф. 7*, можно констатировать, что отмеченная закономерность характерна в целом и для АЮС: дифференциация субсахарских стран по темпам прироста подушевого ВВП, при прочих равных условиях, примерно на 4/5 могла быть вызвана их различием в показателях доли совокупных капиталовложений в ВВП.

На основе рассчитанной нами ранее трехфакторной модели, учитывающей внутренние и внешние макроэкономические, а также институциональные факторы [1]³⁰, было установлено, что в 2000-е – на-

²⁹ В расчете на душу населения показатель совокупных расходов на вложения в физический (основной) и человеческий капитал в АЮС в 4–5 раз меньше, чем в среднем по ЛА и БВСА.

³⁰ По имеющимся данным за 2000–2022 гг. построена следующая модель по 41 стране АЮС [1, с. 45]

$$GR_Y/P_i = -1,485 + 0,084 * mPKHK_i + 0,143 * GR_X_i + 0,019 * \Delta GE_i$$

(p<0,01) (p<0,01) (p=0,01) (p=0,02)

N = 41; F-StatProb=5,41E-10; R² adj. = 0,684.

Примечание. GR_Y/P_i – СГТП ПВВП (%); mPKHK_i – доля в ВВП инвестиций в физический и человеческий капитал (образование, здравоохранение, НИОКР, %); GR_X_i – СГТП физического объема экспорта товаров и услуг (%); ΔGE_i – прирост за период параметра эффективности госуправления, в проц. пунктах; i – страна. N – число стран; p – коэффициент статистической значимости; F-StatProb – критерий, оценивающий качество всех коэффициентов уравнения. Его значение, меньшее 0,01, позволяет отвергнуть гипотезу о незначимости регрессии в целом. R² adj. – скорректированный коэффициент детерминации.

чале 2020-х гг. в АЮС существенное опережение быстрорастущими странами³¹ медленнорастущих стран³² по среднегодовому темпу прироста подушевого ВВП связано примерно на 1/3, 1/4 и 1/10 с разницей в (а) долях совокупных капиталовложений в ВВП (соответственно 40 и 26%), (б) СГТП физического объема экспорта товаров и услуг (6,4 и 0,3%), (в) изменении за период параметра эффективности госуправления (в быстрорастущих странах показатель в среднем вырос на 10 проц. пунктов, в медленнорастущих странах он снизился на 9 проц. пунктов).

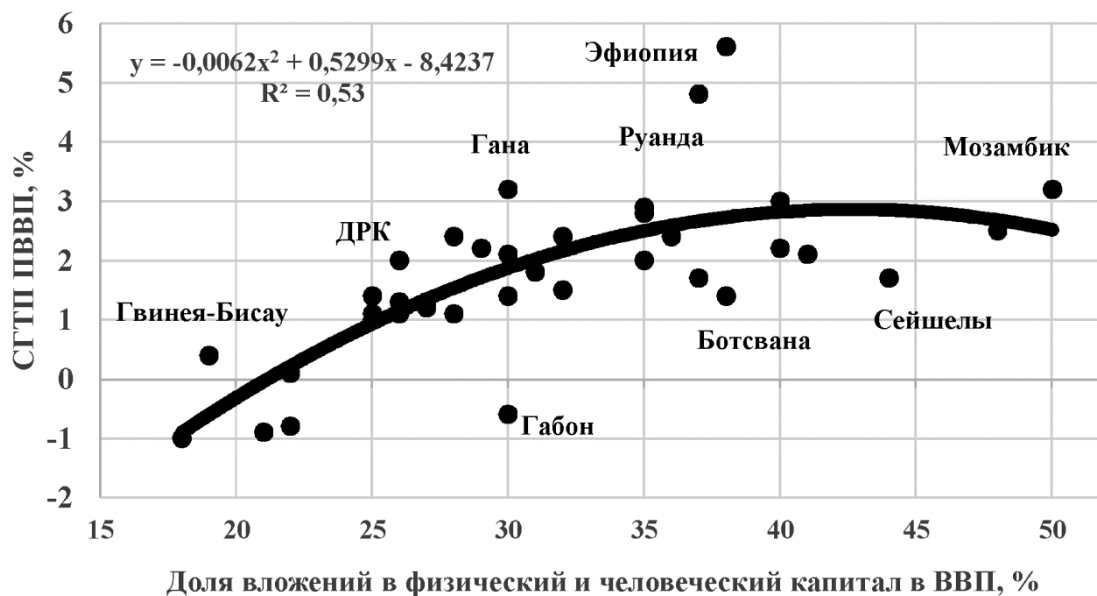

График 7. Влияние доли совокупных вложений в физический и человеческий капитал в ВВП на среднегодовой темп прироста подушевого ВВП в странах АЮС, 2000–2022 гг. (%).

Graph 7. The impact of the share of total investments in physical and human capital in GDP on compound average growth rate of per capita GDP in SSA countries, 2000–2022 (%).

Рассчитано по источникам к *граф. 2 и диагр. 3.*

Оценивая в целом эффективность роста экономики, можно сказать, что, в отличие от РГ, в которых в долгосрочном плане обнаружилась тенденция к снижению динамики роста *совокупной факторной производительности* (СФП), а в РС Азии, наоборот, к ее повышению, в АЮС, как, впрочем, и по регионам БВСА и ЛА, динамика роста СФП, в немалой мере зависящая от конъюнктуры экспортных цен на сырьевые товары³³, была в 1950–2023 гг. и сравнительно низкой и неустойчивой (см. *диагр. 4*)³⁴. В АЮС среднегодовой темп прироста СФП оказался в 3,5 и 4,5 раза ниже, чем в РГ и в среднем по РС ВАЗ и ЮАЗ, а ее погодная динамика соответственно вчетверо и в 8–9 раз менее стабильной.

Но есть явные, хотя и немонокотонные изменения к лучшему. Негативная динамика изменения СФП в 1980–2000 гг. сменилась на позитивную в 2000–2023 гг. При этом, в отличие от других регионов РС, в АЮС изменение тренда среднегодового темпа прироста СФП (если считать в проц. пунктах) оказалось более значительным. В 2000–2023 гг. среднегодовой темп прироста СФП в АЮС (1,0%) был, хотя и в 2–3 раза меньше, чем по ЮАЗ и РС ВАЗ, но больше, чем по странам БВСА (0,9%) и почти втрое (!) больше, чем по развитым государствам (0,3%)³⁵.

Справедливости ради заметим, однако, что общее торможение экономического роста в мире, связанное с последствиями мирового финансового кризиса конца 2000-х гг., усилением фрагментации глобальной экономики, последствиями борьбы с *COVID-19*, введением странами Запада санкций против ряда РС, сказалось и на АЮС. Среднегодовой темп прироста СФП по ней сократился даже больше (бо-

³¹ Эфиопия, Руанда, Мозамбик, Гана, Танзания, Маврикий, Кабо-Верде.

³² Зимбабве, ЦАР, Бурунди, Габон, Гамбия, Гвинея-Бисау, Малави.

³³ В 1980–2000 гг. она в целом была низкой.

³⁴ Среднегодовые темпы прироста СФП по РГ и РС отличаются от наших расчетов в статье [1], т.к. выполнены с учетом более полных данных по основным регионам РС, за почти вдвое более длительный период времени и на основе ППС 2021 г.

³⁵ В целом по странам ЛА исследуемый показатель в тенденции, возможно, снижался в среднем ежегодно на 0,1%.

лее чем вчетверо – с 1,8% в 2000–2010 гг.³⁶ до 0,4% в 2010–2023 гг.), чем в среднем по РС (с 2 до 1,5%), в т.ч. в РС ВА3 – с 3,6 до 2,3%, ЮАЗ – с 2,1 до 1,6%, в странах БВСА – с 1,3 до 0,5%, в целом по ЛА – с 0,2% до (-)0,3%.

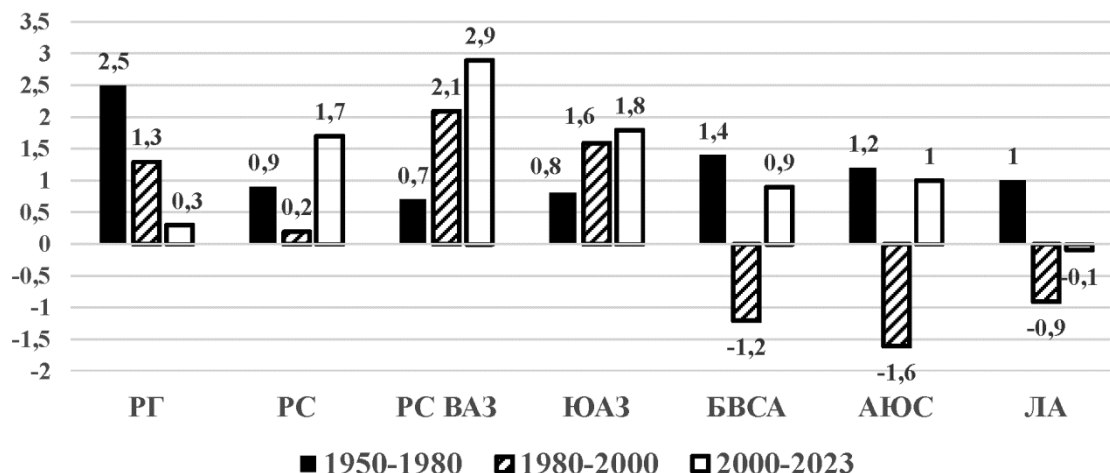

Диаграмма 4. Среднегодовые темпы прироста (СГТП) совокупной факторной производительности (СФП) в развитых государствах и основных регионах развивающихся стран, 1950–2023 гг. (%).

Diagram 4. Compound annual growth rate (CAGR) of total factor productivity (TFP) in the advanced economies (AEs) and main regions of developing countries (DCs), 1980–2023 (%).

Рассчитано с использованием данных в новых ППС 2021 г. по источникам к рис. 3; GDP per person employed (constant 2021 PPP \$); Gross fixed capital formation (constant 2015 US\$). The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators> (accessed 17.07.2024)

Примечания. 1. Рассчитано по формуле: $g = y - [\alpha \cdot l + (1 - \alpha) \cdot k]$, где y , l , k и g — СГТП ВВП, занятости, основного капитала и СФП. 2. Средние показатели эластичности изменения ВВП по рабочей силе (α) и капиталу ($1 - \alpha$) взяты равными по РГ 0,65 и 0,35; по РС ВА3 0,6 и 0,4. По другим РС 0,65 и 0,35. 3. Величина основного капитала в неизменных ценах по РГ и РС рассчитана методом непрерывной инвентаризации Р.Голдсмита.

$K_t = K_n + \sum_{i=1}^n (I - A)$, где K_n и K_t — объем основного капитала в начальном и конечном году; I — валовые вложения в основной капитал в неизменных ценах без учета изменения запасов; A — величина амортизации основного капитала. Начальный объем основного капитала за год n можно получить, предварительно рассчитав средний коэффициент капиталоемкости по формуле: $K_n / Y_n = m / (g + \delta)$, где K_n и Y_n — соответственно объем основного капитала по остаточной стоимости и ВВП в году n ; m — норма капиталовложений в году n ; g — темп прироста ВВП за предшествующее году n десятилетие; δ — норма амортизации основного капитала.

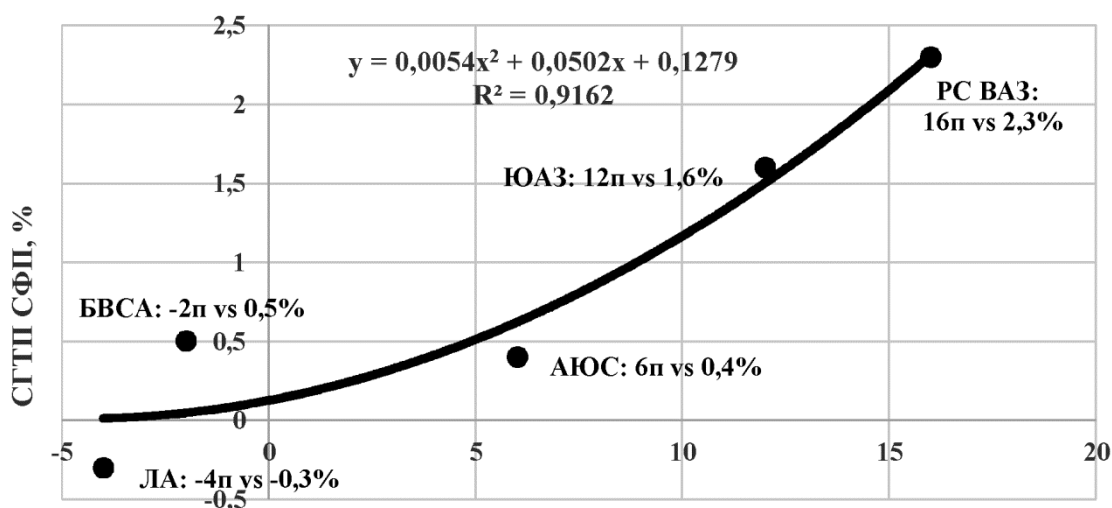
Используя данные о рейтингах стран мира по *Глобальному инновационному индексу* (ГИИ) за 2012 и 2023 гг., удалось установить, что по основным регионам РС в 2010–2023 гг. существовала значимая и достаточно тесная позитивная связь между изменением среднего рейтинга стран региона по ГИИ и среднегодовым темпом прироста СФП региона (см. *граф. 8*)³⁷.

При этом, хотя для стран АЮС в целом за исследуемый период наблюдалось улучшение среднего рейтинга по *Глобальному инновационному индексу* (на 6 позиций), а среднегодовой темп прироста СФП оказался (0,4%) близок к показателю по БВСА (0,5%) и выше, чем в среднем по ЛА ((-)0,3%), *среднее значение ГИИ* по странам АЮС в 2023 г. (106-е место) было ниже, чем в ЮАЗ (100), ЛА (84), в странах БВСА (68) и развивающихся странах ВА3 (62-е место). А уровень *производительности труда* (ВВП на одного занятого) в АЮС в 2023 г. был ниже более чем в 2,5 раза, чем в среднем по РС, в т.ч. ниже почти вдвое, чем в ЮАЗ, и более чем втрое ниже, чем по развивающимся странам ВА3³⁸.

³⁶ Период 2000–2008 гг. был весьма благоприятным для многих развивающихся стран в связи с тем, что КНР, вступившая в конце 2001 г. в ВТО, стала не только увеличивать экспорт своих товаров двукратными темпами, но и почти так же расширять спрос, в т.ч. на сырьевые товары, что в значительной мере способствовало ускорению экономического роста в развивающихся странах, в т.ч. в АЮС.

³⁷ $p = 0,02$; $R > 0,9$.

³⁸ Рассчитано по источнику к *диагр. 4*.

Изменение за период среднего рейтинга ГИИ, число позиций

График 8. Влияние изменения среднего рейтинга Глобального инновационного индекса (ГИИ) на среднегодовой темп прироста (СГТП) совокупной факторной производительности (СФП) в основных регионах развивающихся стран (РС) в 2010–2023 гг.

Graph 8. The impact of changes in the average rating of the Global Innovation Index on compound annual growth rate (CAGR) of total factor productivity (TFP) in the main regions of the developing countries (DCs) in 2010–2023.

Рассчитано по источникам к *диагр.* 4 и Global Innovation Index, 2012, Pp. XVIII–XIX; 2023, Pp. 19–20. The WIPO. Geneva.

Примечание. Первый показатель – изменение среднего рейтинга Глобального инновационного индекса (в позициях (п) в мире), второй – СГТП СФП.

(Окончание следует)

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Мельянцев В.А. Африка южнее Сахары: тренды, пропорции и факторы развития. *МЭиМО*. 2024, т. 68, № 6, с. 40–51. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-6-40-51
 Meliantsev V.A. 2024. Sub-Saharan Africa: Trends, Proportions, and Development Factors. *MEMO Journal*. Vol. 68, № 6. Pp. 40–51. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-6-40-51
- Неравномерность экономического роста в современных концепциях. И.В.Дерюгина. (отв. ред.). *Экономический рост в странах Востока: тенденции, неравномерность, неравенство социального развития*. Кн. 1. М.: ИВ РАН, 2020. С. 17–32.
 Deryugina I. (Ed). 2020. Unevenness of economic growth in modern concepts. *Economic Growth in the East: Trends, Unevenness, Inequality in Social Development*. Book 1. Moscow. Pp. 17–32. (In Russ.)
- Абрамова И.О. Народонаселение Африки в условиях трансформации мирового порядка. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 12. С. 5–15. DOI: 10.31857/S032150750023555-2
 Abramova I.O. 2022. Population of Africa in the context of transformation of the world order. *Asia and Africa today*. № 12. Pp. 5–15. DOI: 10.31857/S032150750023555-2
- Мельянцев В.А. Глобализация, ее плоды и тени. И.В. Дерюгина (отв. ред.). Страны Востока и Россия в глобальных процессах. Москва: ИВ РАН, 2022. С. 53–67.
 Meliantsev V.A. 2022. Globalization, its fruits and shadows. Ed. I.V.Deriugina. *Countries of the East and Russia in Global Processes*. Moscow. Pp. 53–67. (In Russ.)
- Stiglitz J. 2022. The World Economy: Where to after the Pandemic? Rethinking Global Cooperation. *Journal of Policy Modeling*. 44(4). Pp. 812–819. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2022.09.011
- Спартак А.Н. Контуры развития кризиса неолиберального экономического порядка, сценарии будущего мироустройства. А.С.Булатов, Н.В.Галищева, М.А.Максакова (ред.). *Новые тренды в экономической глобализации*. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2023. С. 15–34.

- Spartak A.N. 2023. Contours of development of the crisis of the neoliberal economic order, scenarios for the future world order. Ed. A.S.Bulatov, N.V.Galishcheva, M.A.Maksakova. *New Trends in Economic Globalization*. Moscow. Pp. 15–34. (In Russ.)
7. Rodrik D., Walt S. 2024. How to Construct a New Global Order. *Oxford Review of Economic Policy*. 40(2). Pp. 256–268. DOI: 10.1093/oxrep/gra011
8. Леденёва М.В., Плаксунова Т.А. Экономический рост и перспективы экономического развития стран Африки южнее Сахары. *Теоретическая и прикладная экономика*. 2020. № 2. С. 129–139. DOI: 10.25136/2409-8647.2020.2.32732
Ledenyova M.V., Plaksunova T.A. 2020. Economic growth and prospects of economic development of sub-Saharan Africa]. *Theoretical and Applied Economics*. № 2. Pp. 129–139. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-8647.2020.2.32732
9. Okumu I. and Mawejje J. 2020. Labour Productivity in African Manufacturing: Does the Level of Skills Development Matter? *Development Policy Review*. 38 (4). Pp. 441–464. DOI: 10.1111/dpr.12431
10. Yeboua K. 2020. Foreign Direct Investment and Economic Growth in Africa: New Empirical Approach on the Role of Institutional Development. *Journal of African Business*. 22 (3). Pp. 361–378. DOI: 10.1080/15228916.2020.1770040
11. Поспелов В.К. Перспективы научно-технического прогресса в африканских странах. Е.В.Морозенская (отв. ред.). *Научно-технологический потенциал современной Африки*. М.: Институт Африки РАН, 2022. С. 29–37.
Pospelov V.K. 2022. Prospects for scientific and technological progress in African countries. Ed. E.Morozenskaya. *The Scientific and Technological Potential of Modern Africa*. Moscow. Pp. 29–37. (In Russ.)
12. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Второй саммит Россия – Африка: от наследия колониализма к суверенитету и развитию. *МЭМО*. 2023. 67 (12) С. 35–48. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-12-35-48
Abramova I.O., Fituni L.L. 2023. Second Russia – Africa Summit: From the Legacy of Colonialism to Sovereignty and Development. *MEMO Journal*. 67 (12). Pp. 35–48. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-12-35-48
13. Hern E. Explaining Successes in Africa. New York: Lynne Reiner Publishers, 2023. 189 p.
14. Морозенская Е.В. Особенности формирования нового этапа экономического развития стран Африки. С.Н.Волков, Т.Л.Дейч, О.В.Константинова (отв. ред.). *Африка – восходящий центр формирующегося многополярного мира*. М.: Институт Африки РАН, 2024. С. 103–116.
Morozenskaya E.V. 2024. Features of the formation of a new stage of economic development of African countries. Eds. S.N.Volkov, T.L.Deich, O.V.Konstantinova. *Africa is the Rising Center of the Emerging Multipolar World*. Moscow. Pp. 103–116. (In Russ.)
15. Maddison A. Contours of the World Economy, 1–2030 AD. New York: Oxford University Press, 2007. 418 p.
16. Ferguson N. Civilization. The West and the Rest. New York: Allen Lane, 2011. 402 p.
17. Абрамова И.О. (отв. ред.). Африка: неоплаченный долг колонизаторов. М.: Институт Африки РАН, 2023. 122 с.
Abamova I.O. (Ed.). 2023. Africa: Colonizers' Unpaid Debt. Moscow. 122 p. (In Russ.)
18. Мельянцев В.А. Основные тенденции, детерминанты и проблемы-противоречия современного экономического роста в развитых и развивающихся странах. *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. 2021. № 5. С. 203–215. DOI: 10.31857/S086919080016660-3
Meliantsev V.A. 2021. Main trends, determinants and problems-contradictions of modern economic growth in developed and developing countries. *East. Afro-Asian Societies: History and Modernity*. Pp. 203–215. (In Russ.). DOI: 10.31857/S086919080016660-3
19. Мельянцев В.А. Насколько существенно и устойчиво развивающиеся страны перегоняют развитые по динамике производительности? *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 7. С. 5–16. DOI: 10.31857/S032150750031387-7
Meliantsev V.A. 2024. To What Extent are Developing Countries Outperforming Developed Countries in terms of Productivity Dynamics? *Asia and Africa today*. № 7. Pp. 5–16. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750031387-7

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мельянцев Виталий Альбертович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, заслуженный профессор МГУ им. М.В.Ломоносова, заведующий кафедрой международных экономических отношений стран Азии и Африки, ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова; член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня», Москва, Россия.

Vitalii A. Meliantsev, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Dr.Sc. (Economics), Professor, Head, Department of International Economic Relations of Asian and African Countries, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; member, Editorial Board, “Asia and Africa today” journal, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 13.02.2025

Доработана после рецензирования
(Revised) 07.03.2025

Принята к публикации
(Accepted) 18.04.2025

Африканцы во Второй мировой войне

© Денисова Т.С.^{a,b}, Костелянец С.В.^{a,c}, 2025

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b ORCID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com

^c ORCID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanyets@gmail.com

Резюме. В годы Второй мировой войны боевые действия на Африканском континенте велись в основном в его северных и северо-восточных регионах. Тропическая и южная части Африки избежали вооруженных столкновений между армиями союзников и стран Оси, но в войска метрополий были мобилизованы сотни тысяч африканцев. Еще большее число колониальных «субъектов» обслуживало войска и работало на военные нужды, причем африканцы сражались и жертвовали своими жизнями по обе стороны противостояния. Политика метрополий в отношении их участия в войне была двойственной: с одной стороны, европейцы и американцы стремились максимально использовать людские и прочие ресурсы колоний; с другой – пытались ограничить доступ «туземцев» к современному по тем временам оружию, опасаясь роста их самосознания и распространения антиколониальных настроений. Принося роль жителей континента в победе над фашизмом, власти метрополий замалчивали имена героев и лишали ветеранов военных действий причитавшихся им льгот, однако, несмотря на принимавшиеся колонизаторами меры, участие африканцев в войне послужило отправной точкой для формирования национально-освободительных движений и в конечном итоге обретения колониями независимости.

Ключевые слова: Африка, Вторая мировая война, колониальная система, войска союзников, партизанское движение

Для цитирования: Денисова Т.С., Костелянец С.В. Африканцы во Второй мировой войне. *Азия и Африка сегодня*. 2025. № 5. С. 19–27. DOI: 10.31857/S0321507525050024

Africans in the Second World War

© Tatyana S. Denisova^{a,b}, Sergey V. Kostelyanets^{a,c}, 2025

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b ORCID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com

^c ORCID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanyets@gmail.com

Abstract. During the Second World War, military operations in Africa primarily took place in its northern and northeastern regions. The tropical and southern parts of the continent avoided direct armed clashes between the armies of the Allies and the Axis powers. However, hundreds of thousands of Africans were mobilized by their metropolises. An even greater number of colonial subjects served in support roles for the troops or contributed to wartime production. Africans fought and sacrificed their lives on both sides of the conflict. The colonial powers' policies regarding African participation in the war were dualistic: Europeans and Americans sought to exploit the human and material resources of the colonies, but they also attempted to restrict "natives" from acquiring modern weapons, fearing anti-colonial sentiments. By downplaying the role of Africans in the victory over fascism, colonial authorities suppressed the recognition of heroes and denied veterans the benefits they were owed. Nevertheless, African involvement in the war became a starting point for the development of national liberation movements, ultimately paving the way for the colonies' independence.

Keywords: Africa, Second World War, colonial system, allied forces, guerrilla movement

For citation: Denisova T.S., Kostelyanets S.V. Africans in the Second World War. *Asia and Africa today*. 2025. № 5. Pp. 19–27. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507525050024

ВВЕДЕНИЕ

Началом Второй мировой войны (ВМВ) считается вторжение германских войск в Польшу 1 сентября 1939 г., однако для африканцев она началась еще в 1935 г., когда Италия оккупировала Эфиопию. Почти все народы Африки были вовлечены в вооруженную борьбу с германо-итальянским фашизмом и японским милитаризмом. Северная и Северо-Восточная Африка стали аренами боевых действий между воюющими сторонами; в Ливии, Кении, Сомали, Судане и Эфиопии формировались партизанские движения; сотни тысяч африканцев сражались с фашистскими агрессорами как на своем континенте, так и далеко за его пределами.

Кроме того, после утраты источников сырья в Юго-Восточной Азии многие африканские страны (Гана, Либерия, Сенегал, Нигерия, Сьерра-Леоне и др.) стали военно-экономическими базами союзников и своего рода транспортными хабами – перекрестками стратегических воздушных и морских путей, связывавших Америку, Европу, Ближний Восток, Индию и т.д.

Борьба с фашизмом объективно отвечала интересам африканцев (отчасти именно поэтому десятки тысяч жителей французских колоний добровольно вступили в ряды движения «Свободная Франция»): Германия и Италия намеревались создать на континенте свои колониальные империи с еще более жесткими, нежели британский и французский, режимами. Однако и в составе союзнических армий африканцы становились – на фоне общих военных невзгод, усугублявшихся тяжелым климатом и болезнями, – жертвами не только кровопролития, но и расовой дискриминации, жестоких наказаний за малейшую провинность и ущемления в различных, в т.ч. в материальных, правах.

Вторая мировая война послужила катализатором кризиса в управлении колониями и привела к переменам в характере политической деятельности африканцев. Если до победы в 1945 г. Советского Союза над фашистской Германией антиколониальная борьба африканских народов велась даже не столько за самоуправление, сколько за определенную степень участия в процессах принятия важных для них решений, то после войны требование предоставления независимости нашло свое отражение в программах всех африканских общественно-политических организаций, даже тех, которые отвергали насильственные методы противостояния.

УЧАСТИЕ АФРИКАНЦЕВ В ВМВ: МАСШТАБЫ И ХАРАКТЕР МОБИЛИЗАЦИИ

На африканском, европейском и азиатском фронтах ВМВ сражалось более 1 млн африканцев: 334 тыс. солдат из Южно-Африканского Союза (ЮАС); 289,5 тыс. Королевских африканских стрелков (КАС) из Кении, Танзании, Уганды и Ньясаленда (ныне Малави); 243,5 тыс. солдат Королевских пограничных сил Западной Африки (КПСЗА) из Ганы, Гамбии, Нигерии и Гамбии; около 100 тыс. египтян; примерно 80 тыс. бойцов из Лесото, Ботсваны, Свазиленда (ныне Эсватини), Северной и Южной Родезий (соответственно Замбия и Зимбабве); 6,5 тыс. маврикийцев и сейшельцев; около 190 тыс. солдат колониальных войск Алжира, Гвинеи, Сенегала, Мали, Нигера, Чада и нынешних Буркина-Фасо, Бенина, Кот-д'Ивуара и Республики Конго; 24 тыс. конголезцев, проживавших на территории современной Демократической Республики Конго; 60 тыс. эритрейцев; примерно 30 тыс. эфиопов¹ и неизвестное число суданцев и представителей других народов.

Британские колониальные войска, представленные как англичанами, так и африканцами, были приведены в боевую готовность еще до начала войны, хотя их основной задачей было выполнение полицейских функций. Они насчитывали 13 тыс. солдат в Египте, 5 тыс. – в Судане, 22 тыс. – в ЮАС, 19 тыс. – в Восточной Африке, протекторате Ньясаленд и в Северной Родезии и 11 тыс. – в Западной Африке [1, р. 77]. Армии ЮАС и территориальные военные части Северной и Южной Родезий до войны комплектовались исключительно из европейцев. В других британских владениях, напротив, рядовыми колониальных войск, набиравшихся на основе добровольности, были одни африканцы.

После начала ВМВ ситуация изменилась. Тяжелое положение, в котором Великобритания оказалась в начале войны, вынудило ее правительство во главе с У.Черчиллем приступить к масштабной мобилизации – добровольной и принудительной – африканцев в Вооруженные силы (ВС). 26 августа 1939 г. в британских колониях была объявлена «тотальная» мобилизация, которая напоминала практику отправки

¹ <https://martinplaut.com/2014/03/11/african-troops-who-fought-in-world-war-two> (accessed 03.03.2025)

африканцев на принудительные работы и происходила следующим образом: в выбранную для набора солдат деревню прибывали армейские грузовики, в них силой грузили «подходящих» мужчин, которых доставляли на ближайшую военную базу, где они проходили соответствующую подготовку и откуда затем распределялись по различным боевым и вспомогательным подразделениям. Этот метод набора рекрутов использовался не только Великобританией, но и другими колониальными державами, прежде всего Францией: в 1940 г. африканцы составляли примерно 11% рядового состава французской армии².

В 1939–1945 гг. число африканцев в британских войсках достигало 500 тыс., хотя можно смело предположить, что на самом деле их было намного больше (использовались несовершенные системы учета). Созданные на территориях британских африканских колоний военные округа в спешном порядке занимались формированием воинских подразделений – бригад и дивизий – и обучением их рядового состава. 5 бригад были собраны в Западной Африке, 6 – в Восточной. Значительную часть вспомогательных войск составили коренные жители ЮАС [2, с. 109].

В мобилизации африканцев в колониальные войска во время войны большую роль сыграли традиционные правители, которые имели достаточно власти, чтобы в немалых количествах отправлять своих подданных в армию и на строительные работы. Уже в первые несколько лет войны только британские Королевские ВВС завербовали для наземных работ более 10 тыс. нигерийцев, ганцев, гамбийцев и сьерра-леонцев. Понятно, что британский персонал, страдавший от жары и приступов малярии, нуждался в поддержке местного – акклиматизированного – населения³.

До войны в британских военных кругах преобладали расистские взгляды на африканцев, якобы неспособных к использованию современных для того времени оружия и техники, поэтому туземные войска почти не располагали артиллерией, средствами связи, танками и разведывательными подразделениями. Но начало ВМВ вынудило англичан приступить к созданию в составе колониальных армий всех родов войск и служб и к обучению африканцев различным военным специальностям.

Если в мирное время британцы набирали в территориальные войска выходцев из наиболее отсталых племен, преимущественно из глубинки, полагая, что их легче будет контролировать, то во время войны низкий образовательный уровень стал помехой и в армию начали привлекаться африканцы, владевшие грамотой. Вскоре стало ясно, что они вполне в состоянии овладевать техническими знаниями и практическими навыками обращения с оружием.

В обеих Родезиях, в Нигерии, Золотом Береге и других колониях были открыты специальные школы и учебные центры. Большое количество военных специалистов было подготовлено на территории Египта. В результате личный состав артиллерийских, транспортных частей и подразделений связи начал комплектоваться почти из одних африканцев. Более того, нехватка европейских кадров обусловила постепенную африканизацию младшего командного состава, причем если в довоенные годы на сержантские должности назначались преимущественно выходцы из привилегированных слоев местного населения, то теперь многие прошедшие подготовку солдаты становились сержантами независимо от их социального происхождения; правда, на африканизацию офицерского корпуса британцы не пошли. Во всех воинских частях африканские солдаты подвергались дискриминации. Они не могли пользоваться одними с англичанами полковыми лавками, столовыми и казармами. Африканцы-христиане молились отдельно от христиан-европейцев. Даже лечились солдаты-африканцы в госпиталях для чернокожих [3, с. 111–117].

ЭФИОПСКИЙ ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В ночь со 2 на 3 октября 1935 г. итальянские войска вторглись в Эфиопию из Эритреи и Сомали. Хотя Италии и не удалось осуществить, как вначале предполагалось, молниеносный захват территории Эфиопии, ее армия все же быстро продвигалась вперед и в мае 1936 г. заняла Аддис-Абебу.

Правительство Муссолини объявило о включении страны в состав колонии «Итальянская Восточная Африка», и император Хайле Селассие I вынужден был отправиться в изгнание. Между тем уже к концу 1930-х гг. в стране начали возникать повстанческие армии, набирать силу партизанское движение [4, с. 56]. К 1940 г. в большинстве провинций оккупационный режим сохранялся лишь в тех населенных

² <https://www.cheminsdememoire.gouv.fr/en/overseas-soldiers-second-world-war> (accessed 05.03.2025)

³ https://fpif.org/how_west_africa_helped_win_world_war_ii (accessed 05.03.2025)

пунктах, где итальянцы имели сильные гарнизоны. Успехи партизан оказывали сильное деморализующее влияние на войска Муссолини; участились случаи дезертирства не только африканских, но и итальянских солдат и офицеров, в войсках падала дисциплина, снижалась их боеспособность, но капитулировать фашистский режим пока не собирался.

В июле 1940 г. Хайле Селассие прибыл в Судан, чтобы с территории этой британской колонии возглавить кампанию за освобождение своей страны. Узнав о возвращении императора из изгнания, тысячи беженцев-эфиопов устремились в Судан и Кению, чтобы объединиться вокруг своего лидера. Между тем англичане, находившиеся к тому времени в состоянии войны с Италией и рассчитывавшие прибрать Эфиопию к рукам, не торопились укреплять повстанческую армию. Вместо обещанной артиллерии и современного стрелкового оружия эфиопы получили винтовки устаревших образцов, патроны и 4 миномета [5, р. 171].

Хотя британские колонии и не были застигнуты войной врасплох, в Северо-Восточной Африке англичане оказались недостаточно подготовленными к отражению первых ударов итальянцев [5, р. 165], которые еще до начала ВМВ увеличили свою колониальную армию за счет привлечения в нее африканцев и имели в регионе почти 300 тыс. солдат и офицеров.

Несмотря на то, что свыше половины, а, возможно, и бо́льшая часть рядового состава итальянских войск была представлена плохо вооруженными пехотинцами-африканцами, в начале боевых действий британские воинские подразделения терпели поражение за поражением и несли огромные потери [6, р. 4]. Так произошло, например, в Судане. Летом 1940 г. итальянские войска начали продвижение вглубь этой страны, где встретили упорное сопротивление колониальных войск и местного населения. На пути к г. Кассала 6,5-тысячному итальянскому корпусу, оснащенному танками, артиллерией и поддерживавшемуся авиацией, противостояли армия Судана, увеличившаяся в начале войны с 5 до 9 тыс. солдат, и 22 тыс. королевских африканских стрелков, у которых, правда, не было ни танков, ни артиллерии. Суданцы упорно сопротивлялись, но, не имея другого оружия кроме ручных пулеметов и ружей, были вынуждены оставить город, хотя и итальянцы потеряли более 500 человек и 6 танков [7, р. 60].

В Кении итальянцам удалось захватить лишь небольшую территорию на севере этой колонии. Наиболее упорные бои велись за форт Мойяле на границе с Эфиопией. Пять дней – с 10 по 15 июля 1940 г. – рота африканских стрелков отражала атаки итальянцев. Колонна, отправленная англичанами на помощь осажденным, не смогла прорваться в форт, где на исходе были вода и боеприпасы. В результате африканцы были вынуждены покинуть укрепленный район, но им удалось вынести всех раненых [8, р. 64].

Не в силах выстоять перед натиском хорошо технически оснащенных войск противника, суданцы и кенийцы перешли к партизанским действиям. Особенно успешно проявили себя мобильные суданские отряды, а в Кении вместе с эфиопскими действовали различные племенные ополчения, бойцы которых использовали оружие, добытое в боях. Население захваченных итальянцами районов помогало партизанам. В течение 6 месяцев, пока Кассала находилась в руках итальянцев, жители города, рискуя жизнью, прятали партизан и снабжали англичан ценными разведданными [7, р. 70].

Сопротивление, встреченное в Судане и Кении, а также активизация эфиопского освободительного движения заставили итальянское командование отказаться от боевых действий на этих фронтах. 4 августа 1940 г. они направили 35-тысячную группировку на Британское Сомали, где англичане располагали 6 тысячами солдат. После тяжелых двухнедельных боев часть британских войск была вынуждена эвакуироваться в Аден, но в январе 1941 г., сосредоточив 150-тысячную армию в Судане и Кении, англичане вновь начали наступление на итальянские позиции. Значительную роль в его подготовке сыграли эфиопские и кенийские партизаны, общая численность которых по разным оценкам доходила до 100–500 тыс. [9, с. 29–33] и которые к началу 1941 г. полностью очистили от оккупантов территорию северо-западной Кении.

Наступление велось по трем направлениям: с севера через Эритрею двигались суданские и индийские подразделения, поддерживавшиеся частями (в основном африканскими) «Свободной Франции»; через южную Эфиопию и Сомали продвигались 11-я и 12-я африканские дивизии и 1-я южноафриканская бригада; с запада на территорию Эфиопии вступили суданские регулярные войска и партизанские отряды во главе с Хайле Селассие, которых поддерживали британские восточноафриканские подразделения и колониальная армия Бельгийского Конго [3, с. 111]. Таким образом, африканцы составили основной костяк союзных войск.

Африканским частям, вступившим в Сомали и Эфиопию с территории Кении, противостояли 5 итальянских дивизий (40 тыс. солдат и офицеров) и многочисленные отряды местных жителей, вынужденных под дулами автоматов сражаться на стороне фашистов. Против них были брошены 12-я африканская дивизия, состоявшая из 1-й южноафриканской, 22-й восточноафриканской и 24-й бригады Золотого Берега, и 23-я нигерийская бригада 11-й африканской дивизии. Двухнедельные бои закончились прорывом итальянской обороны, и африканские войска устремились к Могадишо. Многие итальянские колониальные части повернули оружие против своих хозяев. В результате войска Муссолини начали, бросая оружие и боеприпасы, откатываться к Аддис-Абебе [6, р. 13].

6 апреля 1941 г. британские колониальные войска и одна южноафриканская бригада вошли в столицу Эфиопии и приняли капитуляцию находившихся там итальянских частей [9, с. 30]. Со взятием Аддис-Абебы основные сражения на Африканском Роге были закончены, хотя за итальянцами оставались некоторые труднодоступные горные районы. Завершение разгрома противника было возложено на африканские войска – суданские и конголезские регулярные части и партизанские отряды Эфиопии.

Кампания союзников в Северо-Восточной Африке полностью опровергла расистские представления колонизаторов о неспособности африканских солдат успешно действовать против европейской армии, располагавшей современным оружием. Колониальные дивизии, укомплектованные африканцами, выполняли самостоятельные оперативно-тактические задачи не менее успешно, чем англо-индийские соединения.

«СРАЖАЮЩАЯСЯ (СВОБОДНАЯ) ФРАНЦИЯ»

Активное участие в вооруженной борьбе с фашизмом приняли жители французских колоний Северной, Западной, Экваториальной Африки и Мадагаскара. До ВМВ солдаты французской колониальной армии выполняли преимущественно карательные функции. Североафриканские полки и дивизии были частью армии метрополии и дислоцировались примерно поровну во Франции и в ее владениях в Северной Африке и в Сирии; подразделения, укомплектованные жителями Французской Западной и Экваториальной Африки, Французского Сомали и Мадагаскара, формировали войска, предназначавшиеся для обороны колониальных владений, и постоянно располагались в Африке.

К началу ВМВ туземные войска составляли треть 875-тысячной французской армии. Не менее 9/10 бойцов колониальных войск были африканцами. После начала войны численность африканцев во французской армии возросла в несколько раз. К маю 1940 г. во Франции были дислоцированы 18 африканских пехотных дивизий и 3 бригады спаги (североафриканские кавалерийские соединения). Число африканских солдат в метрополии достигало 137 тыс. [2, с. 118].

Африканцы приняли на себя основной удар немецких сил в ряде районов (Седан, Живе, Динан и др.) Франции, хотя их части были плохо вооружены и недоукомплектованы, так как почти все африканские дивизии к началу боевых действий занимались строительством различных военных объектов. В то время как немецкие войска постоянно получали свежие подкрепления, африканцы, измученные непрерывными боями, должны были отражать следовавшие одну за другой танковые атаки противника, не имея при этом достаточного количества боеприпасов и запасов продовольствия. Отступали они только после потери большей части личного состава.

Подобная картина наблюдалась и в Бельгии, где африканские части, действовавшие в составе I Французской армии, с 13 по 21 мая 1940 г. сдерживали наступление немцев на участке фронта от Шарлеруа до Юи. Позже африканские солдаты участвовали в боях на реках Эна и Сомма [2, с. 119].

Поражение Франции, возникновение профашистского режима Виши и начало ожесточенной борьбы между сторонниками этого режима и бойцами движения «Свободная Франция» на территории французских колоний, с одной стороны, чрезвычайно осложнили в них обстановку, с другой – обусловили рост национального самосознания африканцев и выбор ими своей позиции в войне. Возмущенные капитулянтской политикой французского правительства, многие африканские солдаты потребовали продолжения войны с гитлеровской Германией.

После подписания Парижем и Берлином 22 июня 1940 г. перемирия во французских колониях состоялись антифашистские демонстрации; жители французских владений отправлялись в Чад, откуда в августе 1940 г. против вишистов выступили размещенные в этой стране колониальные войска под руко-

водством чернокожего губернатора Феликса Эбуэ (уроженца Французской Гвианы). Из Чада они двигались в Эритрею и Эфиопию, перебрасывались на Ближний Восток и на Мадагаскар [10, с. 134–135].

Браззавиль (столица нынешней Республики Конго) стал основной базой «Свободной Франции» на период 1940–1943 гг. [11, с. 64]. К концу 1941 г. армия де Голля насчитывала примерно 100 тыс. бойцов [2, с. 121]. Летом и осенью 1942 г. отряды «Сражающейся Франции» – вместе с британскими, австралийскими и пр. войсками – участвовали в сражениях с силами Виши на Мадагаскаре, который был базой снабжения японских подводных лодок в Индийском океане. К ноябрю остров был освобожден от вишистских и японских войск⁴. Успех операции полностью зависел от инициативы и мастерства младшего командного состава, к тому времени преимущественно представленного африканцами, которые хорошо ориентировались в джунглях, быстро разбирались в боевой обстановке и умело осуществляли маневры с выходом в тыл противника.

Во Французской Западной Африке (ФЗА) позиции вишистов оказались прочнее, они держались там до конца ноября 1942 г. – до высадки войск союзников в Магрибе [12, с. 192]. Режим Виши проводил на территории ФЗА политику принуждения молодых людей к службе в армии⁵. Но к 1942 г. и «Свободная Франция» усилилась за счет формирований, насчитывавших 315 тыс. хорошо обученных колониальных солдат. К началу операций за пределами Африки силы, находившиеся в распоряжении Французского комитета национального освобождения (ФКНО), составляли 10 дивизий, в т.ч. 4 бронетанковые. Имелись также боевые, вспомогательные и обслуживавшие части и 200 тыс. солдат войск охраны тыла. Из них был сформирован Французский экспедиционный корпус [13, pp. 123–126, 317].

Первой операцией союзников с участием африканских войск было взятие Корсики, которую защищали 10 тыс. немецких солдат и офицеров. В 15-тысячной группировке американцы были представлены лишь одним десантным подразделением. Остальные войска были французскими и состояли в основном из африканцев. 4 октября 1943 г. остров был освобожден. В декабре 1943 г. открылся итальянский фронт, на который были брошены 400 тыс. солдат «Свободной Франции»; из них около 270 тыс. были африканцами. Свыше 200 тыс. африканцев приняли участие в освобождении Франции на заключительном этапе войны [13, p. 115].

УЧАСТИЕ В ВМВ СОЛДАТ ЮЖНО-АФРИКАНСКОГО СОЮЗА

Объявление Великобританией 3 сентября 1939 г. войны Германии вызвало ожесточенные дебаты в парламенте Южной Африки, в ходе которых столкнулись те (прежде всего африканеры немецкого происхождения), кто ратовал за сохранение нейтралитета, и те, кто хотел вступить в войну на стороне Соединенного Королевства. В конечном итоге победили последние. В результате ЮАС уже в 1940 г. принял участие в кампаниях в Северной и Восточной Африке. На Африканском Роге 27 тыс. южноафриканских солдат (белых, «цветных» и чернокожих) присоединились к силам союзников в сражениях с итальянцами⁶.

После изгнания итальянцев из Эфиопии ЮАС начал отправлять солдат на север Африки, а также осуществлять поставки союзным войскам оружия, боеприпасов, медикаментов и продовольствия⁷. Однако, если на востоке континента южноафриканцы сражались с деморализованным врагом, в т.ч. с туземцами – местными сторонниками итальянцев, которые не были заинтересованы в участии в боевых действиях и легко сдавались, то в Северной Африке солдаты ЮАС столкнулись с гораздо более сильным, лучше подготовленным и эффективным врагом в лице германского Африканского корпуса под командованием фельдмаршала Э.Роммеля.

Первый бой южноафриканцев с нацистами произошел в ноябре 1941 г. в районе г. Сиди-Резега. Неудачное наступление союзников поставило 5-ю южноафриканскую пехотную бригаду в затруднительное положение и оставило в немецком окружении. Несмотря на упорное сопротивление, южноафриканцы были полностью разгромлены. Они нанесли противнику тяжелые потери, подбив множество танков, но из 5,8 тыс. солдат ЮАС 2964 были убиты, ранены или взяты в плен⁸.

⁴ <https://topwar.ru/187061-zahvat-madagaskara-skromnoe-no-znachimoe-srazhenie-vtoroj-mirovoj.html> (accessed 09.03.2025)

⁵ <https://theconversation.com/north-africans-experiences-of-world-war-ii-often-go-unheard-194326> (accessed 10.03.2025)

⁶ <https://www.thecollector.com/heroic-south-african-contributions-world-war-2> (accessed 03.03.2025)

⁷ <https://more-history.com/what-role-did-south-africa-play-in-world-war-2> (accessed 04.03.2025)

⁸ <https://www.thecollector.com/heroic-south-african-contributions-world-war-2> (accessed 07.03.2025)

Эта операция не была последней. В конечном итоге южноафриканцы нанесли силам Оси огромный урон, одержав победы над немецкими и итальянскими войсками в египетских населенных пунктах Бардия и Соллум, что привело к нейтрализации угрозы Оси Суэцкому каналу. В середине 1942 г. состоялось сражение неподалеку от деревни Газала в Итальянской Ливии, где Роммель нанес сокрушительное поражение союзным войскам. Британская 8-я армия была отброшена на запад, оставив город-порт Тобрук (в 48 км от Газалы) окруженным немецкими войсками. Гарнизон состоял из британского, южноафриканского и индийского контингентов общей численностью примерно в 35 тыс. бойцов. Сначала планировалось их эвакуировать, но в конечном итоге британское командование просто бросило их на произвол судьбы. 21 июня 1942 г. войска союзников в Тобруке, в т.ч. 2-я Южноафриканская дивизия, капитулировали.

Несмотря на понесенные потери, южноафриканцы продолжали сражаться, доказав свою храбрость в ходе первой (июль 1942 г.) и второй (октябрь – ноябрь 1942 г.) битв при Эль-Аламейне. С 5 мая по 6 ноября 1942 г. войска ЮАС участвовали в военных действиях на Мадагаскаре⁹.

В общей сложности более 211 тыс. белых (в т.ч. примерно 24 тыс. женщин) и по меньшей мере 123 тыс. чернокожих, «цветных» и индийских южноафриканцев приняли участие в ВМВ в качестве «постоянных» (т.е. на весь период боевых действий) и более 63 тыс. представителей всех рас – в качестве «временных» добровольцев. Общие потери южноафриканцев составили 12 тыс. убитых, 14,3 тыс. раненых и 16 тыс. пленных или пропавших без вести. Более 7 тыс. южноафриканцев были награждены различными орденами и медалями [14, pp. 69–71].

Особенно отличились Южноафриканские военно-воздушные силы (ЮАВВС), которые к сентябрю 1941 г. насчитывали 31 тыс. военнослужащих¹⁰.

Между тем в соответствии с политикой апартеида черным солдатам не разрешалось сражаться на передовой и им не выдавалось огнестрельное оружие. В основном они служили в качестве носильщиков и вспомогательного персонала, в частности занимаясь транспортировкой своих белых соотечественников в полевые госпитали. Хотя по политическим соображениям «небелые» не использовались в качестве комбатантов, многие из них сыграли важную роль в качестве водителей, санитаров и денщиков. Однако, несмотря на преданность своей стране, чернокожие южноафриканцы оставались подчиненными белым, рядом с которыми их призывали служить. Уровень подготовки в «небелых» службах был низким, как и жалование. Например, чернокожий старшина (если такой вообще существовал) мог рассчитывать на 2 шиллинга 6 пенсов в день, в то время как самое низкое жалование для белых составляло 3 шиллинга 6 пенсов [14, p. 74].

АФРИКАНСКИЕ СОЛДАТЫ В БИРМЕ

Мало кто знает об участии войск из британских колоний в 1943–1945 гг. в боях за освобождение Бирмы от японской агрессии. В этой азиатской стране сражались 3 африканские дивизии, 2 отдельные бригадные группы и вспомогательные части общей численностью более 120 тыс. нигерийцев, сьерралейонцев, гамбийцев, ганцев, кенийцев, угандийцев, танзанийцев, сомалийцев, малавийцев и замбийцев [2, с. 115]. Африканские войска входили в состав 14-й британской армии, и, если 14-я была «забытой армией», то африканские войска были «забытыми» формированиями «забытой армии»¹¹.

Африканцы широко использовались для выполнения специальных боевых задач. В одной западноафриканской бригаде на базе батальонов были созданы 6 отрядов коммандос, которые, действуя в глубине тылу японских войск, совершали дерзкие налеты на базы противника. Их рейды в тыл продолжались по несколько месяцев и отвлекали на себя значительные силы. Кроме того, африканские войска использовались на строительстве дорог, аэродромов, мостов и т.д. Солдаты сражались и трудились в тяжелых условиях: леса и болота кишели комарами – разносчиками малярии и брюшного тифа; влажная жара мешала заживлению ран, что увеличивало и без того большие потери. Однако выносливость и опыт «войн в буше» позволили африканцам адаптироваться к бирманской местности – они могли проникать в отдаленные районы джунглей, взбираться на крутые холмы и пересекать широкие реки.

⁹ Ibidem.

¹⁰ <https://more-history.com/what-role-did-south-africa-play-in-world-war-2> (accessed 15.03.2025)

¹¹ <https://www.charliegilbert.co.uk/posts/african-soldiers-second-world-war> (accessed 03.03.2025)

Вместе с тем роль африканцев на бирманском фронте постоянно недооценивалась: британские военачальники демонстрировали покровительственное, даже расистское отношение к африканским войскам, что в сочетании с отсутствием письменных воспоминаний африканцев о тех боях привело к занижению роли африканцев в бирманских сражениях в послевоенной литературе. Хотя европейцы имели возможность убедиться в способности африканцев к участию в современных – для 1940-х гг. – войнах, британское Министерство по делам колоний в течение всей ВМВ сопротивлялось идее использования туземных войск за пределами континента, объясняя это низким уровнем подготовки местных солдат, неспособностью выживать в непривычном климате и их общей ненадежностью. Сторонники же идеи «использования» утверждали, что увеличение численности африканских армий необходимо, «потому что не хотим же мы, чтобы погибали белые, а не черные...»¹².

Между тем пребывание в Бирме способствовало расширению политического кругозора африканцев. Освобождая от японцев бирманские города и деревни, они своими глазами видели страшные разрушения, произведенные противником перед отступлением, ущерб, вызванный войной и хозяйничаньем оккупантов, разорение огромных масс населения. На заключительном этапе боев африканцы стали свидетелями восстания бирманцев против японских захватчиков и вместе с повстанческими силами участвовали в окончательном освобождении страны. Из газет и радиопередач они узнавали о победах Советской армии над германским фашизмом и японским милитаризмом. Беседы с британскими, индийскими и американскими солдатами, многие из которых относились к африканцам без расовой предубежденности, помогали разобраться в сложных политических реалиях.

В Африке не забыли об участии ее солдат в сражениях за освобождение Бирмы. В Аккре – столице Ганы, 65 тыс. солдат которой участвовали в 1944 г. в боях за Мьохаунг¹³, – есть район, который так и называется – «Бирма».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Африканцы обычно отсутствуют в огромных и многочисленных повествованиях о Второй мировой войне, хотя они активно участвовали в боевых действиях и понесли большие потери. До сих пор неизвестно, сколько африканцев было мобилизовано в армии союзников и сколько из них погибло. По одним источникам – около 4,5 млн мобилизованных и около 2 млн погибших [15], по другим – прямо или косвенно жертвами ВМВ стали 3 млн африканцев¹⁴.

Большая часть трудов по истории ВМВ сосредоточена на европейских и азиатских театрах военных действий: колониальные державы старались преуменьшить или скрыть, в какой степени они во время войны вынуждены были полагаться на жителей африканских колоний¹⁵.

Колониальные державы обещали африканским ветеранам ВМВ медали, награды и военные пенсии. Однако, когда война закончилась, мало кто что-нибудь из этого получил. Во многих странах предательство недавних «союзников» положило начало активизации национально-освободительных движений, которые в конечном итоге привели к обретению колониями независимости. Именно ветераны ВМВ побуждали умеренных лидеров африканских политических партий сменить просьбы о большей автономии требованиями полной независимости.

Так или иначе, но участие во Второй мировой войне способствовало пробуждению у африканцев национального самосознания и явилось важным этапом в развитии национально-освободительных движений и в борьбе колониальных народов за свободу и независимость.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Kirkwood K. Britain and Africa. L.: Chatto & Windus, 1965.
2. Самофал Р.Б. Африканцы в боях против фашистских агрессоров в годы Второй мировой войны. *Вооруженная борьба народов Африки за свободу и независимость*. М.: Наука, 1974. С. 105–126.

¹² Ibidem.

¹³ https://fpif.org/how_west_africa_helped_win_world_war_ii (accessed 17.03.2025)

¹⁴ <https://africanhistoryblog.substack.com/p/africa-and-the-second-world-war> (accessed 17.03.2025)

¹⁵ Ibidem.

- Samofal R.B. 1974. Africans in Battles Against the Fascist Aggressors during the Second World War. *Armed struggle of the peoples of Africa for freedom and independence*. Moscow. Pp. 105–126. (In Russ.)
3. Экономическая история Африки. М.: ИАФР АН СССР, 1966. 1966. Economic History of Africa. Moscow. (In Russ.)
 4. Мезенцев С.В. Политические процессы как один из определяющих факторов реализации целей развития Африки в XXI веке (на примере Эфиопии). *Ученые записки Института Африки РАН*. 2015. № 3. С. 44–57. Mezentsev S.V. 2015. Political Processes as one of the Decisive Factors of the Implementation of Main Goals of the African Development (Ethiopian model). *Journal of the Institute for African Studies*. № 3. Pp. 44–57. (In Russ.)
 5. Playfair I.S.O. 1954. The Mediterranean and Middle East. Vol. I: The early successes against Italy (to May 1941). History of the Second World War. L.: Naval & Military Press.
 6. Snead III L.R. 1994. Wavell's Campaigns in the Middle East: An Analysis of Operational Art and the Implications for Today. Fort Leavenworth, KS: School of Advanced Military Studies.
 7. Jackson H.C. 1954. The Fighting Sudanese. L.: Macmillan & Co.
 8. Пегушев А.М. Боевые действия в Восточной Африке. *Африка во Второй мировой войне*. М.: ИАФР РАН, 2005. С. 60–71. Pegushev A.M. 2005. Combat Operations in East Africa. *Africa in World War II*. Moscow. Pp. 60–71. (In Russ.)
 9. Ягья В.С. Эфиопия в 1941–1954 гг. М.: Наука, 1969. Yagya V.S. 1969. Ethiopia in 1941–1954. Moscow. (In Russ.)
 10. Де Голль Ш. Военные мемуары – Призыв 1940–1942. Т. I. М.: Изд-во иностр. лит., 1956. De Gaulle Sh. War memoirs – Conscription 1940–1942. Vol. I. Moscow. 1956. (In Russ.)
 11. Зайцев А.С. Пять лет в «столице Свободной Франции». *Азия и Африка сегодня*. 2009. № 10. С. 64–69. Zaitsev A.S. 2009. Five Years in the “Capital of Free France”. *Asia and Africa today*. № 10. Pp. 64–69.
 12. Новейшая история Африки. М.: Наука, 1964. 1964. The Newest History of Africa. Moscow. (In Russ.)
 13. Vigneras M. 1957. Rearing the French. Washington, D.C.: Office of the Chief of Military History, Dept. of the Army.
 14. Wessels A. 2000. The first two years of war: The development of the Union Defence Forces (UDF). September 1939 to September 1941. *Military History Journal*. Vol. 11. № 5. Pp. 1–79.
 15. Lunn J. 2019. Africans in World Wars I and II. *Oxford Research Encyclopedia of African History*. DOI: 10.1093/acrefore/9780190277734.013.42

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Денисова Татьяна Сергеевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Центром изучения стран Африки южнее Сахары, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Tatyana S. Denisova, PhD (History), Leading Researcher, Head, Centre for the Study of Africa South of Sahara, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Костелянец Сергей Валерьянович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Центром социологических и политологических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Sergey V. Kostelyanets, PhD (Political Science), Leading Researcher, Head, Centre for Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 03.02.2025

Доработана после рецензирования
(Revised) 25.03.2025

Принята к публикации
(Accepted) 18.04.2025

Формирование китайской инвестиционной политики в Африке

© Солощева М.А.^а, 2025

^а НИУ Высшая школа экономики, Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0002-4377-3244; msoloshcheva@hse.ru

Резюме. В данной статье проанализировано влияние Китая в Африке и его глобальные стратегические цели. Актуальность темы обусловлена стремительным ростом экономического влияния Китая на континенте, а также растущим интересом мировой общественности к долгосрочным последствиям такого влияния.

В статье впервые вводится в научный оборот и анализируется значительный объем информации, исходящей от Министерства Коммерции (МК) КНР, по китайско-африканским отношениям. Автор решает следующие задачи: показать миссию МК КНР в китайско-африканских отношениях, охарактеризовать представленную на его сайте информацию; дать общую характеристику политики КНР в Африке и подвести некоторые итоги этой политики примерно за четверть века; выявить основные тенденции китайской финансово-инвестиционной и торгово-экономической деятельности в Африке.

В результате исследования определены основные направления инвестиционной политики Китая в Африке, а также даны перспективные прогнозы развития китайско-африканских отношений в области экономики и политики. Автор приходит к выводу, что африканское направление продолжает занимать важное место во внешней политике и внешнеэкономической деятельности Китая, однако по финансовым и инвестиционным показателям его нельзя назвать приоритетным. Выделена группа африканских государств, которые являются ключевыми экономическими партнерами Китая и странами, чьи политические позиции позволяют отнести их к числу сторонников Китая на глобальной политической арене.

Ключевые слова: внешняя политика КНР, Министерство коммерции КНР, Африка, китайские инвестиции в Африку, китайско-африканские отношения, политика Си Цзиньпина в Африке

Для цитирования: Солощева М.А. (С.-Петербург). Формирование китайской инвестиционной политики в Африке. *Азия и Африка сегодня*. 2025. № 5. С. 28–37. DOI: 10.31857/S0321507525050032

The Formation of China's Investment Strategy in Africa

© Maria A. Soloshcheva^a, 2025

^a HSE University, Saint Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0002-4377-3244; msoloshcheva@hse.ru

Abstract. This article analyzes China's influence in Africa and its global strategic objectives. The relevance of the topic is due to the rapid increase in China's economic influence on the continent, as well as the growing interest of the world community in the long-term consequences of this influence.

For the first time, the article introduces and analyzes a significant amount of information coming from the Ministry of Commerce (MC) of the People's Republic of China (PRC) on Sino-African relations. The author solves the following tasks: to show the mission of the MC of the PRC in Sino-African relations, to characterize the information presented on its website; to give a general description of China's policy in Africa and summarize some of the results of this policy for about a quarter of a century; to identify the main trends of Chinese financial, investment, trade and economic activity in Africa. The scientific novelty of the work consists in a comprehensive analysis of the relevant data of the MC of the PRC on Chinese investments and their impact on the economic growth of African countries.

As a result of the study, the main vectors of Chinese investment policy in Africa are identified and forward-looking forecasts for the development of Sino-African relations in the fields of economics and politics are given. The author concludes that the African direction continues to occupy an important place in Chinese foreign policy and foreign economic activity, but it cannot be called a priority in terms of financial and investment indicators. A group of African states has been identified, which are China's key economic partners and countries whose political positions allow them to be classified as China's followers in the global political arena.

Keywords: China's foreign policy, Ministry of Commerce of the People's Republic of China, Africa, Chinese investments in Africa, Sino-African relations, Xi Jinping's policy in Africa

For citation: Soloshcheva M.A. (St.-Petersburg). The Formation of China's Investment Strategy in Africa. *Asia and Africa today*. 2025. № 5. Pp. 28–37. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507525050032

ВВЕДЕНИЕ

В 2025 г. исполняется четверть века с момента исторического решения председателя Госсовета КНР Цзян Цзэминя о проведении в Пекине Первого Форума сотрудничества Китай – Африка. С тех пор политика КНР на африканском направлении, как, впрочем, и на ряде других геополитических направлений, например, на Ближнем Востоке, прошла значительную трансформацию от весьма избирательной политики инвестиционных интервенций в отдельные африканские страны до panaфриканской стратегии контроля и управления по модели «страна-партнер/страна-последователь» [1; 2]. Ключевую роль в продвижении китайских торговых и финансовых интересов в Африке играет Министерство коммерции (МК) КНР (до 2003 г. – *Министерство внешней торговли и экономического сотрудничества*).

В статье используется междисциплинарный методологический комплекс, который включает в себя историко-хронологический подход, принцип взаимозависимости внешнеполитических и внешнеэкономических факторов, принцип взаимозависимости системы целей и стратегии инвестиционной политики КНР в отношении Африки [3], зафиксированный в официальных документах КНР, теорию социально ответственных инвестиций [4], концепцию «ответственной державы» [5]. Автор опирался также на методологические наработки, которые развивались в предшествующих исследованиях, посвященных китайско-африканской проблематике, в частности, на теорию зависимого развития (Ф.Лист, Э.Фалетто, Р.Пребиш, С.Амин и др.)¹.

В нашей статье впервые в научный оборот вводится и анализируется значительный объем информации, исходящей от МК КНР, по китайско-африканским отношениям. Автор решает следующие проблемы: определить основные задачи МК КНР в китайско-африканских отношениях, охарактеризовать представленную на его сайте информацию; дать общую характеристику политики КНР в Африке и подвести некоторые итоги этой политики примерно за четверть века; прокомментировать главные векторы китайской финансово-инвестиционной и торгово-экономической деятельности в Африке.

ЗАДАЧИ МИНИСТЕРСТВА КОММЕРЦИИ КНР В АФРИКЕ

Министерство коммерции КНР представляет собой ключевую официальную структуру китайского правительства, отвечающую за торгово-экономическую и финансово-инвестиционную деятельность внутри КНР и за рубежом. В данной статье речь идет, в первую очередь, об Африканском континенте. Китайская статистика по Африке включает в себя информацию о 54 суверенных государствах Африканского континента, в т.ч. 11 арабских африканских странах. На сегодняшний день информация с сайта МК – это самое полное и адекватное отражение того, как обстоят дела в сфере китайско-африканских экономических отношений².

В задачи МК КНР, наряду с внутриэкономическими процессами, входит регулирование внешнеэкономического сотрудничества, в частности, согласно п. 12 официально сформулированной миссии Министерства, оно реализует политику внешнеэкономического сотрудничества, управляет совместными проектами с иностранными государствами, осуществляет инвестиционную деятельность и политику управления выездной занятостью граждан Китая, играет ведущую роль в защите прав и интересов работающих по найму за рубежом экспатриантов и любых граждан Китая и др.³

Аффилированные с МК Академия международной торговли и экономического сотрудничества, а также Департамент экономического сотрудничества и внешних инвестиций во взаимодействии с подконтрольными МК торговыми и экономическими службами Посольств КНР в соответствующих африканских странах разрабатывают рекомендации («руководства», кит. «指南») китайским учреждениям (государственным и частным) об экономической целесообразности и степени рискованности инвести-

¹ Подробнее о теории зависимого развития применительно к политике КНР в Африке см.: [1].

² Говоря о китайской статистике, следует принимать во внимание, что информация официальных китайских источников, в т.ч. и исходящая от МК статистика, проходит государственную цензуру, где удаляется все, что может составлять государственную тайну или противоречить китайским государственным интересам.

³ Mission. Ministry of commerce. People's Republic of China. <https://english.mofcom.gov.cn/About/index.html> (accessed 22.03.2025)

рования в африканскую экономику, ведения предпринимательской и коммерческой деятельности в африканских странах. Разнообразные информационные и аналитические документы по каждой из африканских стран, с которыми у КНР установлены дипломатические отношения, публикуются на сайте МК и обновляются с запозданием примерно на полтора года. В настоящее время доступна информация на конец 2023 г. Из 54 суверенных африканских государств на сайте Министерства отсутствуют рекомендации лишь по Сомали и Эсватини, с которыми у КНР нет дипотношений, а также Сан-Томе и Принсипи.

Информация по каждой африканской стране на сайте МК подразделяется примерно на девять тематических блоков, разбитых внутри каждого блока на многочисленные рубрики. Перечислим основные тематические блоки и некоторые входящие в них рубрики: общие сведения о стране, оценки инвестиционной привлекательности для ПИИ, сведения о внешнеторговых связях и финансах; политика и правовое регулирование иностранных капиталовложений; инструкции по процедурам начала инвестиционного сотрудничества; рекомендации для инвесторов по приоритетным сферам инвестирования, направлениям торговли, подрядным работам, коммерческим рискам; рекомендации по выстраиванию взаимоотношений с местными учреждениями и советы по соблюдению местных традиций, охране окружающей среды, социально ответственному поведению и распространению китайской культуры; поддержка инвесторов в сложных и чрезвычайных ситуациях, включая периоды пандемии и пр.⁴

Приведенный выше перечень тематических блоков и их рубрикация дают представление о том огромном статистическом материале, который содержит сайт МК как по странам Африки, так и по другим регионам мира. Статистика МК дает представление не только о масштабах вовлеченности КНР в африканские дела, но и о многих деталях китайско-африканских отношений.

В период накануне, во время и непосредственно после *COVID-19* (2018–2023) появились сведения о том, что КНР, наряду с ранжированием африканских стран по степени их важности для Китая, включает более тонкий механизм подстройки двусторонних отношений на основе обновленной в 2017 г. инвестиционной политики, закрепленной в принципе «двойной циркуляции»⁵, озвученном на заседании Политбюро ЦК КПК в мае 2020 г. [6; 7, с. 201–202].

КИТАЙСКО-АФРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ СИ ЦЗИНЬПИНЕ

В отличие от предшественников, Си Цзиньпин во внешней политике склонен к «дипломатии великой державы с китайской спецификой», что, очевидно, означает определенную свободу Китая от следования условным правилам современной мировой политики. Быть *ответственной державой* в трактовке Си Цзиньпина значит строить собственную китайскую модель включения страны в глобальную систему международных отношений [8]. Именно при председателе Си в КНР была провозглашена инициатива «Один пояс – один путь», был принят к исполнению принцип «двойной циркуляции», а также была разработана новая государственная военная доктрина, в которой, наряду с укреплением обороноспособности Китая на собственной территории, допускается применение Китаем вооруженных сил за пределами китайских государственных границ⁶.

Главная экономическая и политическая задача КНР, которую решает администрация Си Цзиньпина, состоит в том, чтобы максимально повысить роль Китая в глобальных промышленных цепочках добавочной стоимости, потеснив в этом отношении США и европейского экономического лидера – Германию. Для США и для КНР вопрос о том, кто займет вершины основных глобальных цепочек добавочной стоимости, означает вопрос экономического выживания этих стран, а следовательно, отстаивать свои интересы оба государства будут всеми доступными средствами, включая силовые методы, которые, как сказано выше, отличают политику КНР при Председателе Си. Вот, собственно, чем объясняют-

⁴ Руководства по странам. Министерство коммерции КНР. (Далее – данные МК КНР.) (In Chin.). <http://fec.mofcom.gov.cn/article/gbdqzn/> (accessed 21.03.2024)

⁵ Принцип «двойной циркуляции» представляет собой стратегию экономического развития, направленную на укрепление как внутреннего спроса (внутренняя циркуляция), так и внешней торговли и инвестиций (внешняя циркуляция), с акцентом на самодостаточность и инновации (прим. авт.).

⁶ Белая книга «Национальная оборона Китая в новую эру». Информационное бюро Госсовета КНР (24 июля 2019 г.). (In Chin.). <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1660314/1660314.htm> (accessed 25.03.2024)

ся причины возрастания не только экономического, но и военного присутствия КНР в различных регионах мира, включая Африку.

Еще одно важное замечание: африканский аспект никогда не представлял собой приоритетного направления китайской внешней политики и внешнеэкономических отношений. В рейтинге макрорегиональных политических направлений Африка занимала предпоследнее место перед Океанией как по объему внешнеторгового товарооборота, так и по объему китайских иностранных инвестиций. Несмотря на то, что объем китайских инвестиций в африканские страны сохраняет свой уровень или даже немного растет (за исключением незначительного спада в период пандемии *COVID-19* в 2019–2022 гг.), доля китайских ПИИ от общенационального объема китайских инвестиций неуклонно снижается. Это особенно хорошо видно на графиках 1 и 2.

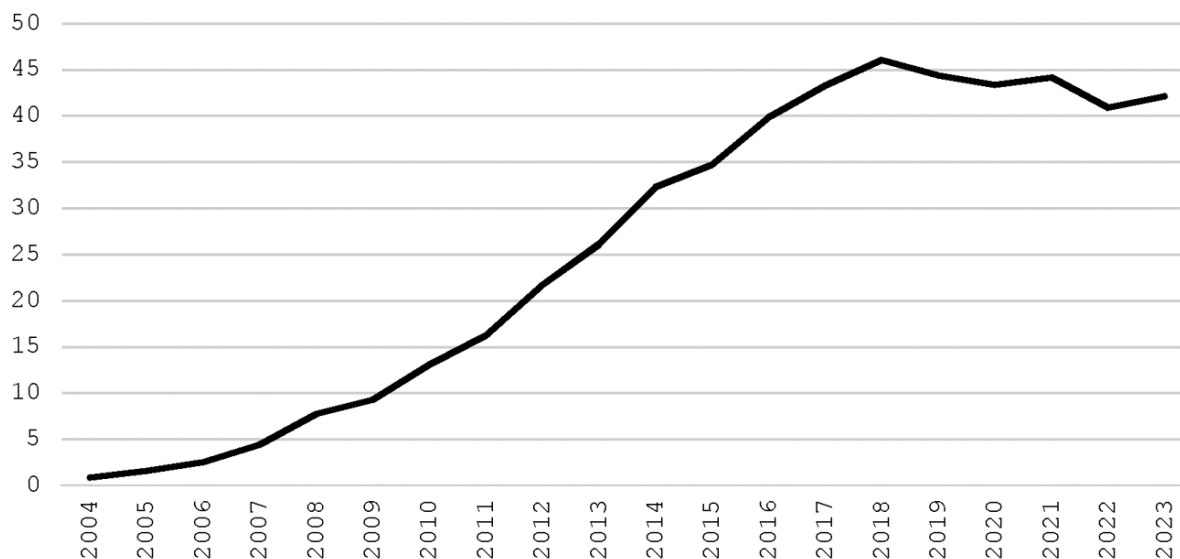

График 1. Сумма накопленных китайских ПИИ в Африку в 2003–2023 гг., \$ млрд

Graph 1. Total Accumulated Chinese FDI in Africa, 2003–2023, \$ bln

Составлено автором на основе данных МК КНР.

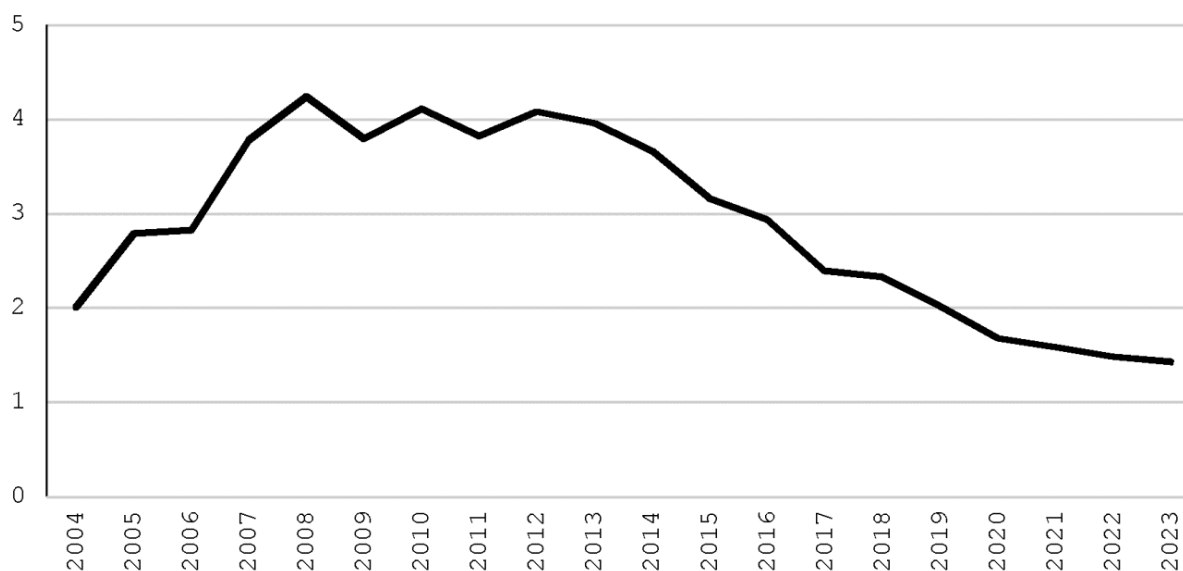

График 2. Доля инвестиций в Африку от общей суммы китайских накопленных ПИИ в 2003–2023 гг., %

Graph 2. Share of Investments in Africa as a Percentage of Total Chinese FDI Stock, 2003–2023

Составлено автором на основе данных МК КНР.

Это кажется парадоксальным, но только на первый взгляд. Дело в том, что при председателе Си наметилась новая закономерность: значение китайской политико-экономической деятельности в Африке при Си по сравнению с его предшественниками постепенно снижается. Пик китайской инвестиционной активности приходился на 2008 г., когда объем китайских ПИИ в Африку составил 4,24% от общего объема ПИИ КНР. Затем, начиная с 2009 г. и по 2012 г., фиксируется несколько незначительных спадов и подъемов инвестиционной активности (достигнуто определенное плато, когда доля ПИИ в Африку колебалась вокруг 4% от общего их объема), а после 2013 г. африканская доля в общем объеме ПИИ КНР стала неуклонно снижаться в среднем на 0,1–0,5% в год. В итоге за 2023 г. (последний год, по которому имеются официальные данные) доля инвестиций в Африку составила 1,43% от общего объема годового потока ПИИ КНР⁷.

Если сравнить динамику потока инвестиций в Африку из КНР и США за 2014–2023 гг. (см. *граф. 3*), наглядно видно, что после 2014 г. поток китайских инвестиций в Африку в абсолютных цифрах ежегодно неуклонно, пусть незначительно, но возрастал. Что касается потока инвестиций из США, то он имел тенденцию к снижению, а в 2016, 2018, 2019 гг. (еще до пандемии) даже происходил отток американских капиталов из Африки, и лишь в 2023 г., впервые за 10 лет, поток американских инвестиций превысил аналогичный показатель КНР.

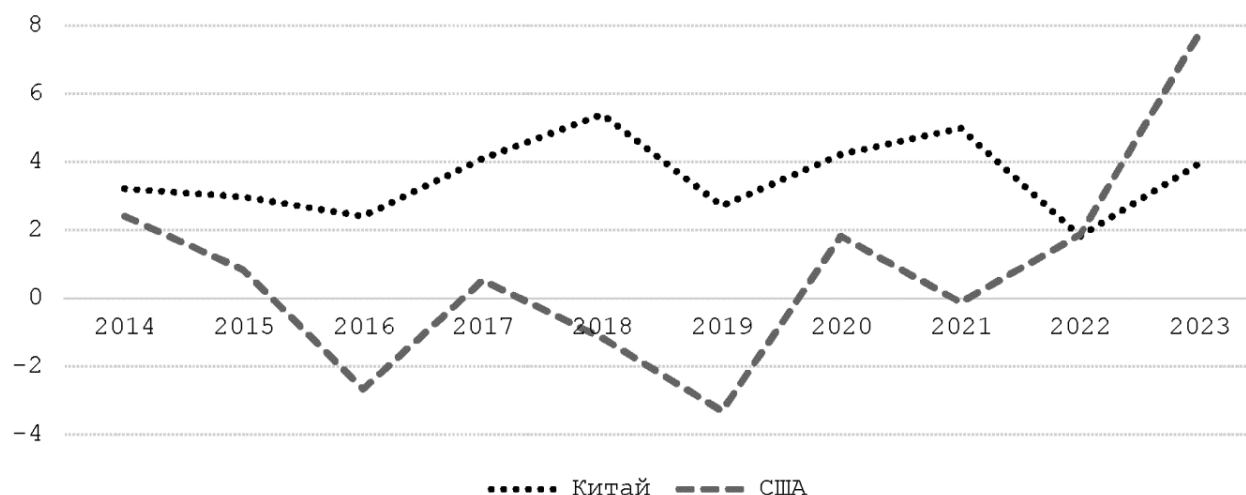

График 3. Потоки китайских и американских инвестиций в Африку в 2014–2023 гг. (\$ млрд)

Graph 3. Flows of Chinese and American investments in Africa, 2014–2023 (\$ bln)

Составлено автором на основе данных МК КНР.

В итоге объем американских накопленных инвестиций в Африке упал с \$69,03 млрд в 2014 г. до \$56,29 млрд в 2023 г. Сумма же китайских накопленных ПИИ в Африку за 10 лет – с 2014 по 2023 г. – выросла в абсолютных показателях более чем в 1,5 раза, составив внушительную по африканским меркам сумму \$42,1 млрд. За этот же период доля накопленных ПИИ в Африку от общеазиатских инвестиций ежегодно медленно снижалась, пока не опустилась до 1,43% к началу 2024 г.

Это можно интерпретировать не как свертывание китайской финансовой активности в Африке, а как результат роста китайской экономики и до некоторой степени как смещение приоритетов в китайской инвестиционной политике на другие, более важные направления, прежде всего азиатское и европейское. В Африке КНР использует весьма ограниченный ресурс средств, достаточный для уравнивания влияния США, но не более того.

Подводя итог, подчеркнем, что африканское направление продолжает занимать важное место в китайской внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности, но, во всяком случае по финансово-инвестиционным показателям, его нельзя назвать приоритетным.

⁷ <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2024/indexch.htm> (accessed 25.01.2025)

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ВОВЛЕЧЕННОСТЬ КНР В АФРИКАНСКИЕ ДЕЛА

Вовлеченность КНР в африканскую политику носит стратегический характер, что подтверждают многие серьезные публикации [9, 10, 11, 12, 13 и др.]. Напомним, что Африка с населением, которое к 2050 г. должно превысить 2 млрд человек, является на сегодняшний день единственным макрорегиональным пространством практически свободной геополитической и геоэкономической конкуренции между бывшими колониальными державами условного Запада и стремительно растущими центрами политической и экономической силы в Азии и Латинской Америке.

Борьба за политическое и экономическое влияние в Африке между ведущими глобальными державами и их союзниками – это борьба за чрезвычайно перспективные рынки сбыта собственных товаров и услуг, практически безграничный источник дешевой рабочей силы, фантастически богатые месторождения природных ископаемых, причем как относительно доступных (нефть, газ и пр.), так и уникальных.

Принимая во внимание вышесказанное, подчеркнем, что основные реперные точки китайской внешнеполитической и внешнеэкономической доктрины определяются установками председателя Си и его ближайшего окружения, что справедливо и для понимания стратегии китайской инвестиционной политики в Африке [14]. Механизм выработки стратегических решений непрозрачен и практически недоступен для научного изучения, что отчасти можно компенсировать изучением китайской практической политики, отражающей стратегические установки руководства страны.

Сравнительно недавно появился еще один уровень, позволяющий анализировать политику КНР в Африке: после упомянутого выше принятия курса на «двойную циркуляцию» возникла известная (далеко не полная) децентрализация в принятии экономических решений по Африке. Наиболее рельефно эта политика проявляется в сфере прямого иностранного инвестирования, где, наряду с центральным аппаратом государства, право инвестирования капиталов за рубеж получили правительства отдельных провинций и частные компании⁸.

АФРИКАНСКИЕ СТРАНЫ – РЕЦИПИЕНТЫ КИТАЙСКИХ ИНВЕСТИЦИЙ

Китай инвестирует в 52 из 54 суверенных африканских стран (кроме Эсватини и Сомали). В 2023 г. китайские инвестиции преимущественно шли в Нигер, ЦАР, ЮАР, Марокко, Конго, Кению, Зимбабве, Нигерию, Маврикий, ДРК, Эритрею, Замбию и Кот-д'Ивуар⁹. Нигер оказался единственной из всех африканских стран, неизменно сохранявшей положительную динамику по сумме накопленных китайских ПИИ за последние 10 лет, тогда как у других африканских стран этот показатель был нестабилен. Это подтверждает тезис о том, что при председателе Си финансово-инвестиционные приоритеты КНР изменились не в пользу африканского региона.

Ряд экспертов вводит внутри большой группы африканских государств трехступенную дифференциацию. Первая группа – страны, играющие важную как торговую, так и инвестиционную роль: ЮАР, ДРК, Кения и Нигерия. Вторая группа стран – те, которые важны с торговой точки зрения, но не с инвестиционной: Конго, Марокко, Зимбабве и Замбия. Третья группа стран, важных для Китая преимущественно с инвестиционной точки зрения: Маврикий, ЦАР, Нигер и Кот-д'Ивуар [16, с. 237].

В табл. приведен рейтинг африканских стран по мере убывания объема ПИИ, накопленных ими к началу 2024 г.

Из этого рейтинга особого внимания заслуживают первые 14 африканских государств, накопившие более \$1 млрд ПИИ из КНР и входящие в число стран – последователей Китая. Среди стран с меньшим объемом инвестиций выделим африканские государства, в которых пересчет ПИИ на душу населения дает сравнительно высокие цифры, что также свидетельствует об особом месте этих стран в орбите китайского влияния. Речь идет о Джибути, Сейшелах, Эритрее, Гвинее и Экваториальной Гвинее. Отметим также, что ЮАР остается среди лидеров по этому показателю даже при пересчете китайских ПИИ на душу населения.

⁸ https://www.gov.cn/zhengce/content/2017-08/18/content_5218665.htm (accessed 25.03.2024)

⁹ Страны в списке расположены по мере убывания суммы потоков инвестиций в 2023 г.

Китай, инвестируя, как правило, не выдвигает политических требований и не настаивает на выполнении политических условий, что делает его привлекательным для африканских стран, но вызывает с их стороны критику китайской инвестиционной политики в целом, особенно среди сторонников социально ответственного инвестирования [17; 18, с. 47–92]. В последние годы экологические и социально-политические критерии КНР при предоставлении инвестиционных программ африканским странам становятся заметно строже, однако в большинстве случаев китайские кредитные условия связаны с международным сотрудничеством, в меньшей степени с внутренними процессами или политическим устройством конкретной страны [19, с. 53].

Таблица. Рейтинги африканских стран по суммам накопленных китайских ПИИ (2023)
Table. Ranking of African countries by the amount of accumulated Chinese FDI (2023)

Страна	Накопленные инвестиции, 2023, \$ млн	Место в рейтинге	Страна	Накопленные инвестиции, 2023, \$ млн	Место в рейтинге
ЮАР	5841,64	1	Экваториальная Гвинея	235,70	28
ДРК	3914,81	2	Малави	196,59	29
Нигерия	2662,33	3	Мавритания	183,75	30
Эфиопия	2574,37	4	Сенегал	176,81	31
Ангола	2554,12	5	Руанда	173,63	32
Нигер	2304,02	6	Намибия	172,35	33
Маврикий	1897,79	7	Ботсвана	160,00	34
Кения	1728,19	8	Бенин	159,00	35
Алжир	1699,96	9	Либерия	141,00	36
Замбия	1534,78	10	Габон	139,08	37
Танзания	1524,98	11	Сьерра-Леоне	89,69	38
Мозамбик	1468,22	12	Ливия	87,54	39
Зимбабве	1038,49	13	Джибути	85,82	40
Египет	1287,31	14	Южный Судан	72,13	41
Судан	952,14	15	Того	54,85	42
Кот д'Ивуар	890,24	16	Тунис	26,2	43
Гана	875,70	17	Гвинея-Бисау	26,59	44
Конго	680,01	18	Гамбия	21,21	45
Гвинея	660,86	19	Бурунди	18,24	46
Уганда	586,03	20	ЦАР	0,412	47
Камерун	544,58	21	Лесото	4,00	48
Марокко	513,29	22	Буркина-Фасо	6,64	49
Сейшелы	486,14	23	Кабо-Верде	1,55	50
Чад	450,70	24	Коморы	1,35	51
Мали	439,00	25	Сан-Томе и Принсипи	0,51	52
Эритрея	417,00	26	Сомали	0	53–54
Мадагаскар	253,67	27	Эсватини	0	53–54

Составлено автором на основе данных МК КНР.

Обратимся к анализу структуры ПИИ КНР в Африке (см. диаграмму).

Если посмотреть на структуру китайских накопленных ПИИ в Африку за 2023 г., то выявляется интересная закономерность: на первой позиции идут инвестиции в инфраструктуру, главным образом транспортную и энергетическую; за ними – инвестиции в добычу полезных ископаемых и обрабатывающую промышленность. Совокупно эти объекты инвестиционной деятельности получают свыше

71% всех китайских инвестиций. Иными словами, для КНР инвестиционные приоритеты расставлены конкретно и четко: первостепенное значение в Африке имеют транспортно-логистические и энергетические мощности, которые обеспечивают необходимый масштаб добычи полезных ископаемых и их вывоз из африканских стран. С большим отставанием идут инвестиции в локальные производства и финансово-лизинговые услуги.

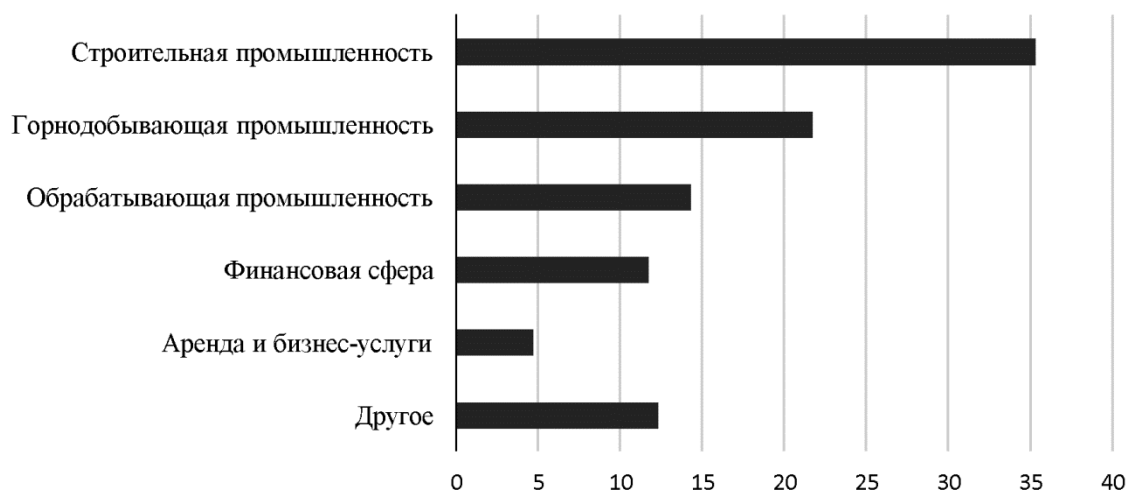

Диаграмма. Структура китайских накопленных инвестиций в страны Африки (\$ млрд, на начало 2024 г.).

Diagram. The structure of Chinese accumulated investments in African countries (\$ bln, as of early 2024).

Составлено автором на основе данных МК КНР.

Показательны состав и структура китайских инвесторов. По итогам 2023 г. на долю государства приходится лишь 5,6% всех африканских инвестиций. Остальные инвесторы: частные лица – 33,6%; различного рода общества с ограниченной ответственностью (ООО) – 28,7%, среди которых, конечно, могут быть и аффилированные с государством, но формально независимые акторы; акционерные компании (АО) – 13,5%; предприятия с иностранным финансовым участием – 5,7%; другие инвесторы – 12,9%, в т.ч. и африканские компании [15, с. 38–40]. Несмотря на различный статус инвесторов, практически всех их объединяет одно: они применяют для инвестирования кредитные деньги, взятые взаймы у китайских финансовых учреждений (прежде всего государственных и частных банков), получивших на эту деятельность соответствующие разрешения от китайского государства. Бесконтрольное инвестирование денежных средств за рубеж в КНР преследуется по закону.

Наконец, последнее: в 2023 г. в Африке действовало 3266 китайских предприятий (или ок. 6,8% от их общего числа за пределами КНР). Эти предприятия, зарегистрированные как китайские, также имеют право на получение кредитов и ссуд от китайских финансовых институтов. Точная статистика по этой категории инвесторов официально отсутствует, но, по оценочным данным, эти показатели незначительны по сравнению с другими категориями инвестиций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Министерство коммерции КНР с полным основанием считается ключевой структурой, которая отвечает за реализацию государственной программы финансово-инвестиционной и торгово-экономической деятельности на Африканском континенте. Сайт МК КНР, на котором представлены развернутые, многоуровневые и многоплановые характеристики 51 из 54 африканских стран, дает обширный материал не только для анализа китайско-африканских отношений, но и характеризует данные этих государств по ключевым аспектам их политической, экономической, социальной и культурной жизни.

Стремление Китая максимально повысить свою роль в глобальных промышленных цепочках добавочной стоимости ведет к обострению конкуренции КНР со странами условного Запада во главе с США. Эта конкуренция переносится и на Африканский континент. За 10-летний период пребывания у

власти Си Цзиньпина в китайской политике по отношению к Африке наметилось несколько важных тенденций.

Во-первых, доля китайских накопленных инвестиций в Африку по отношению ко всем китайским инвестициям в мире неуклонно уменьшается, опустившись с 4,24% в 2008 г. до 1,43% к началу 2024 г.

Во-вторых, в абсолютных цифрах объем китайских накопленных ПИИ в Африку значительно вырос (более чем в 1,5 раза за 10 лет). В последние годы по этому показателю КНР устойчиво входит в пятерку лидеров, если рассматривать финансовую деятельность САР Гонконг отдельно от КНР; если же вместе с Гонконгом, то китайское место в вышеуказанном рейтинге, безусловно, повысится.

В-третьих, на сегодняшний день сформировалась группа африканских стран (их около 20), которые имеют с КНР особо тесные отношения. Эти африканские государства развивают взаимодействие с КНР особенно интенсивно, получают значительные китайские инвестиции и входят в категорию стран-последователей с возможной перспективой стать странами – союзниками Китая.

Скорее всего, в ближайшие годы финансово-инвестиционные вложения КНР в Африку будут осуществляться в несколько более скромных масштабах, чем прежде, что объясняется не столько китайским разочарованием в африканском экономическом развитии, сколько потребностями внутрикитайского финансирования. Предоставляемые КНР африканским странам кредиты будут проходить более строгую, чем раньше, экспертизу с точки зрения социальной значимости и экологической безопасности, а контроль реализации этих проектов со стороны китайских властей будет возрастать.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Зеленов Е.И., Солощева М.А. Китай в Африке: от стран-партнеров к странам-последователям. Ч. 1. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 7. С. 12–21. DOI: 10.31857/S032150750020973-2
Soloshcheva M., Zelenev E. 2022. China in Africa: From partner countries to follower countries. Part 1. *Asia and Africa today*. № 7. Pp. 12–21. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750020973-2
2. Зеленов Е.И., Солощева М.А. Китай в Африке: от стран-партнеров к странам-последователям. Ч. 2. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 8. С. 14–25. DOI: 10.31857/S032150750020973-2
Soloshcheva M., Zelenev E. 2022. China in Africa: From partner countries to follower countries. Part 2. *Asia and Africa today*. № 8. Pp. 14–25. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750021323-7
3. Бирюков Д.Ю., Дюжева Н.В. Инструменты реализации экономических интересов Китая в развивающихся странах на примере стран Африки южнее Сахары. *Вестник РУДН. Серия: Экономика*. 2021. № 2. С. 426–438. DOI: 10.22363/2313-2329-2021-29-2-426-438
Biryukov D.Yu., Dyuzheva, N.V. 2021. Instruments for implementing China's economic interests in the developing countries on the example of Sub-Saharan Africa. *RUDN Journal of Economics*. № 2. Pp. 426–438. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-2329-2021-29-2-426-438
4. Савина Т.Н. Социально-ответственное инвестирование: теория и методология исследования. *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2016. Т. 15. С. 46–60.
Savina T.N. 2016. Socially Responsible Investing: Theory and Methodology of Research. *Financial Analytics: Science and Experience*. № 12. Pp. 48–60. (In Russ.)
5. Портяков В.Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы. М., 2013.
Portiakov V.Ya. 2013. The Formation of China as a Responsible Global Power. Moscow. (In Russ.)
6. Halsall J.P., Cook I.G., Snowden M., Oberoi R. COVID-19 Pandemic, China, and Global Power Shifts: Understanding the Interplay and Implications. *The Palgrave Handbook of Globalization with Chinese Characteristics*, 2023. Pp. 153–166.
7. Tian W., Yu M. Outward Foreign Direct Investment of Chinese Enterprises. Germany, 2022.
8. Модель развития современного Китая. Оценки, дискуссии, прогнозы. Под ред. А.Д. Воскресенского. М., 2019.
Voskressenski A.D. (Ed.). 2019. Model of Contemporary China Development: Appraisals, Discussions, Prognostications. Moscow. (In Russ.)
9. Волков С.Н., Дейч Т.Л. Роль и место Африки в формирующемся многополярном мире. *Азия и Африка сегодня*. 2023, № 7. С. 68–71.
Volkov S.N., Deych T.L. 2023. Africa's Role and Place in the Forming Multipolar World. *Asia and Africa today*. № 7. Pp. 68–71. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750026541-7
10. Цвигун И.В., Сизых Е.Ю. Прямые иностранные инвестиции и деятельность транснациональных корпораций КНР. *Проблемы Дальнего Востока*. 2020. № 2. С. 102–116.
Zvegung I., Sizykh E. 2020. Foreign Direct Investment and Activities of Transnational Corporations of the PRC. *Problemy Dalnego Vostoka*. № 2. Pp. 102–116. (In Russ.)

11. Luo J. 2022. Historical development and Theoretical Characteristics of CPC's View of Africa. *West Asia and Africa*. № 5. Pp. 43–66. (In Chin.)
12. Wu Ch., He Y., Wei B. 2022. Xi Jinping's View of China-Africa Cooperation in the New Era: Historical Background, Ideological Connotation and Practical Value. *West Asia and Africa*. № 5. Pp. 67–85. (In Chin.)
13. Lisimba A.F. China's Trade and Investment in Africa: Impact on Development, Employment Generation & Transfer of Technology. Germany, 2020.
14. Modestus Q. Diplomatic Discourse Analysis: Translating and Reconstructing “Zhengque yiliguan” in China-Africa Relations. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. 2023.
15. 2023 Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment. Beijing: China Commerce and Trade Press, 2024. (In Chin.)
16. Zhou Li, Prospects for China–Africa continental free trade area (CAFTA). *China International Strategy Review*. 2023. № 5. Pp. 225–241.
17. Dagold M., Stimers M. The sustainability of developmental programs by the U.S. and China in Sub-Saharan Africa: a comparison of effectiveness. *Springer Nature Social Sciences*. 2024. Vol. 79, № 4.
18. Kopinski D., Carmody P., Taylor I. The Political Economy of Chinese FDI and Spillover Effects in Africa. New York, 2023.
19. Пятачкова А.С., Гацковская В.А., Поздняков И.С. Основные направления политики помощи КНР и Франции странам Африки в период пандемии COVID-19. Анализ и прогноз. *МЭМО*. 2023. № 4. С. 40–54. DOI: 10.20542/afij-2023-4-40-54
Pyatachkova A.S., Gatskovskaya V.A., Pozdnyakov I.V. 2023. The Main Directions of the Chinese and French Aid Policies in African Countries During the COVID-19 Pandemic. Analysis and Forecasting, *MEMO Journal*. № 4. Pp. 40–54. (In Russ.). DOI: 10.20542/afij-2023-4-40-54

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Солощева Мария Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент, Институт востоковедения и африканистики, кафедра исследований Китая, Юго-восточной и Южной Азии, НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия.

Maria A. Soloshcheva, PhD (History), Associate Professor, Institute of Asian and African Studies, Department for Chinese, South and Southeast Asian Studies, HSE University, Saint Petersburg, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 15.06.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 10.02.2025

Принята к публикации
(Accepted) 22.04.2025

DOI: 10.31857/S0321507525050044

SADC-led Peace Operations: Successes, Challenges, and Future Prospects

© Singuwa Chimuka^{a,b} (Zambia), Bokeriya S.A.^{a,c} (Russia), 2025

^a Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Moscow, Russia

^b ORCID: 0000-0002-0812-9234; Jonathanial@yahoo.com

^c ORCID: 0000-0002-9052-4363; bokeria_sa@pfur.ru

Abstract. Peacekeeping operations led by the Southern African Development Community (SADC) have played a pivotal role in promoting stability and resolving regional conflicts in Southern Africa. This article aims to explore both the successes and challenges encountered by SADC in its peacekeeping efforts. It examines key peacekeeping operations, such as those in Lesotho, Madagascar, the Democratic Republic of Congo, Zimbabwe, and Mozambique, highlighting the significant achievements made in conflict resolution and political stabilization. The article identifies crucial factors contributing to SADC's successes, including strong regional cooperation, diplomatic mediation, and the fostering of consensus among member states. However, it also addresses the ongoing challenges faced by SADC, particularly resource limitations, political complexities, and the evolving nature of security threats such as terrorism and insurgencies. By applying a situation-structural approach and analyzing these factors, authors provide valuable insights into the operational dynamics of SADC-led peacekeeping missions and suggest strategies for strengthening the organization's capacity to address emerging regional security challenges. The discussion emphasizes the need for institutional reforms, improved logistics, and enhanced international partnerships to improve the effectiveness of peacekeeping operations. Ultimately, the article aims to offer a comprehensive understanding of the regional organization's peacekeeping role and its contribution to the long-term peace and stability of Southern Africa.

Keywords: SADC, peacekeeping operations, peacekeeping, Southern Africa, security, diplomatic mediation, institutional reform

Acknowledgment. The research was funded by the Russian Science Foundation (project № 23-28-01195).

For citation: Singuwa Chimuka (Zambia), Bokeriya S.A. (Russia). SADC-led Peace Operations: Successes, Challenges, and Future Prospects. *Asia and Africa today*. 2025. № 5. Pp. 38–44. DOI: 10.31857/S0321507525050044

Миротворческие операции САДК: успехи, проблемы и перспективы

© Сингува Чимука^{a,b} (Замбия), Бокерия С.А.^{a,c} (Россия), 2025

^a Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия

^b ORCID: 0000-0002-0812-9234; Jonathanial@yahoo.com

^c ORCID: 0000-0002-9052-4363; bokeria_sa@pfur.ru

Резюме. В статье рассматриваются успехи и проблемы, с которыми сталкивается Сообщество развития Юга Африки (САДК) в своих усилиях по поддержанию мира. Оцениваются достижения ключевых миротворческих операций в Лесото, Мадагаскаре, Демократической Республике Конго, Зимбабве и Мозамбике и факторы, способствующие успехам САДК, включая региональное сотрудничество, дипломатическое посредничество и поиск консенсуса среди государств-членов. Применяя ситуационно-структурный подход, авторы рассматривают постоянные вызовы: ограниченные ресурсы, политические проблемы и изменения в характере угроз безопасности, включая терроризм и восстания. Подчеркивается необходимость институциональных реформ, улучшения логистики и укрепления международного партнерства для повышения эффективности миротворческих операций. В статье представлено всестороннее понимание роли САДК в миротворчестве и ее вклада в долгосрочный мир на юге Африки.

Ключевые слова: САДК, миротворческие операции, миротворчество, юг Африки, безопасность, дипломатическое посредничество, институциональная реформа

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01195).

Для цитирования: Singuwa Chimuka (Zambia), Bokeriya S.A. (Russia). SADC-led Peace Operations: Successes, Challenges, and Future Prospects. *Asia and Africa today*. 2025. № 5. Pp. 38–44. DOI: 10.31857/S0321507525050044

INTRODUCTION

Since its establishment, the Southern African Development Community (SADC) has been a dynamic force in peacekeeping operations to foster stability and resolve conflicts across the region. These efforts are crucial in addressing immediate security threats while laying the foundation for sustainable socio-economic development. SADC's approach to peacekeeping spans from diplomatic mediation and peacebuilding initiatives to robust military deployments in response to crises. The organization's involvement in peacekeeping demonstrates its steadfast commitment to regional security and its understanding of the intrinsic link between peace, stability, and prosperity within Southern Africa [1].

Over the years, SADC-led peacekeeping operations have achieved notable successes, showcasing the organization's capacity to facilitate conflict resolution and political stabilization. These successes include effective mediation in various conflict situations, contributing to peaceful transitions of power and supporting democratic processes in member states. Moreover, SADC has deployed peacekeeping missions to address internal conflicts and foster reconciliation, thereby mitigating the impact of violence on communities and creating conditions conducive to long-term peace [2].

However, alongside these successes, SADC has faced significant challenges in its peacekeeping endeavors. Resource constraints, including limited financial resources and logistical capabilities, often hinder the organization's ability to effectively deploy and sustain peacekeeping missions. Moreover, political complexities, such as divergent national interests among member states and external influences, can complicate consensus-building and collective action within the organization. Furthermore, the evolving nature of security threats in the region demands adaptable strategies and responses, testing the organization's operational capacities and necessitating ongoing adjustments in approach [3].

Nevertheless, SADC remains deeply committed to strengthening its peacekeeping capabilities and enhancing regional security cooperation. Through addressing these challenges and leveraging its regional expertise, SADC aims to strengthen its position as a pivotal actor in promoting peace and stability across Southern Africa.

SUCCESSSES AND CHALLENGES FACED BY SADC IN PEACEKEEPING

SADC has achieved significant success in peacekeeping, mainly through its mediation efforts and deployment of peacekeeping missions. The organization has played a pivotal role in stabilizing political situations and facilitating peaceful transitions in several member states, showcasing its unwavering commitment to regional security and stability. One striking example of SADC's effective intervention is its operation in Lesotho. SADC's peacekeeping mission in the country and diplomatic efforts played a vital role in mitigating a political crisis and restoring order. The deployment of peacekeepers was instrumental in maintaining security and creating an environment conducive to political dialogue, ultimately leading to a peaceful resolution of conflicts and bolstering the country's democratic processes [4].

In 1998, SADC launched a military and police intervention (Operation Boleas) in response to an attempted coup d'état and political unrest in Lesotho. The operation was led by the South African and Botswana forces. In 2017–2018, SADC deployed the SADC Preventive Mission in the Kingdom of Lesotho (SAPMIL), comprising military, police and civilian components to stabilize the country and support reform processes. As a result, further escalation of violence in the country was prevented, dialogue and reforms in the security sector were promoted, and the country's governance was temporarily stabilized.

SADC played a significant role in stabilizing Madagascar following its 2009 political crisis. Through diplomatic efforts and political mediation, the SADC-led peacekeeping mission helped restore constitutional order by facilitating dialogue between rival factions [5]. Critical successes included: firstly, SADC's mediation, led by Joaquim Chissano, helped broker peace agreements that culminated in the signing of the "Roadmap for Ending the Crisis" in 2011. Secondly, SADC oversaw the peaceful 2013 elections, which marked the return to democratic governance after four years of political instability. Thirdly, by preventing further escalation of conflict, SADC's intervention preserved stability in the region, avoiding broader disruption in Southern Africa [6].

SADC's intervention in Zimbabwe is another compelling example of its peacekeeping success. Through diplomatic engagements and mediation, SADC played a crucial role in facilitating dialogue between

conflicting parties, ultimately forming a national unity government. This intervention helped to defuse a potentially explosive situation and paved the way for more stable governance. SADC's ability to convene divergent political factions and support democratic processes underscores the significance of regional ownership and collaboration in peacekeeping efforts [7].

However, despite accomplishments mentioned above, SADC encounters significant challenges in its peacekeeping operations. One of the primary obstacles is resource constraints. Financial limitations and inadequate logistical support often hinder the organization's ability to effectively deploy and sustain peacekeeping missions. The substantial costs associated with mobilizing and maintaining peacekeeping forces and the limited budget allocated to these operations can impede timely and efficient responses to emerging conflicts. Furthermore, logistical challenges exacerbate the difficulties in executing peacekeeping mandates and ensuring the safety and effectiveness of deployed personnel [8].

Moreover, the SADC's peacekeeping efforts face significant challenges due to political complexities. Divergent interests among member states can lead to disagreements and hinder consensus-building, which is crucial for unified action. Each member state has national priorities and foreign policy objectives, which can sometimes conflict with collective regional goals [9]. Additionally, when it comes to intervening in crises, SADC is hamstrung by a complicated system that dates back to before South Africa joined the Southern African Development Coordination Conference in 1992.

The Organ on Defence, Politics, and Security troika handles political issues. In 2023, it was led by Hakainde Hichilema, the President of Zambia. This is distinct from the troika of current, previous, and upcoming chairs of SADC. This so-called 'double troika' rotating system might be more inclusive – with six heads of state serving in leadership positions at any given time – but the public often misunderstands it and creates confusion. Some in SADC have called for reforms to the double troika system. These rotating positions are also rarely occupied by the leaders of smaller and newcomer states such as Madagascar, Mauritius, the Seychelles, or the Comoros. Following the 44th summit held on 17 August 2024, SADC was headed by Tanzania's President Samia Suluhu Hassan¹.

Several institutional obstacles are also hamstringing SADC. Institutional reforms could give it a more significant political role [10]. It has a weak secretariat with few decision-making powers compared to the ECOWAS Commission. The latter has a bigger budget and arguably more capacity than SADC to carry out its programs independently of member states². Member states have not considered strengthening the SADC Secretariat to be in their interest.

The SADC Secretariat and its executive secretary rarely speak out on controversial issues. This is left to member states. Yet member states only meet once a year, and if the organization's chair is not engaged in issues, as might be the case with Tanzania, the new SADC chair, – nothing happens.

The fact that SADC does not have institutions that properly represent citizens is a huge obstacle to decisive action and buy-in from ordinary people in the region. For example, citizens in SADC cannot turn to a tribunal when they feel wronged by their governments, as citizens in West Africa can turn to the ECOWAS Court of Justice. The SADC tribunal was dissolved in 2012 following pressure from Zimbabwean President Robert Mugabe.

It is crucial to reinstate the tribunal with full powers to hear complaints from SADC citizens. SADC also does not have a regional parliament. It only has a Parliamentary Forum with no legislative powers. Frequent requests have been made to upgrade the forum to a fully-fledged parliament, but this has still not happened. Such a move could improve the relationship between people and the regional organization [11].

The structure of election observation missions, which are often made up of government officials with little civil society participation, has in the past undermined their credibility. This is usually the only time citizens see SADC at work in their own countries, when vehicles with the SADC logo and officials with flap jackets do the rounds at election time [12].

Past incidents, such as those in Malawi and the many controversial statements by SADC on elections in Zimbabwe, have not ingratiated SADC with the people of those countries or the opposition. On this score,

¹ Key outcomes from SADC's 44th Ordinary Summit. <https://www.accord.org.za/analysis/key-outcomes-from-sadcs-44th-ordinary-summit/> (accessed 10.11.2024)

² ECOWAS Parliament approves a budget of 21,005,052 units of account for 2023. <https://www.parl.ecowas.int/ecowas-parliament-approves-a-budget-of-21005052-units-of-account-for-2023/> (accessed 17.03.2025)

ECOWAS and other regional economic communities are not without fault either, having rubber-stamped many elections that were considered deeply compromised over the years³.

Finally, the fact that many resolutions are adopted and not implemented also undermines people's faith in SADC. For example, in ECOWAS, a citizen of a member state can travel freely with an ECOWAS passport across the 15 member states of the organization – barring harassment by corrupt officials at borders. There is no such luxury for most SADC citizens, especially those from outlier countries such as Madagascar. While free movement across borders might be possible for some, working and living in another member state owing to your regional status is still a pipe dream.

Over the years, SADC has claimed important milestones in improving regional integration and ensuring greater synergy between policies in member states – from gender representation in politics to infrastructure and border management. It has also attempted to coordinate responses to COVID-19 by ensuring that freight transport can move across the region. However, people living in conflict-ridden countries and those experiencing bad governance will continue to hope for reforms that facilitate greater intervention and a moral stance by SADC.

The region's evolving nature of conflicts and security threats further strains SADC's peacekeeping capacities. Modern conflicts are increasingly characterized by asymmetrical warfare involving non-state actors, insurgencies, and transnational threats such as terrorism and organized crime. These challenges require adaptable and responsive peacekeeping strategies beyond traditional military interventions. SADC must continuously evolve its operational doctrines and training programs to effectively address these new forms of conflict. However, the need for rapid adaptation can stretch the organization's resources and capabilities, highlighting the importance of flexibility and innovation in peacekeeping approaches [13].

Additionally, the success of peacekeeping in the SADC sub-region is hindered by the lack of adequate and sustained post-conflict peacebuilding. Achieving lasting peace requires comprehensive peacebuilding efforts that address the root causes of conflict and promote long-term stability. Insufficient investment in post-conflict reconstruction and development can leave countries vulnerable to a return to violence. For instance, in countries like Mozambique and the Democratic Republic of Congo (DRC), the absence of sustained peacebuilding initiatives has often led to renewed tensions and conflict [14].

The ongoing conflict in the DRC is largely due to the failure of sustained peacebuilding efforts. Despite peacekeeping interventions, such as the SADC-supported Force Intervention Brigade (FIB) under MONUSCO, deep-rooted issues like weak governance, unresolved ethnic tensions, and competition over natural resources have not been fully addressed. Rebel groups, including the M23 and various militias, have taken advantage of these gaps, leading to continued instability. Without long-term investment in post-conflict reconstruction, disarmament, and economic opportunities, armed groups easily regroup and launch new offensives, perpetuating violence [15].

In Mozambique, the SADC Mission (SAMIM) was deployed in 2021 to combat the insurgency in Cabo Delgado, where extremist groups linked to ISIL have caused widespread violence. While SAMIM has helped stabilize some areas through military operations, the lack of a strong peacebuilding strategy risks prolonging instability. Many root causes such as poverty, youth unemployment, and poor governance remain unaddressed. Without sustained investment in rebuilding affected communities, economic development, and reconciliation efforts, insurgents can regain strength, leading to recurring violence. Effective peacebuilding in Mozambique requires not just military intervention but also long-term solutions like education, infrastructure development, and political reforms [16].

Effective peacebuilding demands resources, political will, and a coordinated approach involving various stakeholders, including governments, civil society, and international partners. When done effectively, peacebuilding can help prevent the need for further peacekeeping interventions by addressing underlying issues such as poverty, inequality, governance deficits, and social injustices that often fuel conflict. SADC's ability to invest in peacebuilding activities, such as disarmament, demobilization, and reintegration (DDR) programs⁴, infrastructure development, and institutional capacity building, is crucial for creating resilient

³ Bittiger T. Election Observation in West Africa: The ECOWAS Experience. <https://aceproject.org/today/feature-articles/election-observation-in-west-africa-the-ecowas-experience> (accessed 15.03.2025)

⁴ Disarmament, demobilization and reintegration (DDR) is a process that contributes to security and stability by disarming combatants, removing them from military structures, and socially and economically integrating them into society.

societies. Strengthening the rule of law, promoting human rights, and fostering inclusive political processes are essential components of peacebuilding that can contribute to sustainable peace.

However, as seen with the pan-African parliament, such a body must adequately represent the entire political landscape and have a high profile to play a meaningful role. Generally, SADC does not have stronger links with non-governmental organizations and civil society than regional organizations such as ECOWAS [17]. When commentators in the region criticize SADC, the solidarity between former liberation movements is usually mentioned as the main obstacle in any meaningful engagement to intervene on behalf of citizens of these countries.

This is undoubtedly true in many instances. Ruling parties such as the ANC in South Africa, ZANU PF in Zimbabwe, Frelimo in Mozambique, SWAPO in Namibia, and the MPLA in Angola tend to shield one another from interference or criticism [18]. This is also where SADC differs from ECOWAS, where the memories of the struggle against colonialism are not as fresh in everyone's minds as in Southern Africa. Here, the links between former liberation movements remain strong.

In summary, the progress made by SADC in its peacekeeping operations is commendable, but there are still significant challenges to overcome. Resource constraints, complex political dynamics, and the evolving nature of conflicts present ongoing obstacles to practical peacekeeping and peacebuilding efforts. A multifaceted approach is necessary to address these challenges, including securing adequate funding, fostering political cohesion among member states, and developing adaptable strategies to meet emerging security threats. Additionally, prioritizing sustained peacebuilding initiatives is essential for preventing the recurrence of conflict and ensuring long-term stability in the region.

By overcoming these challenges, SADC can solidify its role as a critical regional peace and security actor, thereby contributing to the broader development and integration goals in Southern Africa.

STRATEGIES FOR ENHANCING SADC-LED PEACEKEEPING

Strategic approaches must be adopted to improve the effectiveness of SADC-led peacekeeping operations and surmount the challenges they encounter. Fortifying institutional capacities within the SADC is imperative. This involves investing in comprehensive training programs for peacekeepers, equipping them with essential skills in conflict resolution, humanitarian assistance, and civilian protection. By enhancing the professionalism and readiness of peacekeeping forces, SADC can significantly elevate its ability to deploy and sustain operations effectively in diverse and demanding environments [19].

Moreover, logistical support mechanisms are indispensable in ensuring the operational readiness of peacekeeping missions. Enhancing logistical capabilities, such as transportation, communication systems, and medical support, is vital for facilitating rapid deployment, coordination, and operational effectiveness on the ground. Addressing these logistical challenges can minimize delays and ensure that peacekeepers have the necessary resources to fulfill their mandates efficiently.

Furthermore, SADC is advised to strengthen cooperation with international partners to enhance its peacekeeping capabilities. Collaborating with organizations such as the United Nations (UN), the African Union (AU), and other regional bodies can provide additional resources, technical expertise, and financial support [20]. Joint training exercises, knowledge sharing, and joint operational planning can significantly improve the interoperability and coordination among peacekeeping forces, enabling more robust and integrated responses to regional conflicts and crises [21].

Leveraging regional expertise and best practices is another invaluable strategy for enhancing SADC-led peacekeeping operations. Drawing on the experiences and lessons learned from successful peacekeeping missions within the region can inform future operations and improve strategic decision-making. Establishing mechanisms for sharing intelligence, conducting joint assessments, and coordinating regional peacebuilding efforts can strengthen SADC's role as a proactive and effective peacekeeping actor [22].

Furthermore, promoting a culture of conflict prevention and early intervention is crucial for mitigating conflict escalation and reducing the need for large-scale peacekeeping operations. Emphasizing diplomacy, mediation, and dialogue as primary tools for resolving disputes can help prevent conflicts from spiraling out of control. Strengthening political dialogue and fostering trust among member states through regional initiatives and mediation efforts can create conducive conditions for the peaceful resolution of disputes before they escalate into violent conflicts [23].

SADC peacekeeping operations should prioritize long-term solutions, including governance reforms, economic development and addressing social inequalities. Peace processes should involve all stakeholders, including civil society, women and youth, to ensure legitimacy and sustainability. Member states should prioritize collective regional interests over individual national agendas to enhance the effectiveness of SADC interventions.

In essence, it is imperative to adopt a holistic approach to enhance the effectiveness of SADC-led peacekeeping operations. This approach should bolster institutional capacities, optimize logistical support, foster stronger collaboration with international partners, tap into regional expertise, and prioritize conflict prevention and early intervention. Embracing these strategies will enable SADC to fulfill its pivotal role in promoting peace, security, and stability in Southern Africa, making significant contributions to regional integration, sustainable development, and prosperity.

CONCLUSION

SADC-led peacekeeping operations have significantly promoted stability and resolved conflicts within Southern Africa. The organization has achieved remarkable success in easing tensions and facilitating peaceful transitions across member states through mediation, peacebuilding initiatives, and occasional military interventions. These efforts have been instrumental in preventing the escalation of conflicts and in reestablishing stability in post-conflict environments.

However, the journey to sustaining peace in the region is riddled with challenges. Resource constraints pose a significant obstacle, hindering the organization's ability to deploy sufficient personnel, equipment, and logistical support for effective peacekeeping operations. The complex political dynamics among member states and regional difficulties often complicate consensus-building and collective action vital for coordinated peace efforts.

Furthermore, the evolving nature of security threats, such as transnational crime, terrorism, and border disputes, demands adaptive strategies and enhanced cooperation with international partners. Collaboration with organizations like the United Nations (UN) and the African Union (AU) can provide additional resources, expertise, and diplomatic backing to strengthen SADC's peacekeeping capabilities.

Addressing these challenges requires unwavering commitment and cooperation from SADC member states. To improve operational readiness and effectiveness significantly, it is imperative to bolster institutional capacities within the organization, including implementing robust training programs for peacekeepers and enhancing logistical support mechanisms. It is necessary to develop its early warning systems, conflict resolution mechanisms and operational capabilities for peacekeeping operations. Furthermore, investing in conflict prevention mechanisms and advocating for early diplomatic interventions are essential strategies to tackle the root causes of conflicts and minimize the necessity for large-scale peacekeeping interventions.

By drawing from past experiences and embracing proactive approaches, SADC can maintain its pivotal role in fostering peace, security, and development across Southern Africa. Building on past successes and addressing current challenges is paramount to achieving the organization's vision of a stable and prosperous region, where peace and security form the bedrock for sustainable development and shared prosperity among member states.

REFERENCES / ЛИТЕРАТУРА

1. Coleman K.P. Peace enforcement through sub-regional organisations: the Southern African Development Community and Operation Boleas in Lesotho. Cambridge: Cambridge University Press eBooks, 2007. Pp. 160–193.
2. Schoeman M., Muller, M. Southern African Development Community as Regional Peacekeeper: Myth or Reality? *African Security*. 2009. Vol. 2. № 2–3. Pp. 175–192.
3. Bamidele O. The challenges of peacekeeping in Africa: a revisit. *Strategic Review for Southern Africa*. 2020. Vol. 35. № 2. P. 22.
4. Vhumbunu C.H. Appraising the efficacy of SADC in resolving the 2014 Lesotho conflict: Progress and prospects. *Conflict Trends*. 2015. № 3. Pp. 3–11.
5. Phiri M.J.B. The Southern African Development Community (SADC) and Conflict Response in Madagascar. In: *Routledge Handbook of Conflict Response and Leadership in Africa*. Routledge, 2021. Pp. 143–156.
6. Kotzé D. The Issue of Implementation Enforcement: SADC's Power Mediation in Madagascar. *Politeia*. 2019. Vol. 38. № 1. P. 24.

7. Raftopoulos B. The 2013 Elections in Zimbabwe: The End of an Era. *Journal of Southern African Studies*. 2013. Vol. 39. № 4. Pp. 971–988.
8. Entzsch C.J. Opportunities and challenges to financing African Union peace operations. *African Conflict and Peacebuilding Review*. 2014. Vol. 4. № 2. Pp. 86–177.
9. Bokeriya S.A., Khudaykulova A.V. UN Peacekeeping in Africa: Nature, Scope and Development. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2023. Vol. 23. № 3. Pp. 435–450.
10. Kgosi S.I. Could SADC's Institutional Framework and Instruments for Peacekeeping have been Effective in Preventing the Insurgency in Northern Mozambique? *African Journal of Terrorism and Insurgency Research*. 2021. Vol. 2. № 2. P. 37.
11. Jancic D. Regional parliaments and African economic integration. *European Journal of International Law*. 2019. Vol. 30. № 1. Pp. 199–228.
12. Nasu H. Institutional Evolution in Africa and the 'Peacekeeping Institution.' In: *Legal Perspectives on Security Institutions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. Pp. 167–189.
13. Malebang G. Peace building and security policy in Southern Africa: the case of the Southern African Development Community (SADC). *Journal of Human Security Studies*. 2012. Vol. 1. № 6. Pp. 50–68.
14. Hartmann H. The evolving mediation capacity of the Southern African Development Community. *Conflict Trends*. 2013. Vol. 2. № 1. Pp. 3–10.
15. Honorato F.A., Jeche V.R. The complexity of the DRC conflict: Analyzing the whole of M23 and neighboring countries in the current Congo instability. *Working Papers Collection*. 2023. Vol. 5. P. 2.
16. Pherudi M. Reflections on SAMIM withdrawal from Cabo Delgado: Reasons and implications. *Global Change, Peace & Security*. 2023. Vol. 35. № 2. Pp. 147–159.
17. Omotola J.S. SADC and peacebuilding in the Southern African region. In: *Supranational Institutions and Peacebuilding in Africa*. Routledge, 2024. Pp. 171–186.
18. Mutanda D. The art of mediation in resolving African conflicts: lessons for Zimbabwe and Africa. *Journal of Aggression, Conflict and Peace Research*. 2013. Vol. 5. № 3. Pp. 130–146.
19. Ramontja N., Akinola A.O. SADC Peacekeeping Missions and the Quest for Regional Security: From Congo to Mozambique. In: *Development and Regional Stability in Africa: Unlocking Potential*. Cham: Springer Nature Switzerland, 2024. Pp. 131–151.
20. Bokeriya S. The UN-AU Partnership in Peacekeeping: Tendencies and Problems. *International Organisations Research Journal*. 2022. Vol. 17. № 2. Pp. 189–207. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-02-08
21. Majinge C.R. The future of peacekeeping in Africa and the normative role of the African Union. *Goettingen J. Int'l L*. 2010. Vol. 2. P. 463.
22. Vhangani T.J., Molapo R.R. The role of the SADC in a peacekeeping mission: a case study of South Africa in the Lesotho conflict. *Commonwealth Youth and Development*. 2017. Vol. 15. № 2. P. 14.
23. Moshoeshe M.L., Dzinesa G.A. More Democracy, More Security? Regionalism and Political [in] Security in East and Southern Africa. *Global Society*. 2024. Pp. 1–26.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS / ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Singuwa Chimuka (Zambia), PhD (History), Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, Moscow, Russia.

Сингува Чимука (Замбия), кандидат исторических наук, факультет гуманитарных и социальных наук, РУДН, Москва, Россия.

Svetlana A. Bokeriya (Russia), PhD (Law), Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, Moscow, Russia.

Светлана Александровна Бокерия (Россия), кандидат юридических наук, доцент, кафедра теории и истории международных отношений, Факультет гуманитарных и социальных наук, РУДН, Москва, Россия.

Поступила в редакцию
(Received) 10.09.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 12.02.2025

Принята к публикации
(Accepted) 17.03.2025

DOI: 10.31857/S0321507525050055

Конфликт в Тиграе два года спустя: политические последствия для Эфиопии

© Мезенцев С.В.^{a,b}, Копытцев И.С.^{a,c}, 2025

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b svsl23@mail.ru

^c ORCID: 0000-0002-5284-8682; www.kopitsev53.ru@gmail.com

Резюме. Авторы обращаются к конфликту в Тиграе – масштабному вооруженному противостоянию на севере Эфиопии в 2020–2022 гг., которое привело к значительным переменам внутри эфиопского общества и в первую очередь в расстановке сил среди политических элит. Проведенный нами анализ включает три ключевых аспекта: 1) контекст, предшествовавший прямому столкновению; 2) ход событий и 3) политические последствия конфликта. В результате формулируется целый ряд выводов, создающих целостное представление о природе и динамике конфликта в Тиграе.

В целом в действиях федерального центра прослеживается расчет относительно постконфликтной политической реальности: правительство Абия Ахмеда отказалось от полного уничтожения недавних противников, используя переговорный процесс в Претории как механизм для создания новой коалиции. Иными словами, конфликт в Тиграе не стал переломным событием в политической жизни Эфиопии, а лишь привел к поражению одной оппозиционной этнической силы и дал начало открытому противостоянию Центра с недавними союзниками – амхарскими националистами – что, по сути, отражает курс Абия Ахмеда на централизацию государства и борьбу с альтернативными центрами силы.

Ключевые слова: конфликт в Тиграе, Эфиопия, соглашение в Претории, Фано, НФОТ

Для цитирования: Мезенцев С.В., Копытцев И.С. Конфликт в Тиграе два года спустя: политические последствия для Эфиопии. *Азия и Африка сегодня*. 2025. № 5. С. 45–53. DOI: 10.31857/S0321507525050055

Two Years after the Tigray Conflict: Political Consequences for Ethiopia

© Stanislav V. Mezentsev^{a,b}, Ivan S. Kopyttsev^{a,c}, 2025

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b svsl23@mail.ru

^c ORCID: 0000-0002-5284-8682; www.kopitsev53.ru@gmail.com

Abstract. The article focuses on the Tigray conflict – a major armed conflict that took place in 2018–2020 in the northern regions of Ethiopia. This war led to considerable changes within the Ethiopian society and, primarily, within the balance of power among political elites. Thus, the authors provide for an analysis which includes three main aspects: 1) the general context which had forestalled the events; 2) the dynamics of the conflict; 3) the political consequences of the conflict. As a result, the article provides for a range of conclusions which creates an integral understanding of the nature and dynamics of the conflict.

Generally, the federal government also considered the after-war political realities: it didn't use the opportunity to completely destroy its enemies and used the Pretoria agreements as the tool to create a new coalition. Thus, the Tigray conflict failed to become a crucial milestone in the political life of Ethiopia. Actually, this conflict only led to the defeat of a political elite fraction and invoked another conflict of the Centre with its former allies – Amhara nationalists. Such a development logically illustrates Abiy Ahmed's policy towards state centralization and his struggle against alternative centers of power.

Keywords: the Tigray conflict, Ethiopia, the Pretoria agreements, Fano, TPLF

For citation: Mezentsev S.V., Kopyttsev I.S. Two Years after the Tigray Conflict: Political Consequences for Ethiopia. *Asia and Africa today*. 2025. № 5. Pp. 45–53. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507525050055

ВВЕДЕНИЕ

Стремление постичь феномен этничности и его влияние на политические процессы в развивающихся обществах является неотъемлемой частью научных исследований, посвященных постколониальному развитию государств Глобального Юга. Значительный вклад в рамках данного направления политологии принадлежит фундаментальным трудам американских исследователей Д.Горовица [1] и К.Калхуна [2], а также, в рамках отечественной африканистики, более прикладным работам А.Л.Емельянова [3] и Г.М.Сидоровой [4], построенным вокруг изучения этнического измерения вооруженных конфликтов в Африке [5].

Именно в логике межэтнического взаимодействия следует рассматривать конфликт в Тиграе (2020–2022) – одно из наиболее смертоносных вооруженных противостояний за последние десятилетия, унесшее жизни более 600 тыс. человек [6]. События этой войны, ее политические и экономические последствия уже оказали прямое влияние на внутреннее состояние эфиопского общества, равно как и на существовавший баланс сил, спровоцировав формирование новых альянсов и закрепление видоизмененных ролей за различными игроками.

Вместе с тем в рамках отечественной африканистики до сих пор не был дан развернутый анализ этих событий, который бы включал осмысление нового баланса сил на политической авансцене Эфиопии с точки зрения интересов и возможностей этнических элит и менее артикулированных претензий целых этносов.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЭФИОПИИ: НАКАНУНЕ

Понимание текущей конфигурации сил на политическом ландшафте Эфиопии невозможно в отрыве от внутриэлитных пертурбаций, произошедших в результате «Революции оромо» [7] и ознаменовавших начало нового этапа в современной истории страны. Не меньшего внимания заслуживает и политика правительства Абия Ахмеда, включая изменения в положении ключевых этносов – амхарцев, тиграйцев и оромо – ставшие прелюдией к последовавшим конфликтам.

Прежде всего следует избавиться от возможной терминологической путаницы, конкретизировав временные рамки: политический процесс, известный как «Революция оромо», охватывает серию антиправительственных выступлений в штатах Амхара и Оромия, произошедших в период 2016–2018 гг. Однако подробное изучение протестной динамики тех лет не представляется релевантным, а значит, речь пойдет о кульминации «Революции оромо» – смене политического руководства и последовавшей политике вытеснения Народного фронта освобождения Тиграя (НФОТ, *Tigray People's Liberation Front*).

Приступая к анализу событий 2018–2020 гг., необходимо кратко описать политическую и административно-территориальную систему, сложившуюся в Эфиопии после падения режима Держ¹ в начале 1990-х гг.

Итак, с 1991 г. политическая власть в Эфиопии находилась в руках Революционно-демократического фронта эфиопских народов (РДФЭН, *Ethiopian People's Revolutionary Democratic Front*) – коалиции этнических партий, одержавших победу в гражданской войне. Несмотря на то, что РДФЭН включал в свой состав сразу несколько партий, формально сосуществовавших на равных началах, центральным звеном всего конструкта выступал НФОТ, опиравшийся на безраздельную поддержку этнических тиграйцев.

Первоначально, главенствующее положение НФОТ в РДФЭН объяснялось как фактором ресурсного превосходства над остальными группировками, так и особой ролью тиграйских сил в многолетней войне против Держа [8; 9].

В результате уже в первые годы правления РДФЭН в Эфиопии сложилась, по сути, однопартийная НФОТ-центричная система. Так, электоральные практики препятствовали деятельности оппозиционных сил, а правящая коалиция, репрезентативная на бумаге, отличалась невысоким уровнем плюрализма и не являлась центром принятия ключевых решений [10; 11]. В то же время, не обладая действитель-

¹ Временный военно-административный совет (ВВАС), также известный как Держ («Совет» – амхарский язык), – высший орган государственной власти в Эфиопии в период 1974–1978 гг. (прим. авт.).

ной полнотой власти, члены коалиции и партии-союзники выполняли ряд политически значимых функций.

В первую очередь РДФЭН обеспечивал легитимность тиграйских элит в глазах остальных этносов за счет привлечения в ряды правящего альянса представителей лояльных НФОТ нетиграйских элит.

Во-вторых, распределение ресурсов и части властных полномочий между входившими в коалицию элитами позволяло «тиграйскому клану» укрепить свои позиции, гарантировав поддержку со стороны иных акторов.

В-третьих, существование широкой коалиции сдерживало влияние амхарских элит: лояльность «малых» этнических групп, объединенных антиимперскими и антиамхарскими сентиментами вокруг НФОТ [12], обеспечивала успешную политическую маргинализацию оппозиционных НФОТ сил в амхарской среде [10; 13]².

Помимо привлечения нетиграйских элит в состав правящей партии, устойчивое положение НФОТ в качестве гегемона обеспечивалось за счет реформирования модели государственного устройства. Конституция 1995 г.³ не только закрепила изменения на административной карте страны, но и установила новые принципы проведения внутренних границ. Концепция этнического федерализма исходила из базового права любого этноса на создание собственной административно-территориальной единицы и, более того, допускала сецессию регионов.

С одной стороны, подобный подход закладывал предпосылки для перманентной фрагментации субъектов с неминуемыми конфликтами на низовом уровне, с другой – этнический федерализм выступал в качестве эффективного средства для «выпускания пара» и сохранения авторитета федерального центра в глазах «малых» этносов [14]. Проще говоря, автономия создавала условия для включения ранее маргинализированных этнических групп в политический процесс.

Наконец, третьим компонентом многолетнего могущества НФОТ оставался контроль над экономическими ресурсами и силовым аппаратом. Первое достигалось за счет учреждения «Фонда восстановления Тиграя» (*Endowment Fund for the Rehabilitation of Tigray*), аккумулировавшего колоссальные активы и управлявшегося лицами, близкими к премьер-министру Эфиопии и лидеру НФОТ Мелесу Зенауи [15]. Одновременно присутствие этнических тиграйцев в специальных службах и армии достигло беспрецедентных показателей: в 2014 г., доля тиграйцев в высшем командном составе Национальных сил обороны Эфиопии (НСОЭ, *Ethiopian National Defense Force*) превышала 75%⁴.

Таким образом, к 2018 г. – моменту кульминации «Революции оромо» – политическая система Эфиопии представляла собой конструктор, созданный и поддерживаемый в интересах этнической элиты, представлявшей далеко не самый многочисленный этнос. Подобный статус-кво сохранялся как благодаря ряду институтов и институциональных практик, так и за счет прямого контроля НФОТ над важнейшими силовыми и экономическими ресурсами. Однако, широкое привлечение союзников из иных этнических групп и смерть Мелеса Зенауи (2012) ослабили внутренний консенсус в правящей коалиции [7], а масштабные выступления в штатах Оромия и Амхара подтолкнули соответствующие элитные фракции к попытке оспорить политический статус «тиграйского клана».

АБИЙ АХМЕД И ПОЛИТИКА ВЫТЕСНЕНИЯ НФОТ

Весной 2018 г. в условиях неспособности правительства справиться с протестами, охватившими центральные регионы страны, премьер-министр Эфиопии Хайлемариам Десалень был вынужден уйти в отставку⁵. Первоначально подобное развитие событий не воспринималось как предвестник падения НФОТ-центричной системы. Выборы нового главы правительства проходили в рамках внутрипартийного голосования в Революционно-демократическом фронте эфиопских народов, и лидеры тиграйской

² Census-2007 Report. *The Central Statistical Agency of Ethiopia*. 2007. <http://www.csa.gov.et/census-report/complete-report/census-2007?limitstart=0> (accessed 08.08.2024)

³ Constitution of the FDRE. *Embassy of Ethiopia, Brussels*. <https://www.ethiopianembassy.be/wp-content/uploads/Constitution-of-the-FDRE.pdf> (accessed 20.07.2024)

⁴ TPLF's Minority Ethnic Monopoly of the Armed forces in Ethiopia. *EthioReference*. 2014. https://www.ethioreference.com/amharic/Revised_Ethnic_Diversity_in_The_Ethiopian_Armed_Forces.pdf (accessed 21.07.2024)

⁵ Ethiopian prime minister resigns after mass protests. *The Guardian*. 2018. <https://www.theguardian.com/world/2018/feb/15/ethiopia-prime-minister-hailemariam-desalegn-resigns-after-mass-protests> (accessed 21.07.2024)

элиты рассчитывали на успех своей креатуры. Однако возникновение ситуативного альянса фракций оромо и амхарцев в РДФЭН привели к избранию на пост премьер-министра Абия Ахмеда – человека, кандидатура которого не была согласована с НФОТ и, более того, столкнулась с оппозицией в лице Дебрециона Гебремикаэля – фактического лидера «тиграйского клана» [16].

Таким образом, впервые в истории Эфиопии во главе государства оказался представитель ранее политически маргинальной этнической группы оромо [17], к тому же занявший кресло премьер-министра вопреки НФОТ. Дальнейший конфликт с еще недавно всесильным Фронтом, по сути, был неизбежен. Так, слом системы, направленной на обеспечение доминирующего положения НФОТ, являлся насущной необходимостью для любой политической силы, желавшей установить контроль над федеральным центром. Преобладание тиграйцев в НСОЭ и службах безопасности, а также сохранение в их руках ключевых экономических активов представляли прямую угрозу для нового правительства. В результате чистка государственного аппарата и вооруженных сил⁶ от выходцев из штата Тиграй стала приоритетным направлением во внутренней политике Абия Ахмеда вплоть до 2020 г.

Добившись «отступления» НФОТ в Тиграй [18], когда, лишившись ведущих позиций в федеральных органах власти, представители «тиграйского клана» предпочли покинуть Аддис-Абебу и напрямую заняться проблемами собственного региона, правительство в 2019 г. приступило к экономической блокаде штата [19].

Здесь следует отметить, что отказ НФОТ от прямой конфронтации на первом этапе не означал признания поражения: в руках тиграйской элиты находились значительные военные ресурсы, включая силы безопасности штата и лояльные подразделения из состава войск Северного командования. К тому же активные шаги по проведению этнической мобилизации тиграйцев позволяли НФОТ рассчитывать на поддержку населения региона [20]. Одновременно правительство Абия Ахмеда предприняло энергичные усилия как для поиска внешних союзников, включая заключение альянса с Эритреей⁷, так и для консолидации различных акторов внутри Эфиопии, в том числе объединенных антитиграйской политикой (амхара, афар, южные народы).

В подобных условиях противостояние НФОТ и сформированной Абием Ахмедом коалиции становилось неотвратимым: первые стремились сохранить свое влияние как минимум в границах Тиграя, в то время как вторые намеривались окончательно подорвать потенциал своих оппонентов и удовлетворить политические и/или территориальные амбиции.

КОНФЛИКТ В ТИГРАЕ: ХОД СОБЫТИЙ

Вооруженное противостояние федерального центра и Народного фронта освобождения Тиграя началось 3–4 ноября 2020 г., когда в результате превентивного удара Сил обороны Тиграя (СОТ, *Tigray Defense Forces*) атаке подвергся ряд подразделений Северного командования Национальных сил обороны Эфиопии [21]. В то же время часть подразделений НСОЭ, состоявших из этнических тиграйцев, приняла сторону НФОТ. В течение ноября федеральные силы, включая НСОЭ, Силы безопасности штата Амхара и амхарские добровольческие формирования при активной поддержке вооруженных сил Эритреи провели «операцию по восстановлению верховенства права» [22], позволившую в короткие сроки (менее месяца) занять Мекеле – столицу Тиграя – и вынудить СОТ ретироваться в сельскую местность.

Вместе с тем стоит иметь в виду, что, несмотря на быстрое отступление тиграйских формирований из всех ключевых городов штата, говорить о реальном поражении СОТ, как показали дальнейшие события, было бы ошибочным. К тому же на протяжении многих лет борьбы против режима Дерг в 1970-х и 1980-х гг. НФОТ использовал партизанскую тактику ведения войны, предполагавшую нанесение ударов по коммуникациям противника [8; 23]. Дело в том, что труднодоступность сельских районов Тиграя и поддержка местного населения создают благоприятные условия для применения подобной тактики, минимизируя потери и сковывая силы неприятеля.

⁶ Ethiopia retires 13 army generals. *Tesfa News*. 2018. <https://tesfanews.com/ethiopia-retires-army-generals/> (accessed 24.07.2024)

⁷ Understanding Ethiopia-Eritrea Relations since 2018. *Rift Valley Institute*. 2024. <https://riftvalley.net/wp-content/uploads/2024/06/Understanding-Ethiopia-and-Eritrea-update-1.pdf> (accessed 23.07.2024)

К концу ноября антитиграйская коалиция установила контроль над административными центрами штата, что позволило говорить о завершении первого этапа конфликта и начале второго, «промежуточного» периода, продолжавшегося с декабря по июнь, когда СОТ ограничивались локальными вылазками, накапливая силы для контрнаступления. Именно в этот период в регионе появились все признаки грядущей гуманитарной катастрофы, которая в скором времени стала одним из важнейших факторов в действиях сторон конфликта⁸.

Третий этап связан с событиями июня – июля 2021 г., когда СОТ провели стремительную операцию «Алюла Абанега», а затем развили успех на территории сопредельных штатов Амхара и Афар в ходе операции «Мать Тиграя». Хотя упорное сопротивление амхарских формирований и мобилизационные мероприятия, предпринятые правительством, позволили снизить темпы тиграйского продвижения на юг, остановить СОТ к концу лета не удалось. Более того, в августе была создана достаточно широкая коалиция оппозиционных группировок, объединившихся вокруг НФОТ и Армии освобождения Оромо (АОО, *Oromo Liberation Army*) – главных антагонистов правящей Партии процветания (*Prosperity Party*) [24].

Следующая фаза конфликта началась в октябре, когда НСОЭ перешли в наступление на центральном направлении – под г. Дессе, а уже к 1 ноября СОТ не только отбросили правительственные войска, но и нанесли контрудар, объявив о начале наступления на Аддис-Абебу [25]. В начале декабря наступление СОТ захлебнулось: удары БПЛА ВВС Эфиопии по растянувшимся линиям коммуникаций вынудили противника начать отступление [26], и в течение нескольких дней тиграйские формирования практически полностью очистили территорию штатов Амхара и Афар.

Предпоследний, пятый, этап конфликта в Тиграе пришелся на декабрь 2021 – август 2022 г., когда СОТ оказались запертыми в границах центрального и восточного Тиграя, неся небоевые потери на фоне общей гуманитарной катастрофы в штате, включая масштабную вспышку голода – один из основных летальных факторов в ходе конфликта – и острую нехватку топлива [27]. Усилия международных посредников не привели к качественному прорыву в отношениях сторон, несмотря на ряд отдельных успехов, таких как гуманитарное перемирие в марте 2022 г. [28].

Наконец, в августе 2022 г. противостояние перешло в заключительную фазу. На фоне очевидного разлада между националистическими амхарскими элитами и правящей Партией процветания НФОТ предпринял последнюю попытку перевернуть ход войны. Интенсивные столкновения начались 24 августа и, по-видимому [29], сопровождались локальными успехами тиграйских формирований. Однако уже к середине сентября СОТ были вынуждены вернуться к обороне [30]. В конце октября, спустя месяц кровопролитных боев и потери ряда ключевых городов, руководство НФОТ было вынуждено фактически капитулировать перед федеральным центром: мирное соглашение между правительством Эфиопии и НФОТ было подписано 2 ноября 2022 г. в Претории [31; 32].

СОГЛАШЕНИЕ В ПРЕТОРИИ: КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ

Среди условий соглашения в Претории следует выделить как минимум пять положений, позволяющих не только отразить основные аспекты компромисса, но и оказавших прямое влияние на дальнейшие изменения в расстановке политических сил [32].

Прежде всего, стороны обязались прекратить огонь, а также отказаться от ряда действий, включая пропаганду и использование прокси-формирований. Во-вторых, в Тиграе восстанавливались политическая власть и военное присутствие федерального центра. В-третьих, была достигнута договоренность о поэтапном разоружении Сил обороны Тиграя согласно намеченному графику. В-четвертых, отмечалось, что НСОЭ являются единственными вооруженными силами Эфиопии, что указывало на неправомерность существования сил безопасности различных штатов, а также этнических ополчений, таких как амхарское Фано (*Fano*). Наконец, в-пятых, на НСОЭ возлагалась ответственность за защиту границ штата Тиграй, а любое присутствие иностранных подразделений на территории Эфиопии рассматривалось как недопустимое.

⁸ Humanitarian Catastrophe Unfolding Before Our Eyes, Secretary-General Tells Security Council, Warning Ethiopia's Youth Will Be Ultimate Casualties. *The United Nations*. 2021. <https://press.un.org/en/2021/sgsm20866.doc.htm> (accessed 10.07.2024)

НОВЫЙ БАЛАНС СИЛ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СОГЛАШЕНИЙ В ПРЕТОРИИ

Федеральный центр и НФОТ: новые роли. Итак, двухлетний конфликт в Тиграе и последовавшие соглашения в Претории позволили премьер-министру Эфиопии Абию Ахмеду и лояльным элитам внутри правящей Партии процветания достичь исходной цели. Так, «тиграйский клан» лишился ресурсов и инструментов, ранее позволявших рассчитывать на политический реванш: 1) Силы обороны Тиграя понесли потери и сдали тяжелое вооружение и технику; 2) экономический потенциал штата был существенно подорван⁹ [6]; 3) НФОТ понес колоссальные репутационные издержки в глазах представителей большинства эфиопских этносов; 4) западные районы штата Тиграй оказались оккупированы амхарскими формированиями, а ряд территорий на севере – эритрейцами.

При этом, устранив военную угрозу со стороны СОТ и убедившись, что быстро восстановить силы у тиграйских элит не выйдет, Абий Ахмед получил уникальную возможность пересмотреть прежний формат отношений Аддис-Абебы и Мекеле: урегулировав конфликт с правительством, НФОТ продолжал испытывать угрозу со стороны амхарских националистов, контролировавших западные районы Тиграя, и Эритреи. Дело в том, что оба этих актора были исключены из переговорного процесса, а значит, не собирались соблюдать условия сделки. Таким образом, единственной реальной защитой НФОТ и населения штата стали Национальные силы обороны Эфиопии: из недавнего врага федеральный центр превратился в гаранта безопасности и сохранения власти «тиграйского клана» в регионе, по сути, приобретая союзника на случай открытого конфликта с Эритреей или Фано. Еще одним аргументом в пользу усиления политической зависимости НФОТ от Партии процветания стала проблема принадлежности Западного Тиграя, претензии на который выдвинули амхарские элиты. В этих условиях именно от правительства Абия Ахмеда зависит решение данного спора, ведь механизм и дальнейшая процедура урегулирования противоречий будут определяться и осуществляться федеральными чиновниками¹⁰.

«Амхарская проблема» – трансформация повестки дня. Следует подчеркнуть, что предпосылки для конфронтации не имеющего этнического ядра правительства Абия Ахмеда и националистического крыла амхарских элит возникли еще до начала конфликта в Тиграе. Дело в том, что некогда занимавшие положение титульного народа в империи [10], амхарцы испытывали серьезную политическую дискриминацию в период почти 30-летнего правления НФОТ, когда в состав штата Тиграй были включены территории со значительной долей амхарского населения¹¹, а входившее в РДФЭН Национально-демократическое движение амхара (*Amhara National Democratic Movement*) оказалось марионеткой в руках тиграйского истеблишмента.

В результате реваншистские настроения, несомненно, сложившиеся в среде амхарских элит и нашедшие отклик в массах [33], стали ключевым фактором поддержки кандидатуры Абия Ахмеда на выборах в 2018 г. со стороны амхарских функционеров. В этой же логике следует рассматривать и активное участие амхарских сил в боевых действиях 2020–2022 гг.: амхарцы сражались не столько за интересы федерального центра, сколько «мстили» за былые обиды и преследовали собственные интересы – установление контроля над Западным Тиграем¹².

Однако по мере приближения конфликта в Тиграе к завершению предстоящие изменения в балансе сил ощущались все более остро: внося большой вклад в разгром СОТ, амхарцы рассчитывали на справедливое распределение «трофеев». К тому же за два года численность амхарских формирований значительно возросла.

Таким образом, отношения федерального центра и «нелояльных» амхарских элит все более напоминали «игру с нулевой суммой»: уверенность последних в собственных силах, а также в легитимности своих политических амбиций вели к фактически неотвратимому конфликту.

⁹ The Ethiopian civil war that destroyed Tigray's economy. *Ethiopia Insight*. 2022. <https://www.ethiopia-insight.com/2022/04/16/the-ethiopian-civil-war-that-destroyed-tigrays-economy/> (accessed 07.07.2024)

¹⁰ Tigray's border conflicts explained. *Passport Party*. 2020. <https://passportparty.ch/2020/11/11/tigrays-border-conflicts-explained/> (accessed 07.07.2024)

¹¹ Tigray-Amhara Violence Threatens Fragile Peace. *Africa Defense Forum*. 2024. <https://adf-magazine.com/2024/05/tigray-amhara-violence-threatens-fragile-peace/> (accessed 07.07.2024)

¹² Welkait – Abiy's War on Amharas. *Borkena*. 2023. <https://borkena.com/2023/09/21/welkait-abiys-war-on-amharas/> (accessed 07.07.2024)

Еще весной 2022 г., в период относительного спокойствия на фронте, правительственные силы начали приготовления к борьбе с наиболее «неблагонадежными» амхарскими силами: был арестован генерал Тефера Мамо, командовавший силами безопасности штата Амхара¹³, и ряд представителей движения Фано¹⁴. Говоря о «неблагонадежности» необходимо иметь в виду, что амхарские элиты отличаются фрагментированностью: часть крупных политиков входит или входила в число ближайших союзников Абия Ахмеда по Партии процветания, другие – к примеру, бывший министр иностранных дел Геду Андаргечу, а также известный оппозиционер Эскандер Нега – составляют более или менее радикальное крыло противников действующего правительства.

Как только поражение НФОТ стало уже состоявшимся фактом, команда Абия Ахмеда предприняла ряд жестких шагов, ознаменовавших окончательный разрыв союзнических отношений Аддис-Абебы и амхарских националистов. Так, парламент Эфиопии запретил существование любых вооруженных формирований, не входящих в структуру правоохранительных органов или НСОЭ, тем самым объявив Фано вне закона. Далее политическому давлению подверглись националистически настроенные политики из числа этнических амхарцев в парламенте и иных правительственных институтах.

Спустя год – осенью 2023 г. – спорадические столкновения НСОЭ и Фано¹⁵ перешли в интенсивную фазу: правительство Абия Ахмеда ввело режим чрезвычайного положения в штате Амхара и направило значительные силы для уничтожения Фано¹⁶. В некотором смысле последовавшие события перекликались с первыми месяцами конфликта в Тиграе: вслед за скоротечными активными боестолкновениями в административных центрах штата Амхара бойцы Фано ретировались в труднодоступные сельские районы, таким образом обеспечив себя пространством для маневра¹⁷.

Однако конфликты в Тиграе и в штате Амхара имеют ряд принципиальных различий. Во-первых, изолированное географическое положение, а также ограниченные демографические и продовольственные ресурсы Тиграя позволяли правительственным войскам эффективно использовать тактику измора, в то время как в штате Амхара подобный подход невозможен. Во-вторых, если в случае Тиграя следовало говорить о всецелой поддержке повстанцев со стороны жителей штата, то сам театр боевых действий между НСОЭ и Фано, а также политическая фрагментация в среде амхарцев предполагают более «нейтральный» характер среды. Наконец, в ходе конфликта с НФОТ федеральный центр опирался на широкую коалицию; напротив, в штате Амхара правительство Эфиопии вынуждено рассчитывать уже исключительно на собственные силы всего год спустя после кровопролитной войны на севере.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, непосредственные предпосылки конфликта в Тиграе сформировались в течение 2018–2020 гг., после того как под давлением «снизу» Народный фронт освобождения Тиграя утратил ведущее положение в правящей партии, а коалиция этнических элит, объединившихся вокруг фигуры Абия Ахмеда, предприняла решительные шаги против тиграйской элиты. Готовясь к столкновению, стороны прибегли к проверенному инструменту консолидации сторонников – этнической мобилизации.

Последовавшая активная фаза конфликта отличалась нелинейностью, что обуславливалось неспособностью одной из сторон обеспечить полное превосходство на поле боя. В конечном итоге конфликт приобрел характер «игры с нулевой суммой», где поражение рассматривалось как экзистенциальная катастрофа. В связи с этим мирное соглашение было достигнуто лишь в условиях повсеместного прорыва линии обороны СОТ.

При этом договоренности сторон продемонстрировали дальновидность лидеров Партии процветания. В обмен на жизнь, свободу и сохранение политического влияния руководителей НФОТ команда

¹³ Wife says Ethiopian general arrested after criticising government. *News24*. 2022. <https://www.news24.com/news24/africa/news/wife-says-ethiopian-general-arrested-after-criticising-government-20220520> (accessed 07.07.2024)

¹⁴ Tefera Mamo, abducted Ethiopian General, released. *Borkena*. 2022. <https://borkena.com/2022/06/12/tefera-mamo-abducted-ethiopian-general-released/> (accessed 07.07.2024)

¹⁵ Understanding the Fano Insurgency in Ethiopia's Amhara Region. *Rift Valley Institute*. 2024. https://riftvalley.net/wp-content/uploads/2024/02/Understanding-the-Fano-Insurgency_final.pdf (accessed 07.07.2024)

¹⁶ Ethiopia declares a state of emergency in Amhara amid increasing violence. *The Guardian*. 2023. <https://www.theguardian.com/global-development/2023/aug/04/ethiopia-declares-a-state-of-emergency-in-amhara-amid-increasing-violence> (accessed 07.07.2024)

¹⁷ Fano Attacks Threaten Return to War in Ethiopia. *Africa Defense Forum*. 2023. <https://adf-magazine.com/2023/10/fano-attacks-threaten-return-to-war-in-ethiopia/> (accessed 07.07.2024)

Абия Ахмеда заручилась нейтралитетом последних в преддверии столкновения с Фано и роста напряженности в отношениях с Асмэрой.

Вместе с тем в новых политических реалиях НФОТ утратил былую монолитность. Различия во взглядах на дальнейший вектор развития Фронта привели к расколу в его рядах. Таким образом, наметились условия для нового, внутритиграйского, конфликта на фоне и без того тревожного обострения противоречий между Эфиопией и Эритреей.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Horowitz D.L. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley and Los Angeles, London: University of California Press, 1985. ISBN 978-0520058804
2. Calhoun C. 1998. *Nationalism*. University of Minnesota Press. ISBN 9780816631216
3. Емельянов А.Л. Постколониальная история Африки южнее Сахары: учеб. пособие. М.: МГИМО-Университет, 2012. ISBN 978-5-9228-0880-4
Emelyanov A.L. 2012. *Postcolonial History of Sub-Saharan Africa*. Moscow. (In Russ.). ISBN 978-5-9228-0880-4
4. Сидорова Г.М. Вооруженные конфликты в Африке: на примере Демократической Республики Конго. М.: Восточная литература, 2013. ISBN 978-5-02-036535-3
Sidorova G.M. 2013. *Armed conflicts in Africa: the case of the DRC*. Moscow. (In Russ.). ISBN 978-5-02-036535-3
5. Косухин Н.Д. Африка: политизация этничности. *Вестник РУДН*. 2006. № 1 (6). С. 100–108.
Kosukhin N.D. Africa: Politicized of Ethnicity. *Vestnik RUDN*. 2006. № 1 (6). Pp. 100–108. (In Russ.)
6. Plaut M. New estimate of the Tigray death toll. Martin Plaut. 2022. <https://martinplaut.com/2022/10/19/new-estimate-of-the-tigray-death-toll/> (accessed 20.10.2024)
7. Лошкарёв И.Д., Копытцев И.С. «Революция оромо» и проблемы межэтнического баланса в Эфиопии на современном этапе (1991–2020 гг.). *Вестник БГУ*. 2020. № 3. С. 89–98. DOI: <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2020-04-03-89-98>
Loshkariov I.D., Kopytsev I.S. Revolution of the Oromo and the Problem of Inter-ethnic Balance in Ethiopia at the Current Stage (1991–2020). *Vestnik BGU*. 2020. № 3. Pp. 89–98. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2020-04-03-89-98>
8. Young J. *Peasants and Revolution in Ethiopia: Tigray 1975–1989*. Burnaby: Simon Fraser University, 1994.
9. Burke J. Rise and fall of Ethiopia's TPLF – from rebels to rulers and back. *The Guardian*. 2020. <https://theguardian.com/world/2020/nov/25/rise-and-fall-of-ethiopias-tplf-tigray-peoples-liberation-front> (accessed 25.10.2024)
10. Исмагилова Р.Н. Эфиопия: особенности федерализма. М.: Институт Африки РАН, 2018. ISBN 978-5-91298-196-8
Ismagilova R.N. 2018. *Ethiopia: the Peculiarities of Federalism*. Moscow. (In Russ.). ISBN 978-5-91298-196-8
11. Arriola L.R., Lyons T. 2016. Ethiopia: The 100% Election. *Journal of Democracy*. Vol. 27. № 1. Pp. 76–88. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2016.0011>
12. Kelecha M. Teflon TPLF. *Ethiopia Insight*. 2019. <https://www.ethiopia-insight.com/2019/12/12/teflon-tplf/> (accessed 05.11.2024)
13. Pausewang S. 2005. The Two-Faced Amhara Identity. *Scrinium*. Vol. 1. № 1. Pp. 273–286.
14. Mengistu M.M. 2015. Ethnic Federalism: A Means for Managing or a Triggering Factor for Ethnic Conflicts in Ethiopia. *International Journal of Political Science and Development*. Vol. 3. № 9. Pp. 386–399. DOI: <https://doi.org/10.11648/j.ss.20150404.15>
15. Hailu B. Analysis: Inside the controversial EFFORT. *Addis Standard*. 2017. <https://addisstandard.com/analysis-inside-controversial-effort/> (accessed 25.10.2024)
16. Manek N. The fractious rise of Abiy Ahmed. *The Hindu*. 2018. <https://www.thehindu.com/news/international/the-fractious-rise-of-abiy-ahmed/article23467651.ece> (accessed 05.11.2024)
17. Лошкарёв И.Д. Развитие идентичности этноса оромо и политические процессы в Эфиопии (XVII–XX вв.). *Вестник БГУ*. 2018. № 1. С. 105–110.
18. Loshkariov I.D. 2018. The Development of the Ethnic Identity of the Oromo People and the Political Processes in Ethiopia in XVII–XX Centuries. *Vestnik BGU*. № 1. Pp. 105–110. (In Russ.)
19. Gebreselassie E. In Ethiopia, a heated political tug-of-war sparks security fears. *Aljazeera*. 19.10.2020. <https://aljazeera.com/news/2020/10/19/political-crisis-threatens-ethiopias-fragile-peace> (accessed 27.10.2024)
20. Getachew S. Blocking roads and prohibiting grains from coming to Tigray is a grave crime. *The Reporter*. 2019. <https://www.thereporterethiopia.com/8159/> (accessed 28.10.2024)
21. Alemayehy G.M. Seyoum Mesfin offers People of Tigray a separate peace, the rest of Ethiopians a separate war. *Tesfa News*. 2018. <https://tesfanews.com/rejoinder-seyoum-mesfin-call-arms-people-tigray/> (accessed 05.11.2024)

21. Burke J. Fighting reported in Ethiopia after PM responds to ‘attack’ by regional ruling party. *The Guardian*. 2020. <https://www.theguardian.com/world/2020/nov/04/ethiopia-on-brink-as-pm-orders-military-response-to-attack> (accessed 19.09.2024)
22. Лощкарёв И.Д. Эфиопия и Тиграй: неизбежный конфликт. *PCMД*. 2020. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/efiopiya-i-tigray-neizbezhnyy-konflikt/> (accessed 05.11.2024)
23. Loshkariov I.D. Ethiopia and Tigray: the Imminent Conflict. *RIAC*. 2020. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/efiopiya-i-tigray-neizbezhnyy-konflikt/> (In Russ). (accessed 05.11.2024)
23. Berhe A. A Political History of the Tigray People’s Liberation Front (1975–1991): Revolt, Ideology and Mobilization in Ethiopia. Amsterdam: Vrije Universiteit, 2009.
24. Cara A. Ethiopia armed group says it has alliance with Tigray forces. *Associated Press*. 2021. <https://apnews.com/article/africa-only-on-ap-ethiopia-b280e6622d66b7e7f9b12cd1d0041ae8> (accessed 19.09.2024)
25. Walsh D., Marks S. Ethiopia Declares State of Emergency as Rebels Advance Toward Capital. *The New York Times*. 2021. <https://www.nytimes.com/2021/11/02/world/africa/ethiopia-state-of-emergency.html> (accessed 05.11.2024)
26. Tiwari S. Chinese Wing Loong 2, Turkish Bayraktar TB2 Drones Proving To Be A ‘Game-Changer’ In Ethiopian Civil War. *The Eurasian Times*. 2021. <https://www.eurasiantimes.com/chinese-wing-loong-2-turkish-bayraktar-tb2-drones-proving-to-be-a-game-changer-in-ethiopian-civil-war/> (accessed 05.10.2024)
27. Plaut M. Tigray remains without aid despite humanitarian truce. *Martin Plaut*. 2022. <https://martinplaut.com/2022/03/30/tigray-remains-without-aid-despite-humanitarian-truce/> (accessed 19.10.2024)
28. Plaut M. A fragile ceasefire offers hope in Ethiopia. *Martin Plaut*. 2022. <https://martinplaut.com/2022/03/31/a-fragile-ceasefire-offers-hope-in-ethiopia/> (accessed 19.10.2024)
29. Plaut M. Has the Ethiopian army been routed as the Tigrayan military drives southwards? *Martin Plaut*. 2022. <https://martinplaut.com/2022/08/29/has-the-ethiopian-army-been-routed-as-the-tigrayan-military-drives-southwards/> (accessed 19.10.2024)
30. Plaut M. General Tsadkan Gebretensae’s assessment of the Tigray war. *Martin Plaut*. 2022. <https://martinplaut.com/2022/10/06/general-tsadkan-gebretensaes-assessment-of-the-tigray-war/> (accessed 19.10.2024)
31. Plaut M. Ahead of media briefing on Tigray war talks, Commonwealth’s role in finding a resolution. *Martin Plaut*. 2022. <https://martinplaut.com/2022/11/02/ahead-of-media-briefing-on-tigray-war-talks-commonwealths-role-in-finding-a-resolution/> (accessed 19.10.2024)
32. Plaut M. Text of today’s peace agreement between the Ethiopian government and Tigray administration signed in South Africa. *Martin Plaut*. 2022. <https://martinplaut.com/2022/11/02/text-of-todays-peace-agreement-between-the-ethiopian-government-and-tigray-administration-signed-in-south-africa/> (accessed 20.10.2024)
33. Baye T. Fano-ism Resilience and Resistance: The Amhara Struggle for Equality and Peace in Ethiopia. *Borkena*. 2024. <https://borkena.com/2024/06/17/ethiopia-fano-ism-resilience-and-resistance-the-amhara-struggle-for-equality-and-peace/> (accessed 05.11.2024)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мезенцев Станислав Васильевич, кандидат военных наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Северной Африки и Африканского Рога, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Stanislav V. Mezentsev, PhD (Military Science), Senior Researcher, Center for North Africa and African Horn Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Копытцев Иван Сергеевич, младший научный сотрудник Центра изучения стран Северной Африки и Африканского Рога, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Ivan S. Kopyttsev, Junior Researcher, Center for North Africa and African Horn Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 25.11.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 11.03.2025

Принята к публикации
(Accepted) 14.04.2025

Кот-д'Ивуар. Президентские выборы 2025 г. в контексте современной геополитической ситуации

© Садовская Л.М.^а, 2025

^а Институт Африки РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-3765-9736; lubowsadowskaya@yandex.ru

Резюме. В статье анализируется современная политическая ситуация в Кот-д'Ивуаре перед президентскими выборами, назначенными на 25 октября 2025 г. Рассматривается влияние политической конкуренции между двумя западными державами – США и Францией – на ивуарийскую внешнюю политику. В ее основе лежит сохранение Кот-д'Ивуара в качестве главного форпоста, тыловой базы на территории Сахельской зоны с целью блокирования роста влияния России в этом регионе. Анализ позволяет оценить ожидания населения этой страны и проблемы политического обновления. Исследуется роль политической оппозиции, ее слабые и сильные стороны. Выборы обещают острую конкурентную борьбу и могут изменить баланс сил в стране, поскольку в основных партиях, от власти до оппозиции, формируется новое поколение молодых политиков. Особое внимание уделяется иностранному влиянию на избирательный процесс 2025 г. Ставится вопрос о его реальной независимости в условиях, когда главные лидеры страны вовлечены в геостратегическую борьбу между великими мировыми державами с учетом прихода к власти в США нового президента Д.Трампа. Показана роль неправительственных организаций (НПО) в решении проблем осведомленности населения о предстоящих выборах и о демократической культуре их проведения. Методология статьи основана на диалектическом подходе, принципах ситуационного анализа и объективности.

Ключевые слова: Кот-д'Ивуар, президентские выборы, геополитика, США, Франция, оппозиция, НПО

Для цитирования: Садовская Л.М. Кот-д'Ивуар. Президентские выборы 2025 г. в контексте современной геополитической ситуации. *Азия и Африка сегодня*. 2025. № 5. С. 54–61. DOI: 10.31857/S0321507525050061

Côte d'Ivoire. Presidential Elections 2025 in the Context of the Current Geopolitical Situation

© Lybov M. Sadovskaya^а, 2025

^а Institute for African Studies,

Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-3765-9736; lubowsadowskaya@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the current political situation in Côte d'Ivoire ahead of the 2025 presidential elections. It examines the influence of political competition between two Western powers, the United States and France, on Ivorian foreign policy. It is based on the preservation of Côte d'Ivoire as the main outpost, a rear base in the Sahel zone in order to block the growth of Russia's influence in this region. The analysis allows us to assess the expectations of the population of this country and the problems of political renewal. The role of the political opposition, its strengths and weaknesses are examined. The elections promise a fierce competitive struggle and can change the balance of power in the country, since a new generation of young politicians is being formed in the main parties, from the government to the opposition. Particular attention is paid to foreign influence on the 2025 electoral process. The question of its real independence is raised in conditions when the country's main leaders are involved in a geostrategic struggle between the great world powers, taking into account the coming to power of the new President D.Trump in the United States. The role of non-governmental organizations (NGOs) in solving the problems of public awareness about the upcoming elections and the democratic culture of their conduct is shown. The methodology of the article is based on the dialectical approach, situation analysis and the principle of objectivity.

Keywords: Côte d'Ivoire, presidential elections, geopolitics, USA, France, opposition, NGOs

For citation: Sadovskaya L.M. Côte d'Ivoire. Presidential Elections 2025 in the Context of the Current Geopolitical Situation. *Asia and Africa today*. 2025. № 5. Pp. 54–61. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507525050061

ВВЕДЕНИЕ

Президентские выборы в Кот-д'Ивуаре, стране, являющейся второй быстрорастущей экономикой в Западной Африке (после Нигерии) и третьей во франкофонной (после Алжира и Марокко), привлекают большое внимание западных держав, которые заинтересованы в сохранении действующего режима Алассана Уаттары. В то же время эти выборы вызывают беспокойство, поскольку в случае отказа президента от четвертого мандата нет никакой гарантии, что его преемник предпочтет партнерство с Западом преимуществам, которые ему даст сближение с Россией. Главный оппонент А.Уаттары, бывший президент Лоран Гбагбо (2000–2011), в интервью агентству *France Presse* от 17 октября 2024 г. заявил, что если он вернется к власти, «отношения между Кот-д'Ивуаром и военными режимами Альянса государств Сахеля (АГС) будут улучшены»¹. При этом нельзя не обратить внимания на мнение аналитиков Исследовательской службы конгресса США, согласно которому «данные соцопросов говорят о высоком уровне одобрения России среди жителей Кот-д'Ивуара»².

ВОВЛЕЧЕННОСТЬ ФРАНЦИИ В ИВУАРИЙСКУЮ ПОЛИТИКУ

После военных переворотов в Мали, Буркина-Фасо и Нигере Кот-д'Ивуар остается одним из главных форпостов Запада на территории Сахельской зоны, «охваченной русской и антифранцузской лихорадкой»³.

Не случайно бывший американский госсекретарь Э.Блинкен во время своего турне по четырем африканским странам (Кабо-Верде, Кот-д'Ивуар, Нигерия и Ангола) в январе 2024 г. имел встречу с ивуарийским президентом А.Уаттарой. Цель этого визита заключалась в информировании ивуарийских властей о том, что Вашингтон рассматривает Кот-д'Ивуар в качестве «площадки» для создания новой базы дронов в Западной Африке⁴. Известно, что правительства двух государств (США и Кот-д'Ивуара) уже ведут об этом переговоры⁵. Данный проект был инициирован после переворота, произошедшего в Нигере в июле 2023 г. Он был нацелен на передислокацию французских войск в Гвинейском заливе.

Новые власти этой страны не только отказались размещать на своей территории французский военный контингент, выведенный из Мали, но и в конце 2023 г. настояли на том, чтобы находившиеся на ее территории французские солдаты покинули их страну [1]. Ранее они вынуждены были уйти из Центральноафриканской Республики и Буркина-Фасо, в конце 2024 – начале 2025 г. – из Чада.

Кризис политических систем стран Сахеля и Центральной Африки, антифранцузский характер переворотов, поддержанных населением этих государств, подтолкнули французское руководство к необходимости спешно разработать новую стратегию военного присутствия в Африке [2, р. 4]. Речь в первую очередь шла о французских военных базах, которые населением АГС (Буркина-Фасо, Мали и Нигер) воспринимались как атрибут присутствия бывшей колониальной державы на их территории и вызывали растущую критику со стороны гражданского общества, требующего увеличения суверенитета и связей с новыми международными партнерами [2, р. 4].

К тому же, принимая во внимание провалы операции «Бархан» в Сахеле [3], специальный посланник президента Франции по Африке Жан-Мари Бокель на встрече с А.Уаттарой в конце 2024 г. сообщил ему о перестройке французской военной стратегии на континенте, заключающейся в сокращении военного присутствия и преобразовании существующих военных баз в «центры сотрудничества», направленного на удовлетворение конкретных запросов в военной сфере принимающей стороны: обуче-

¹ Côte d'Ivoire: Gbagbo veut améliorer la relation avec les junte sahéliennes. <https://www.mediapart.fr/journal/fil-dactualites/171024/cote-d-ivoire-gbagbo-veut-ameliorer-la-relation-avec-les-junte-saheliennes> (accessed 17.10.2024)

² США напомнили о сотрудничестве с Кот-д'Ивуаром из-за деятельности России в Африке. 30 августа 2023 г. <https://dzen.ru/a/ZO7CV8bJOkHr-MVh?ysclid=m8obhwoc8i92772704> (accessed 03.03.2025)

³ Jessioa Moody. Analyse. Et la Côte d'Ivoire devint le nouveau chouchou de l'Occident. <https://courrierinternational.com/d-ivoire-devint-le-chouchou-d-l-occident> (accessed 03.10.2024)

⁴ Прежняя военная база беспилотников находилась в Агадесе (Нигер) и была известна как «База-201», на которой размещались ударные беспилотники «MQ-9 Reaper» (прим. авт.).

⁵ Jessioa Moody. Analyse...

ние, разведка и стратегическое партнерство⁶. По мнению спецпредставителя, это должно отвечать «интересам и потребностям обеих сторон с учетом уважения их суверенитета»⁷. Примером одной из таких форм сотрудничества было открытие Международного образовательного антитеррористического центра недалеко от Абиджана еще в 2018 г.

Политическая трансформация (военные перевороты, распад «Франсафрик», завершение операции «Бархан»), деградация сложившегося в послевоенное время мироустройства обусловили «начало конца доминирования Франции» [1, с. 183].

Принимая во внимание ряд как внешних, так и внутренних факторов, главным из которых является сохранение стабильности в период избирательной кампании в стране, президент А. Уаттара в своем обращении к нации 31 декабря 2024 г. заявил о полном выводе в течение 2025 г. французских войск с территории Кот-д'Ивуара. Он считает это событие «поворотным моментом» в отношениях между ивуарийским государством и Францией⁸. Таким образом, возможно, предстоит еще один вывод французских военных с территории Западной Африки после Сенегала и Чада, которые последовали примеру Мали, Буркина-Фасо и Нигера.

И все же нельзя игнорировать мнение нигерского исследователя Сейдика Абба, возглавляющего аналитический центр *CIRES*, специализирующийся на изучении региона Сахель. Он считает, что «Африка не перевернула страницу своего военного сотрудничества с Францией, она просто должна будет принять его новую, более современную форму, отличающуюся от прошлой, основанной на вертикальных отношениях между бывшей колониальной державой и ее колониями»⁹.

При этом следует учитывать, что Кот-д'Ивуар по-прежнему остается вторым импортером Франции в субсахарской Африке после ЮАР¹⁰, а бывшая метрополия является первым инвестором в экономику этой страны. В 2022 г. размер накопленных прямых инвестиций из Франции составил 2,7 млрд евро¹¹. Более 90% из них вкладывались в финансы, углеводороды, электроэнергетику, воду, агроиндустрию, транспорт, гостиничное дело и т.д. Кот-д'Ивуар стал первой страной в регионе Гвинейского залива, где с 2022 г. действует агентство технического сотрудничества *EXPERTISE France*. Оно участвует примерно в 20 национальных и региональных проектах в основном в таких областях, как образование, обучение, экономическое и финансовое управление, устойчивое развитие, безопасность и изменение климата.

УКРЕПЛЕНИЕ ВОЕННЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ КОТ-Д'ИВУАРОМ И США

Пока французы занимались сокращением своего воинского контингента на континенте, американцы, покинувшие Нигер, получили по договоренности с ивуарийскими властями место для дислокации своих военных в Кот-д'Ивуаре. США планируют создать базу в Одиенне, на северо-востоке страны, недалеко от границ с Мали и Гвинеей¹². Это удобное место для размещения и эксплуатации их разведывательно-ударных дронов с 30-часовой автономностью полета на расстояние более 2500 км. Таким образом, Соединенные Штаты смогут контролировать не только часть стратегически важного Гвинейского залива от Нуакшота (Мавритания) до Мали, но и почти весь регион Сахеля, что открывает возможности для наблюдения за российскими военными, находящимися на территории Конфедерации государств Сахеля¹³.

⁶ Le Point Afrique. Présence militaire française en Afrique: le rapport de Jean – Marie Bockel préconise une réduction drastique des effectifs. <https://lepoint.fr/afrique/presence-militaire-francaise-en-afrique-le-rapport-de-jean-marie-bockel-preconise-une-reduction-drastrisque-des-effectifs-26-...> (accessed 21.01.2025)

⁷ Ibidem.

⁸ La France sommée de quitter l'Afrique: fin des bases militaires en Côte d'Ivoire et au Sénégal en 2025. <https://rtenfrance.tv/france/115812-france-somme-quitter-afrique-fin-des-bases-militaires-cote-d-ivoire-senegal> (accessed 14.01.2025)

⁹ Retrait des bases militaires françaises d'Afrique: Paris est-il encore maître de son destin? <https://information.tv5monde.com/afrique-retrait-des-bases-militaires-francaise-dafrique-paris-est-il-encoremaître-de-son-destin> (accessed 14.01.2025)

¹⁰ Côte d'Ivoire/ Relations bilatérales. <https://www.tresor.economie.gouv.fr/Pays/CI/rerelations-bilaterales> (accessed 24.09.2024)

¹¹ Ibidem.

¹² Côte d'Ivoire: la France se retire. Les Américains arrivent... <https://mondafrique-com/international/cote-divoire-la-france-se-retire-les-americains-arrivent> (accessed 10.09.2024)

¹³ В июле 2024 г. Альянс государств Сахеля, учрежденный в сентябре 2023 г., был преобразован в Конфедерацию государств Сахеля (прим. авт.).

Военные связи между Ямусукро, Вашингтоном и Парижем не новы. В 2022–2023 гг. Кот-д'Ивуар поддержал программу «Флинтлок» – многосторонние учения сил специального назначения, ежегодно организуемые руководством Африканского командования США (АФРИКОМ). В контексте геополитической динамики в регионе США и Франция планируют в будущем создать совместные военные базы в Габоне и Кот-д'Ивуаре.

В условиях растущего влияния России в регионе Сахеля для США на данном этапе очень важна стабильность в этой стране, гарантом которой в настоящее время является режим А.Уаттары. По мнению председателя экспертного совета Центра инновационной дипломатии БРИКС и ШОС Е.Емельяненко, «в Вашингтоне считают, что высшее руководство Кот-д'Ивуара разделяет американские ценности демократической подотчетности, социального мира и т.п., и что они являются золотым стандартом, которого придерживается ивуарийское руководство»¹⁴. Не стоит забывать, что сам ивуарийский президент окончил в свое время Пенсильванский университет в Филадельфии (США), работал в МВФ, в котором возглавлял департамент Африки.

Будучи прекрасным тактиком, А.Уаттара, дав свое согласие на создание американской военной базы на территории Кот-д'Ивуара, заручается поддержкой Вашингтона на четвертый срок своего пребывания у власти. К тому же уход из страны французских военных будет поддержан многими ивуарийцами. Однако не исключено, что тема нового иностранного (американского) присутствия вызовет споры в стране. Тем не менее американские инвестиции со стороны АФРИКОМ в Кот-д'Ивуар в размере более \$65 млн в 2024 г. на борьбу с терроризмом и обеспечение безопасности, о которых командующий АФРИКОМ генерал М.Лэнгли объявил во время встречи с начальником Штаба ивуарийских вооруженных сил Ласиной Думбия в апреле 2024 г.¹⁵, могли бы оказать существенную поддержку А.Уаттаре в период президентской кампании 2025 г. Для США же размещение военных баз в прибрежных странах якобы сдерживает рост влияния России, Китая и других конкурентов в регионе Гвинейского залива [4].

РАССТАНОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ. РАСКОЛ ЭЛИТ

Решение действующего президента А.Уаттары относительно его согласия на выдвижение своей кандидатуры на выборах 2025 г. долгое время остается, как и перед прошлыми президентскими выборами (2020), неизвестным. Сам президент не подтверждает и не отрицает своего участия в них [5].

Значительная часть оппозиции и некоторые представители гражданского общества критически относятся к возможному решению ивуарийского лидера сохранить за собой высший пост в стране. Они считают, что пришло время обновления, а столь длительное (с 2011 г.) правление одного и того же лидера может препятствовать появлению новых идей и перспектив. По их мнению, с годами способность А.Уаттары, которому 83 года, понимать потребности современного общества и реагировать на них ухудшается. Сторонники действующего президента, наоборот, утверждают, что его обширный опыт может быть преимуществом, а установление возрастного ограничения лишает нацию опытного лидера¹⁶. Различия во мнениях между сторонниками, восхваляющими послужной список действующего президента, и его противниками, призывающими к переменам, отражают сложность политических, экономических и социальных проблем в стране.

Необходимо подчеркнуть, что партия власти – Объединение уфуэтистов за демократию и мир (*Rassemblement des Houphouëtistes pour la démocratie et la paix – RHDP*)¹⁷ – с самого начала предвыборной кампании позиционирует себя в качестве фаворита на президентских выборах 2025 г. Эту уверен-

¹⁴ Емельяненко Е. Эксперт: Размещение военной базы США в Кот-д'Ивуаре противоречит интересам Франции. <https://afrinz.ru/2024/05/ekspert-razmeshhenie-voennoi-bazy-ssha-v-cot-divuare-protivorechit-interesam-franczii/> (accessed 21.10.2024)

¹⁵ Après avoir rompu avec le Niger, Washington redéploie son dispositif militaire en Côte d'Ivoire. <https://www.aa.com.tr/fr-afrique/apres-avoir-rompu-avec-le-niger-washington-redeploie-son-dispositif-militaire-en-cote-d-ivoire/3274071> (accessed 10.09.2024)

¹⁶ Djidja E. Présidentielle 2025 en Côte d'Ivoire: pour ou contre une candidature de Ouattara? Chacun y va son argument. https://afrique.le360.ma/afrique-de-louest/cote-divoire/presidentielle-2025-en-cote-divoire-pour-ou-contre-une-candidature-de-ouattara-chacun-y-va-de-son_XN75... (accessed 04.10.2024)

¹⁷ С 5 сентября 2024 г. А.Уаттара взял на себя руководство партией *RHDP*. В октябре 2023 г., за два года до выборов, он призвал перестановку в своем правительстве, назначил Робера Бегре Мамбе премьер-министром, отстранив (без объяснения причин) Патрика Ачи (прим. авт.).

ность придает убедительная победа, которую она одержала на муниципальных и региональных выборах в сентябре 2023 г., что, безусловно, отражает общественное мнение в стране и ставит под сомнение завоевание власти оппозицией.

Более того, политическая система Кот-д'Ивуара, как и других стран Западной Африки, содержит в себе элементы неопатримониализма. Это прежде всего тесная взаимосвязь между традиционными этно-конфессиональными, клановыми отношениями и теми, которые свойственны современным западным государствам: конституционно-правовыми, парламентско-партийными и др. Именно они помогают А.Уаттаре мобилизовывать клиентельную базу для укрепления власти. А созданный в стране конституционно-правовой фасад отнюдь не означает строго соблюдения соответствующих демократических правил «политической игры» [6, p. 61].

Среди тех, кто поддерживает А.Уаттару, общество *V Baoulé*¹⁸ во главе с Луи Хабонуананой, которое вместе с правящей партией объединилось в движение 2025 – *EWAN – ADO*. После смерти А.К.Бедье в 2023 г.¹⁹ его представители рассматривают действующего президента как «единственного живого хранителя политической философии, основанной на ценностях братства, солидарности и гуманизма»²⁰. Движение сотрудничает с общинами бауле, проживающими в других регионах страны и за рубежом. За кандидатуру А.Уаттары также выступает большая часть традиционных вождей региона Хамболь²¹.

Поддержку в проведении мирных выборов 2025 г. (предыдущие в 2020 г. ознаменовались бойкотом оппозиции и столкновениями, повлекшими человеческие жертвы) также оказывает неправительственная организация (НПО) «Толерантность в мире» при содействии Министерства сплоченности, солидарности и борьбы с бедностью. Руководитель его аппарата Жоэль Ив Куасси инициировал мероприятия по повышению осведомленности ивуарийского населения о «демократической культуре мирных выборов». Они должны пройти в рамках «каравана осведомленности» (подобие странствующей миссионерской экспедиции) с января по октябрь 2025 г. Президент НПО «Толерантность в мире» Коффи Н'Горан Куасси заявил, что его организация разработала передовую технологическую платформу под названием *Vigil-E*. Она позволит собирать, обрабатывать и распространять предвыборную информацию в режиме реального времени. Для этого НПО планирует создать сеть по обучению наблюдателей и систему мониторинга СМИ и насилия на выборах²². Его инициативу поддержали многие религиозные деятели страны. Коффи Н'Горан Куасси представил проект *Freedom voice 2025*, целью которого является обеспечение «свободных, инклюзивных и прозрачных выборов 2025 г. в Кот-д'Ивуаре», а также создание условий для эффективного и интерактивного наблюдения за ними²³.

Поддержку избирательному процессу также оказывает Консорциум, состоящий из 6 организаций гражданского общества, отвечающих за выборы в Кот-д'Ивуаре, *COSCEL-CI*²⁴. Начиная с января 2025 г. это объединение запустило долгосрочную программу наблюдения за избирательным процессом на всей территории страны в рамках подготовки к президентским выборам в октябре 2025 г. Ее цель – продвижение «инклюзивного и мирного избирательного процесса» на основе собранной информации. *COSCEL-CI* регулярно выпускает пресс-релизы для подведения итогов и предупреждения рисков потенциальных конфликтов.

¹⁸ Бауле – этническая группа *акан*, составляет 38,8% населения страны. А.Уаттара – *диула*, этническая группа *манде*, – 22% (прим. авт.).

¹⁹ А.К.Бедье – второй президент Кот-д'Ивуара (1993–1999), руководивший до самой кончины Демократической партией Кот-д'Ивуара (*RDCI*), основанной Ф.Уфуэ-Буаньи (прим. авт.).

²⁰ Côte d'Ivoire – AIP/Présidentielle 2025: des cadres du V Baoulé mobilisés pour la reélection d'Alassane Ouattara. <https://www.aip.ci/120297/cot-divoire-aip-presidentielle-2025-des-cadres-du-v-Baule-pour-la-relection-dalassane-ouattara/> (accessed 04.10.2024)

²¹ Election présidentielle 2025. 359 chefs traditionnels du hambol réclament la candidature d'Alassane Ouattara. <https://news.abidjan.net/articles/730566/election-presidentielle-2025-359-chefs-traditionnels-du-hambol-reclament-la-candidature-dalassane-ou...> (accessed 27.09.2024)

²² Patrick N'Gessan. Présidentielle d'octobre 2025: Des populations ivoiriennes sensibilisées à la culture démocratique. <https://fratmat.info/article/2582741/politique/presidentielle-doctobre-2025-des-populations-ivoiriennes-a-la-culture-democratique> (accessed 13.01.2025)

²³ Ibidem.

²⁴ Présidentielle 2025 en Côte d'Ivoire: Le consortium des ONG démarre en janvier un programme d'observation du processus électoral à long terme. <https://faapa.info/blog/presidentielle-2025-en-cote-divoire-le-consortium-des-ong-demarre-en-janvier-un-programme-dobservation-du-processus-electoral...> (accessed 21.01.2024)

В октябре 2024 г. 20 организаций гражданского общества Кот-д'Ивуара выдвинули предложение о номинировании А.Уаттары на Нобелевскую премию мира 2025 г., объявив его «первоначальным наследником Ф.Уфуэ-Буаьи», добившимся больших достижений в развитии страны²⁵.

Помощь в проведении избирательной кампании 2025 г. оказывает Европейский союз. Он поддерживает программу национального сплочения, включая кампанию «по повышению осведомленности о мирных выборах». По мнению менеджера программы ЕС по вопросам демократии и прав человека Эстеля Мэтра, эта кампания соответствует европейской программе «Пакетные выборы», которую ЕС «намерен финансировать в рамках избирательного цикла»²⁶.

ОППОЗИЦИЯ В ПЕРИОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Ивуарийские власти прилагают большие усилия, чтобы президентские выборы прошли в мирной политической обстановке, отличающейся от той, которая была в период избирательной кампании 2020 г. [5]. Этому, по их мнению, должен способствовать диалог с оппозицией, после которого власть имущими был сделан ряд уступок: изменение состава избирательной комиссии, компенсация жертвам политического насилия и др.

Тем не менее оппозиция не намерена уступать власть А.Уаттаре. Основные политические партии страны уже представили своих кандидатов на высший пост государства. Среди них – бывший президент Л.Гбагбо (2000–2011), помилованный в 2019 г. Международным уголовным судом (МУС) после его 9-летнего пребывания в Гаагской тюрьме. Он выдвинут от созданной им после возвращения на родину Африканской народной партии Кот-д'Ивуара (*Parti du Peuple Africain / Côte d'Ivoire – PPA-CI*). Однако нет уверенности в том, что его кандидатура будет включена в список для голосования по причине того, что президент А.Уаттара в 2021 г. его только помиловал, но не амнистировал²⁷. К тому же в настоящее время Л.Гбагбо (80 лет) уже не является тем вектором социального запроса, который объединял его многочисленных сторонников во время пребывания с 2011 по 2020 г. в Гаагской тюрьме и сразу после возвращения на родину.

Другая главная оппозиционная сила – Демократическая партия Кот-д'Ивуара (*Parti Démocratique de la Côte d'Ivoire – PDCI*) – провозгласила своим кандидатом на пост президента 62-летнего Тиджана Тиаму, возглавившего ее в 2023 г. после смерти А.К.Бедье. Он бывший управляющий банка *Credit Suisse*, проживавший в течение 20 лет за пределами страны. Конкурировать с ним собирается его однопартиец – 59-летний Жан-Луи Бийон, ранее занимавший пост министра торговли.

Одним из самых молодых кандидатов на этих выборах может стать Шарль Бле Гуде (52 года), помощник бывшего президента Л.Гбагбо, основатель движения «Молодые патриоты». В 2014 г. власти Кот-д'Ивуара передали его сотрудникам МУС на основании обвинения в преступлениях против человечности. В 2019 г. Ш.Б.Гуде, как и Л.Гбагбо, был помилован ивуарийским президентом, но не амнистирован, что может стать препятствием для его восстановления в избирательных списках. Оба кандидата не уверены в своем участии в этих выборах из-за судебных решений, которые могут лишить их такой возможности.

И все же Л.Гбагбо, несмотря на вынесенный ему в 2019 г. обвинительный приговор, имеет больше шансов, чем Ш.Б.Гуде, быть восстановленным в избирательных списках. *RHDP* уже рассматривает этот вопрос в качестве «стратегического варианта»²⁸. Для президентской партии это необходимо, чтобы «разделить голоса оппозиции и тем самым не дать новому лидеру *PDCI* Т.Тиаму, внучатому племяннику Ф.Уфуэ-Буаьи, объединить электорат, жаждущий перемен»²⁹. Он олицетворяет надежду на смену поколений и на более технократическое управление государством. В стране, где 30% населения

²⁵ Prix Nobel de la Paix de l'Unesco 2025: Des organisations de la société civile proposent Alassane Ouattara l'héritier naturel et original de Felix Houphouët Boigny. <https://www.lemeridien.ci/prix-nobel-de-la-paix-de-lunesco-2-25-des-organisations-de-la-societe-civile-proposent-alassane-ouattara-lheritier-naturel-et-original-de-felix...> (accessed 20.10.2024)

²⁶ L'Union Européenne s'associe au Gouvernement pour l'élection présidentielle apaisée en 2025. <https://solidarite.gouv.ci/actualite/actudetail/lunion-europeenne-s-associe-au-gouvernement-pour-u> (accessed 14.01.2025)

²⁷ Осенью 2019 г. Ивуарийский суд признал Л.Гбагбо виновным в присвоении средств Центрального банка и заочно приговорил его к 20 годам заключения (прим. авт.).

²⁸ Samuel Kadio. Présidentielle 2025: Alassane Ouattara et la tentation de reintégrer Laurant Gbagbo. <https://linfodrome.com/politique/104964-presidentielle-2025-alassane-ouattara-et-la-tentation-de-reintegrer-laurant-gbagbo> (accessed 22.02.2025)

²⁹ Ibidem.

моложе 30 лет, его кандидатура вызывает энтузиазм среди молодых людей, жаждущих перемен. «Это первый случай за долгое время, когда кандидат от оппозиции может по-настоящему обеспокоить правительство», – заявил один из представителей правящей партии³⁰.

Для действующей власти значительный политический риск представляет возможность Т.Тиамы противостоять А.Уаттаре на выборах в отсутствие его главного конкурента Л.Гбагбо.

К тому же вопрос реинтеграции бывшего президента в политическую систему Кот-д'Ивуара уже вышел за рамки ивуарийских границ. Л.Гбагбо обратился в МУС с просьбой оспорить вынесенный ему ивуарийскими судами обвинительный приговор, касающийся преступлений против человечности, несмотря на его оправдание МУС. В ответ Международный уголовный суд направил уведомление в ООН, которая призвала власти Кот-д'Ивуара восстановить Л.Гбагбо в избирательных списках.

А.Уаттара понимает, что исключение бывшего президента из участия в выборах может усилить чувство несправедливости среди его сторонников и привести к беспорядкам. Для ивуарийского лидера необходимость выполнения рекомендаций ООН обусловлена еще и тем, что включение Л.Гбагбо в список кандидатов на пост президента может помешать созданию альянса между *PPA-CI* и *PDCI* перед выборами, о котором речь шла еще в августе 2024 г.

Анализ расстановки политических сил в стране перед президентскими выборами показывает, что лагерь оппозиции, в отличие от сторонников правящей партии, не консолидирован. У него нет общей платформы. Нельзя сбрасывать со счетов и административный ресурс, которым располагает правящий класс.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Президентские выборы в Кот-д'Ивуаре имеют геостратегическое значение в контексте новых политических реалий. Нельзя не согласиться с мнением ивуарийского политического аналитика Ферро Балли, который считает, что Запад сохраняет определяющее влияние на политику Кот-д'Ивуара, что он «держит ключ к власти до такой степени, что все ивуарийские лидеры вынуждены искать его поддержку»³¹. В связи с этим возникает вопрос о реальной независимости предстоящего избирательного процесса и способности будущих лидеров проводить политику, действительно отвечающую потребностям страны и ее населения.

С приходом к власти в США Д.Трампа можно предполагать, что политика США в Африке подвергнется определенной корректировке, но в целом сохранится такой, как и в период первого срока его президентства. Будут сохраняться и укрепляться позиции США в области контроля над природными ресурсами континента, от которых зависит национальная безопасность и развитие современных высокотехнологичных отраслей. Деятельность второй администрации Д.Трампа в целом служит подтверждением тезиса о том, что «колониальное происхождение и идеологическая близость стали менее значимыми в определении внешней политики стран по сравнению с другими переменными, такими как торговля, инвестиции, помощь и т.д.» [7]. Что же касается отношений США с Кот-д'Ивуаром, то они, вероятно, останутся прежними, поскольку эта страна придерживается западного вектора развития, занимая важное стратегическое положение в регионе.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Филиппов В.Р. Системный кризис «Франсафрик». *Ученые записки Института Африки РАН*. 2024. № 2. С. 144–156. <https://doi.org/10/31132/2412-5717-2024-67-2-144-156>
Filippov V.R. Systemic crisis of “Françafrique”. *Journal of the Institute for African Studies*. 2024. № 2. Pp. 144–156. (In Russ.). <https://doi.org/10/31132/2412-5717-2024-67-2-144-156>
2. Granvoud R., Mauger D. Un pompier pyromane: L'ingérence française en Côte d'Ivoire d'Houphouët-Boigny à Ouattara. Marseille. 2018. 536 p.
3. Филиппов В.Р. Африканская политика президента Франции Э. Макрона: хроника действий и эволюция идей (2017–2022 гг.). М.: Институт Африки РАН, 2023. 214 с.

³⁰ Ibidem.

³¹ Mohamed Ouattara. Élection présidentielle ivoirienne 2025: L'ombre de l'influence étrangère. <https://yeclo.com/election-presidentielle-ivoirienne-2025-lombre-de-linfluence-etrangere> (accessed 20.09.2024)

- Filippov V.R. African Policy of the President of France E. Macron: Chronicle of Actions and Evolution of Ideas (2017–2022). Moscow, 2023. 214 p. (In Russ.)
4. Paul Koffi Koffi. Le Monde l'Afrique et la Côte d'Ivoire d'hier à l'horizon 2040. P. Harmattan, 2021. 500 p.
 5. Страны Тропической Африки: 60 лет политического и экономического развития. М.: Институт Африки РАН, 2021. 388 с.
Countries of Tropical Africa: 60 Years of Political and Economic Development. Moscow, 2021. 388 p. (In Russ.)
 6. Sadovskaya L.M. Problem of political Leadership and the Electoral. Process in Côte d'Ivoire. *Africana Studia*. Porto. № 31-1. semestre-2019. Pp. 55–63. ISSN: 0874-2375
 7. Околи А.Ч. Суверенитет Африки в контексте перехода к многополярному миропорядку (на примере дискурса вокруг Сахеля). *Ученые записки Института Африки РАН*. 2024. № 2. С. 118–133. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-118-133>
Okoli A.Ch. Sovereignty of Africa in the Context of the Transition to a Multipolar World Order (Based on the Discourse Around the Sahel). *Journal of the Institute for African Studies*. 2024. № 2. P. 118–133. (In Russ.). <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-118-133>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Садовская Любовь Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра социологических и политологических исследований Института Африки РАН, Москва, Россия.

Lubov M. Sadovskaya, PhD (History), Senior Researcher, Centre for Sociological and Political Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 03.03.2025

Доработана после рецензирования
(Revised) 21.03.2025

Принята к публикации
(Accepted) 11.04.2025

Кто определяет африканскую повестку США и Франции?

© Андреева Т.А.^{a,c}, Никольская М.В.^{b,d}, 2025

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b МГИМО МИД России, Москва, Россия

^c ORCID: 0009-0003-9195-3578; t.andreeva@inafr.ru

^d ORCID: 0000-0002-3160-112X; nikolskaya.m.v@my.mgimo.ru

Резюме. В условиях турбулентности устоявшегося миропорядка, которая находит свое отражение в том числе в Африке, в фокусе внимания оказываются внешнеполитические стратегии крупнейших игроков на континенте. Цель данного исследования – изучить подходы к формированию африканской повестки администрациями Дж.Байдена в США и Э.Макрона во Франции на основе выявления специфических функциональных и кадровых характеристик государственных структур и лоббистских групп, которые оказывают влияние на формирование и эффективность политики в отношении африканских государств. Важную роль в решении данной задачи играет просопографический анализ, т.е. изучение происхождения и профессионального опыта высокопоставленных чиновников в США и Франции, их воздействия на официальный внешнеполитический курс страны. Также в статье проводится анализ институтов, участвующих в принятии и реализации решений на африканском треке.

Ключевые слова: государственные акторы, институциональный анализ, США, Франция, Африка, принятие внешнеполитических решений

Для цитирования: Андреева Т.А., Никольская М.В. Кто определяет африканскую повестку США и Франции? *Азия и Африка сегодня*. 2025. № 5. С. 62–71. DOI: 10.31857/S0321507525050071

Who Sets the African Agenda in the US and France?

© Tamara A. Andreeva^{a,c}, Mayya V. Nikolskaya^{b,d}

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b MGIMO University, Moscow, Russia

^c ORCID: 0009-0003-9195-3578; t.andreeva@inafr.ru

^d ORCID: 0000-0002-3160-112X; nikolskaya.m.v@my.mgimo.ru

Abstract. As the once established world order enters a state of turbulence, a trend that is also evident in Africa, the foreign policies of the major global players on the continent are of particular interest. This study aims to examine the approaches taken by the administrations of Joe Biden in the United States and Emmanuel Macron in France in shaping the African agenda. It seeks to identify the specific functional and personal characteristics of the oversight structures and influence groups that contribute to the construction and effectiveness of policies toward African states. To achieve this goal, the authors resort to prosopographical analysis, which involves examining the personal and professional backgrounds of high-level officials who shape the African agenda in the United States and France, and the potential influence this may have on the official foreign policy agenda of the respective countries. Another method used is an institutional analysis of the structures involved in decision making and implementation on the Africa policy track.

Keywords: state actors, institutional analysis, United States, France, Africa, foreign policy making

For citation: Andreeva T.A., Nikolskaya M.V. Who Sets the African Agenda in the US and France? *Asia and Africa today*. 2025. № 5. Pp. 62–71. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507525050071

ВСТУПЛЕНИЕ

В контексте изменений на глобальной арене очевидные и стремительные метаморфозы претерпевает конфигурация сил на Африканском континенте. И сотрудничество, и соперничество внешних акторов обрывают новыми особенностями и смыслами. Сложившаяся ситуация кризиса авторитета некогда сильнейших игроков в Африке – Франции и США – требует как минимум корректировки их внешнепо-

литических стратегий, а иногда и кардинальной трансформации. Подобные вопросы, как правило, находятся в ведении уполномоченных на то государственных структур – администраций глав государств и правительств, внешнеполитических и силовых ведомств.

Однако африканская политика крупных международных игроков не является производной исключительно от решений в верхах, задействуя и других акторов. Расширенная институциональная картина способна дать комплексное представление о проводимой на континенте политике внешних игроков, в частности, выделить группы персоналий, чьи высказывания и политически значимые действия необходимо учитывать при анализе и прогнозировании африканских стратегий. Предполагая, что положение, занимаемое в организации, во многом предопределяет поведение, авторы настаивают и на пропосографическом анализе [1], подразумевающем изучение профессионального опыта ответственных лиц, в данном случае – в прикладной и теоретической африканистике, а также их связи с Африкой. Укомплектованность кадрами и их качество дает возможность определить уровень экспертных знаний о происходящем на континенте, а косвенно – и приоритетность этого направления во внешней политике. Временные рамки исследования ограничены периодом деятельности администраций Дж.Байдена (2021–2025) и Э.Макрона (2017–2022; 2022 – н.в.), с упором на второй президентский срок последнего.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ АКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ АФРИКАНСКУЮ ПОВЕСТКУ В США

Отступление Франции с традиционных позиций в Западной Африке на фоне полного вывода ее военных из Мали, Буркина-Фасо и Нигера и пересмотре условий военного сотрудничества с Сенегалом, Кот-д'Ивуаром и Чадом позволяет уверенно говорить о закате французского влияния в его привычной ипостаси [2]. Одновременно в этом регионе с определенным сопротивлением столкнулся и Вашингтон (например, в Нигере [3]). США, за последнее десятилетие сократившие свою вовлеченность в африканские дела, вновь стремятся нарастить свое присутствие. Это проявляется в попытках занять оставленную Парижем нишу, претендуя на роль как минимум нового гаранта безопасности, как максимум – основного внешнего партнера для западноафриканских стран. При этом обращает на себя внимание определенная реактивность действий, проявляющаяся в наращивании присутствия на континенте и сопряженная во многом с активизацией там КНР и России [4]. Стратегическая ошибка Франции заключалась в фактическом прекращении независимого внешнеполитического планирования в глобальных вопросах. Франция долгое время опиралась на авторитет США как сверхдержавы, но американское лидерство вошло в кризисную фазу [5], все большее значение стал приобретать голос «мирового большинства», роль которого только продолжит расти в среднесрочной перспективе [6].

В США главная роль в формулировании африканской повестки принадлежит, как и во Франции, администрации президента. Ключевая должность в 2021–2025 гг. – специальный помощник Байдена по Африке, которую до февраля 2024 г. занимал Дж.Девермонт¹, он же директор по делам Африки в Совете национальной безопасности, экс-глава Центра стратегических и международных исследований (*Centre for Strategic and International Studies, CSIS*). Он ратовал за перезапуск американской национальной стратегии с опорой на публичную дипломатию, пересмотр имиджевых параметров африканской политики. После его перехода в частную инвестиционную компанию *Kupanda Capital* его должность заняла Ф.Браун из Фонда Карнеги, по совместительству директор африканского направления в Белом доме.

После саммита США – Африка в декабре 2022 г. был учрежден пост специального представителя президента для координации мер по выполнению решений, принятых на саммите. Им стал Дж.Карсон – бывший заместитель госсекретаря по Африке, экс-посол США в Кении, Уганде и Зимбабве². Предполагалось, что он будет выступать связующим звеном между американской администрацией и африканскими правительствами, гражданским обществом, частным сектором и представителями диаспоры.

Все ключевые фигуры в Госдепе при администрации Дж.Байдена по африканскому треку – помощники заместителя госсекретаря по Африке Э.Холман, Р.Скотт и П.Лорд, спецпредставитель по Афри-

¹ Biden Africa director Judd Devermont leaves. *Semafor*. <https://www.semafor.com/article/01/25/2024/biden-africa-director-judd-devermont-leaves> (accessed 23.04.2024)

² Statement: Special Presidential Representative for U.S.-Africa Leaders Summit Implementation. The White House. <https://whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/12/15/statement-special-presidential-representative-for-u-s-africa-leaders-summit-implementation/> (accessed 11.01.2024)

канскому Рогу М.Хэммер – карьерные дипломаты с опытом работы на континенте. Никто из них не имеет африканских корней, в отличие от ближневосточного направления, где трудится большое количество выходцев из этого региона. Тем не менее в Вашингтоне все же прослеживается тенденция назначать послами в большинство африканских стран афроамериканцев.

Разворот США к Африке, который стал особенно явным на фоне обострения геополитической конкуренции на континенте начиная с весны 2022 г., ознаменовался активизацией этой повестки среди законодателей. В мае 2023 г. по инициативе члена палаты представителей от Демократической партии И.Омар, мусульманки сомалийского происхождения, была создана рабочая группа по политике США в Африке, куда вошли 20 членов обеих палат Конгресса. Ее предназначение – обсуждение вопросов, связанных с урегулированием кризисных ситуаций в Африке, «от конфликтов в Эфиопии и ДРК до серии государственных переворотов и нестабильности в Западной Африке и Сахеле»³, а также налаживание парламентских каналов связи для «сверки часов» по актуальным проблемам. В состав рабочей группы вошли в том числе главы неформальных страновых групп в Конгрессе по Эфиопии, Гане и Нигерии, которые служат своеобразным связующим звеном между официальными властями и африканскими диаспорами.

В более общем виде Конгресс:

- 1) организует слушания по ценностной повестке (демократия, права человека и др.) и вопросам, связанным с национальными интересами США в Африке;
- 2) принимает резолюции, выражающие позицию Вашингтона по политическим процессам в Африке, включая выборы, а также конфликтам и общим тенденциям;
- 3) выделяет международную помощь развитию на разные нужды;
- 4) вводит санкции и другие ограничения;
- 5) заслушивает тематические доклады и проводит консультации с представителями исполнительной власти [7].

С 1971 г. в составе Конгресса на постоянной основе действует высококонсолидированный антиреспубликанский черный кокус⁴, позиционирующий себя как защитника интересов не только афроамериканцев, но и всех маргинализированных групп населения в стране⁵. Его деятельность направлена преимущественно на решение внутривнутриполитических вопросов и не имеет прямого воздействия на африканскую повестку Вашингтона [8].

Характерной чертой механизма принятия решений по экологическим, торгово-экономическим, инвестиционным вопросам в США является разветвленная система государственных корпораций, организаций, ведомств с международной специализацией, которая по масштабу и сложности распределения функций и бюджетирования многократно превышает французскую. Любая крупная американо-африканская инициатива, как, например, *Power Africa* (2013–2025), которая была направлена на расширение доступа к электроэнергии в Африке, задействует все или часть этих организаций⁶. Многие из них, как видно из табл. 1, ориентированы на поддержку развития африканской экономики, другие занимаются работой по продвижению американских интересов на континенте.

В их руководстве не фигурируют представители африканских диаспор, а афроамериканцы вовсе практически отсутствуют. Редкие исключения – гвинеец М.Ба, заместитель исполнительного директора МСС, родившийся в Того [9]. В силу довольно слабого интереса США к Африке на протяжении последнего десятилетия американское руководство не считало необходимым проводить последовательную кадровую политику по рекрутированию лиц, имеющих фактические и аффективные связи со своей исторической родиной. В результате один из главных пробелов в работе с континентом – слабая обратная связь со стороны партнеров и/или реципиентов американской помощи.

³ Rep. Omar Launches U.S.-Africa Policy Working Group with 20 Members of Congress. Website of the Representative Ilhan Omar. <https://omar.house.gov/media/press-releases/rep-omar-launches-us-africa-policy-working-group-%0b20-members-congress> (accessed 16.03.2024)

⁴ Кокус (англ. *caucus*) – собрание конгрессменов и/или сенаторов, объединившихся на основе партийной принадлежности, общих взглядов или других принципов. Черный кокус – собрание афроамериканских конгрессменов (прим. авт.).

⁵ Congressional Black Caucus. U.S. National Archives. <https://www.archives.gov/research/african-americans/black-power/cbc#page-header> (accessed 16.03.2024)

⁶ Power Africa Interagency Partners. USAID. <https://www.usaid.gov/powerafrica/usgovernmentagencies> (accessed 16.03.2024)

Таблица 1. Государственные корпорации и ведомства в африканской политике США
Table 1. State corporations and agencies in the United States' Africa policy

Название	Функционал
<i>Export-Import Bank of the US (EXIM)</i> Экспортно-импортный банк США	Финансовая поддержка экспорта американских товаров и услуг на африканских рынках
<i>Millennium Challenge Corporation (MCC)</i> Корпорация «Вызов тысячелетия»	Помощь программам развития, особенно в сфере энергетики, «в обмен» на демократические реформы
<i>US Africa Command (AFRICOM)</i> Африканское командование Вооруженных сил США	Операции, учения и программы сотрудничества в сфере безопасности
<i>US African Development Foundation (USADF)</i> Фонд развития Африки	Гранты на развитие африканским предприятиям, особенно в сфере зеленой энергетики и сельского хозяйства
<i>US Department of Agriculture (USDA)</i> Министерство сельского хозяйства	Совместные проекты в области сельского хозяйства, гидроэнергетики, экологии
<i>US Department of Commerce (DOC)</i> Министерство торговли	Консультационно-правовая поддержка американского бизнеса
<i>US Department of Energy (DOE)</i> Министерство энергетики	Техническая поддержка американского бизнеса в сфере энергетики
<i>US Department of State (DOS)</i> Государственный департамент	Разработка американской политики по отношению к Африке, поддержание политико-дипломатического диалога
<i>US Department of Treasury (USDT)</i> Министерство финансов	Техническая поддержка банков и др. финансовых организаций, координация усилий со Всемирным банком, МВФ, АБР
<i>US International Development Finance Corporation (DFC)</i> Международная финансовая корпорация развития	Финансирование и поддержка малого и среднего бизнеса, страхование от рисков, кредитование африканского бизнеса
<i>US Trade and Development Agency (USTDA)</i> Агентство США по торговле и развитию	Технико-экономическое обоснование проектов в области инфраструктуры, промежуточное финансирование, организация выставочных мероприятий
<i>US Army Corps of Engineers (USACE)</i> Корпус инженеров армии США	Техническая помощь в планировании, проектировании, надзоре за строительством инфраструктуры

Составлено авторами на основании открытых данных.

При этом закрытие в феврале 2025 г. *USAID* (Агентство США по международному развитию) было с тревогой воспринято многими африканскими странами: они лишились значительной части финансирования, которое направлялось через это ведомство в первую очередь на программы по здравоохранению⁷.

Наконец, важная структурная часть африканского направления внешней политики США с октября 2008 г. связана с Командованием вооруженных сил США в Африке (*AFRICOM*). Оно относится к числу 11 боевых командований министерства обороны США, включая 7 с географической и 4 с функциональной специализацией. Подразделение отвечает за «все операции, учения и [форматы] сотрудничества в сфере безопасности... на Африканском континенте, его островных государствах и прилегающих водах»⁸.

Характерно, что из высшего руководства *AFRICOM*, от руководителя и начальника штабов до директоров подразделений (кадры, разведка, кибербезопасность, логистика, стратегическое планирование), с самого момента его основания практически никто не имеет существенного опыта работы в Африке. Их основной профиль – Ближний Восток, Афганистан, Балканы, что можно объяснить фокусом внимания Вашингтона на борьбе с терроризмом. Однако слабое знание местных реалий и склонность командования к продавливанию военного вмешательства в африканские конфликты, не говоря уже о

⁷ Например, Data modelling reveals the heavy toll of USAID cuts on Africa. ISS Africa. <https://issafrica.org/iss-today/data-modelling-reveals-the-heavy-toll-of-usaid-cuts-on-africa> (accessed 11.03.2025)

⁸ About the Command. United States Africa Command. <https://www.africom.mil/about-the-command> (accessed 01.12.2024)

сомнительной эффективности базирования в Европе, заставляет отдельных аналитиков задаться вопросом о том, не целесообразно ли вернуть *AFRICOM* под крыло европейского командования (*EUCOM*) [10].

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ АКТОРЫ ВО ФРАНЦИИ

Концептуальным наполнением и реализацией африканской политики Франции занимается администрация президента, МИД, Минобороны, Генеральный директорат по внешней безопасности (*DGSE*, разведслужба) и французское Агентство по международному развитию. Все первостепенные фигуры на этом направлении *ex officio* известны широкой общественности: их деятельность активно освещается в публичном пространстве.

Начиная с 1960 г. максимальное влияние на африканское направление внешней политики Парижа оказывает «африканская команда» Елисейского дворца (*cellule africaine de l'Élysée*), которую при Ш. де Голле возглавлял идеолог «Франсафрик» Ж.Фоккар [11]. При Н.Саркози этот формат был упразднен. Сегодня команда работает в рамках дипломатического звена президентской администрации и больше не является самостоятельным официальным подразделением [12]. В ее составе – советник по африканским вопросам, известный как *Monsieur Afrique*, советник по взаимодействию с диаспорами и еще один советник, в чей портфель входит работа с Африкой и Ближним Востоком⁹.

Традиция требует назначения на эти должности людей с опытом дипломатической и/или разведывательной деятельности в Африке, и администрация Э.Макрона тоже следует ей. По состоянию на апрель 2024 г. эти посты занимали Н.Шуа (работа с диаспорами) и А.-К.Лежандр (страны Магриба и Машрика). Главный и до недавнего времени бессменный советник по Африке Ф.Парис, однокурсник президента по Национальной школе администрации (*ENA*), был отправлен в отставку в июле 2023 г. на фоне обострившейся конфронтации с бывшими колониями.

Его сменщик Ж.Робер – бывший консул в Нью-Йорке, также выпускник *ENA* того же года. С 2016 по 2018 г. он возглавлял департамент Африки и Индо-Тихоокеанского региона МИД. В его досье есть и работа на континенте, в т.ч. в Кении, а также должность советника по африканским вопросам при Ж.-И. Ле Дриане в бытность последнего главой внешнеполитического ведомства [13]. Связи Ж.Робера с Восточной Африкой имеют самый непосредственный характер: он женат на Шинуне Каруме [14], внучке первого президента Занзибара А.Каруме [15].

Выиграв выборы в 2022 г., Э.Макрон инициировал кадровые перестановки на нескольких ключевых постах исполнительной власти, рассчитывая, что в новом составе его команда сможет дать ответы на такие вызовы, как отступление Франции в Сахеле, усиление антиколониальной повестки и стремление африканских стран к диверсификации внешнеполитических партнеров. Вторая крупная волна перестановок произошла в конце 2023 – начале 2024 г. после назначения премьер-министром Г.Атталя.

Если новый министр по делам франкофонии (ныне – государственный министр по развитию и международному партнерству) Х.Захарополу больше известна благодаря своей работе на европейском направлении, то в МИДе «смена караула» произошла с учетом опыта работы с Африкой. Сначала должность министра иностранных дел занимал Ж.-И. Ле Дриан, инициатор военного вмешательства в Мали и борьбы с туарегскими движениями, придерживавшийся жесткой антииммиграционной позиции. Его назначение во многом было сопряжено с надеждой на использование связей с представителями африканской элиты из числа политиков и военных [16], накопленных за время управления Министерством обороны.

В мае 2022 г. ему на смену пришла К.Колонна. Поскольку новый министр никогда прицельно не занималась Африкой, ставя в приоритет украинский кризис, она предпочла опираться на кадровых дипломатов, хорошо знакомых с особенностями взаимодействия с африканскими партнерами. Схожая схема характеризует и работу С.Сежурне – ее преемника с января 2024 г. в кабинете Г.Атталя.

Среди топовых фигур – глава департамента по делам ООН, международных организаций, прав человека и Франкофонии (*NUOI*) Б. Ле Фрапе дю Эллен, бывший посол Франции в Ливии, и советник министра по африканским вопросам Н.Фантон – экс-заместитель директора департамента Южной Африки и

⁹ Cabinet du président de la République et services de l'Élysée. L'Élysée. <https://www.elysee.fr/la-presidence/cabinet-du-president-de-la-republique-et-services-de-l-elysee> (accessed 16.03.2024)

Индо-Тихоокеанского региона, после работы в посольстве Франции в Буркина-Фасо курировавшая африканское досье в ООН. Стратегические параметры взаимодействия со странами Магриба легли на плечи Б.Перейры да Сильвы – ныне советника министра по взаимодействию с государствами Востока и Северной Африки, который ранее ведал вопросами трансатлантического сотрудничества и работой Франции в рамках иранского ядерного досье.

Потери Францией влияния в Сахеле подтолкнули к ряду важных кадровых перестановок в МИДе. Директором департамента Африки и Индо-Тихоокеанского региона стала экс-посол в Нигерии Э.Блатманн – шаг симптоматичный с точки зрения того, что все ее предшественники на этом посту работали преимущественно в бывших колониях¹⁰. Такое назначение может служить символом того, что Франция, смирившись с утратой Сахеля, концентрируется на экономическом сотрудничестве. Предыдущий директор К.Биго, как и его предшественник Р.Марешо, – не просто кадровый дипломат, в частности, возглавлявший посольство Франции в Сенегале, но и бывший директор стратегического планирования в *DGSE*. Его специализация – безопасность и борьба с терроризмом в Западной Африке: именно он создал подразделение по борьбе с «Боко Харам»¹¹ в районе озера Чад¹², работал специальным представителем в Сахеле, а с января 2020 г. после саммита в По¹³ до недавнего времени отвечал за координацию международного реагирования на угрозы в Сахаро-Сахельской зоне.

Зеркальный карьерный путь у Б.Эмье, предыдущего директора *DGSE*, а ранее посла в Алжире в 2012–2017 гг. с глубокими практическими знаниями арабо-мусульманского мира и Северной Африки. Его место теперь занимает Н.Лернер, который за пять лет совершил около 80 поездок, в т.ч. в Африку [17], однако, судя по открытым источникам, континент не относится к числу его приоритетных интересов.

При этом, помимо вышеуказанных лиц, занятых разработкой африканской стратегии, в МИД Франции действует 2 региональных отдела – Департамент Африки и Индо-Тихоокеанского региона и Департамент Северной Африки и Ближнего Востока, а также внешние операторы, специализирующиеся на конкретных направлениях сотрудничества (см. табл. 2).

В сфере обороны, в отличие от США, во Франции до последнего времени не было отдельного командования, которое бы концентрировалось исключительно на странах Африканского континента. В контексте существенного сокращения военного присутствия в Африке при Министерстве обороны создается Африканское командование¹⁴, а его руководителем с 1 августа 2024 г. был назначен бригадный генерал И.Паскаль. Ранее он занимал должность пресс-секретаря Генштаба вооруженных сил, а также отвечал за прогнозирование и информационную стратегию¹⁵.

Тем не менее не стоит преуменьшать роль Минобороны в формировании африканской повестки во Франции. Две ключевые персоналии играют особую роль на этом направлении¹⁶ – начальник личного штаба главы государства и начальник штаба вооруженных сил. Первый – один из ближайших помощников президента. Эта должность была создана еще Ш. де Голлем в 1959 г.¹⁷ и сейчас занимает 3-е место в протокольном списке Елисейского дворца (спустившись с традиционного 2-го места после генерального секретаря в 2017 г. [18]). Начальником личного штаба до мая 2023 г. был Ж.-П.Роллан (морской флот), а сменил его Ф.Мандон (военно-воздушные силы). «Правой рукой» в африканских вопросах является заместитель начальника штаба [19] В.Путц (до смены начальника) и ныне Ж. де Монико.

¹⁰ West Africa: France Strategizes to Regain Lost Grounds in Sahel. *allAfrica*. 28.12.2023. <https://allafrica.com/stories/202312290020.html> (accessed 26.03.2025)

¹¹ Организация запрещена в РФ.

¹² Christophe Bigot pressenti pour devenir le Monsieur Afrique Quai d'Orsay. *RFI*. 23.04.2020. <https://www.rfi.fr/fr/afrique/20200423-christophe-bigot-presents-monsieur-afrique-quai-dorsay> (accessed 16.03.2024)

¹³ Саммит в По – встреча глав «Сахельской пятерки» и президента Франции 13 января 2020 г., на которой совместная борьба с джихадизмом была обозначена в качестве приоритетной (*прим. авт.*).

¹⁴ Décret du 26 juin 2024 portant nomination d'officiers généraux. *Journal officiel de la République française*. 27.06.2024. https://www.legifrance.gouv.fr/download/pdf?id=LzgXNcR9M0XqIpTIX6GoSdK2RqxZJFg_IQNEZm2irI (accessed 30.06.2024)

¹⁵ Le général de brigade Pascal Ianni nommé à la tête d'un commandement militaire pour l'Afrique. *Le Parisien*. 27.06.2024. <https://www.leparisien.fr/international/le-general-de-brigade-pascal-ianni-nomme-a-la-tete-dun-commandement-militaire-pour-lafrique-27-06-2024-1A77VV4WUNFVPLFX4MX5C6FO4.php> (accessed 30.06.2024)

¹⁶ Rapport d'information : Conclusion des Travaux d'une Mission d'Information Constituée le 14 décembre 2022 sur les Relations Entre la France et l'Afrique. *La Commission des Affaires Étrangères de l'Assemblée nationale*. 2023. 164 p. https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/16/rapports/cion_afetr/116b1841_rapport-information.pdf (accessed 19.07.2024)

¹⁷ État-major particulier du président de la République. France Archives: Portal National des Archives. 08.01.1959. https://france-archives.gouv.fr/fr/authorityrecord/Fran_NP_050006 (accessed 19.07.2024)

Так или иначе большая часть высокопоставленных военных прошла через операции на континенте, однако из них наиболее внушительный «африканский» опыт у начальника штаба вооруженных сил Т.Буркада¹⁸.

Таблица 2. Операторы МИД Франции и масштаб их деятельности в Африке
Table 2. French MFA operators and the scope of their activities in Africa

<i>Agence pour l'enseignement français à l'étranger (AEFE)</i> Агентство французского образования за рубежом ➤ Курирует французские школы, лицеи и группы ➤ Цели: образование французских детей, проживающих за границей, распространение французской культуры и образования среди детей других национальностей ➤ Школы есть в каждом субрегионе, но пока не во всех странах, хотя их число постепенно растет.	<i>France Volontaires</i> Волонтеры Франции ➤ Платформа для участия французских волонтеров ➤ Страны присутствия в Африке: Бенин, Гана, ДРК, Камерун, Кот-д'Ивуар, Мавритания, Мадагаскар, Марокко, Нигер, Республика Гвинея, Сенегал, Того, Тунис, Чад
<i>Agence française de développement médias (CFI)</i> Французское агентство по развитию средств массовой информации ➤ База данных телепрограмм, телеканал, оператор спутникового телевидения ➤ Цель: развитие СМИ от общего характера до специализированного	<i>Institut Français</i> Французский институт ➤ В системе МИДа + Минкульты ➤ Цель: расширение сферы культурного влияния за рубежом ➤ Представительства + отделы Alliance Française (культурно-просветительская некоммерческая общественная организация) ➤ Страны присутствия в Африке: в основном франкофонные, но и англофонные (напр., ЮАР, Танзания)
<i>Campus France</i> Кампус Франс ➤ Информация о поступлении в вузы Франции на безвозмездной основе ➤ Около 62 тыс. студентов во Франции родом из стран Африки южнее Сахары ➤ Образовательные выставки, университетские встречи ➤ Координирует стипендиальные программы в Африке.	<i>Institut de recherche pour le développement (IRD)</i> Институт исследований в целях развития ➤ Государственное научно-техническое учреждение ➤ В ведении Министерства высшего образования и научных исследований Франции + МИД ➤ Научные и технические исследования в рамках соглашений между Францией и развивающимися странами ➤ Наиболее широко представлен в странах Западной Африки.
<i>Centre de coopération internationale en recherche agronomique pour le développement (CIRAD)</i> Центр международного сотрудничества в области агрономических исследований в целях развития ➤ Проводит сельхоз. исследования. ➤ Осуществляет международное сотрудничество в целях содействия устойчивому развитию тропических и средиземноморских регионов. ➤ Региональные офисы: Восточная Африка, Западная Африка – <i>Леса и влажные саванны</i>; Центральная Африка, Юг Африки и Мадагаскар, Западная Африка – <i>Засушливая зона</i>	<i>France Médias Monde</i> Группа «Франс Медиа Монд» ➤ Круглосуточный новостной канал France 24 (на французском, английском, арабском и испанском) ➤ Радио RFI (на французском и 16 других языках) ➤ Радио на арабском языке Monte Carlo Doualiya ➤ За 2023–2024 гг. правительства 4 стран (России, Мали, Буркина-Фасо и Нигера) закрыли доступ к этим СМИ.

Составлено авторами на основании открытых данных.

¹⁸ Biographie du chef d'état-major des armées. Ministère des armées et des anciens combattants. <https://www.defense.gouv.fr/ema/chef-detat-major-armees/biographie-du-chef-detat-major-armees-0> (accessed 19.07.2024)

Еще один столп в государственной структуре, занимающийся африканским вектором французской внешней политики, – Агентство развития (*Agence française de développement, AFD*), государственное учреждение, осуществляющее деятельность в целях борьбы с бедностью и содействия развитию в странах Юга. Его глава – Р.Риу, выходец из МИД, в 2019 г. остался в этой должности на второй срок. При нем в качестве приоритетной была провозглашена цель нарастить объемы французских инвестиций в Африку, препятствуя расширению китайской сферы влияния, а также активности на континенте других внешних игроков. Именно на Африканском континенте сегодня сосредоточено 50% деятельности *AFD* и 80% его финансовых вливаний [20], а сотрудники *AFD* работают с 32 африканскими странами. Также при Риу более тесными становились связи между Францией и Восточной Африкой (в частности, с Кенией и Танзанией), которая никогда не входила во франкофонную зону¹⁹. Повышенный интерес к данному региону, в котором находятся заморские территории Майотта и Реюньон, связан с его возрастающим значением для французских инвесторов, в частности компании *Total*²⁰.

Помимо официальных структур, значительную роль в формировании африканской политики Франции играют так называемые «вечерние гости» (*visiteurs du soir*) Елисейского дворца, т.е. люди, которые могут быть или не быть официально аффилированными с государственными органами, но входящие в ближний круг президента, поддерживающие с ним неформальные контакты. «Вечерние гости» работают, как правило, по конкретным страновым/региональным/функциональным досье. В иерархии лиц, влияющих на принятие решений, они стоят посередине между государственными и негосударственными акторами, обозначая ставку на закулисную дипломатию, характерную для французского *modus operandi*. К их числу можно отнести как выходцев из разведсообщества (К.Биго, Ф.Парис, Б.Эмье), так и африканских президентов и членов их семей. Д.Сассу-Нгессо (Конго), М.Салл (Сенегал), П.Бийя (Камерун), покойный О.Бонго (Габон)²¹ играли и играют здесь двоякую роль, выступая, с одной стороны, как лоббисты национальных и своих собственных позиций, с другой – как проводники французских интересов в Африке.

По сравнению с США, французская Национальная ассамблея располагает большим количеством межпарламентских групп дружбы с африканскими государствами. Распределение стран отражает региональные приоритеты внешней политики Парижа в зависимости от конъюнктуры: самая многочисленная группа в Сенате – по отношениям с Западной Африкой (курирует 16 стран), затем следует Центральная Африка (11), Мадагаскар и государства Индийского океана (8), Южная Африка (6) плюс ЮАР и малые королевства региона (3) и, наконец, Африканский Рог (5). Отдельные группы созданы для взаимодействия с парламентами Египта, Ливии и Марокко²². Профессиональная связь с Африкой не являясь обязательной предпосылкой для руководства такой группой.

Таким образом, несмотря на разнообразный профессиональный опыт каждого из перечисленных чиновников, можно выделить некоторые общие тренды, прослеживающиеся при подборе кадров на африканский трек. Во-первых, во Франции существует тесная взаимосвязь силовых и дипломатических ведомств, что позволяет дифференцировать имеющиеся знания и опыт взаимодействия с африканскими странами и одновременно сохранять и передавать их между ведомствами. Во-вторых, несмотря на политические неудачи в бывших колониях, по-прежнему значительное число определяющих повестку чиновников сделали карьеру и обзавелись сеткой контактов во франкофонных странах континента. При этом символичное назначение Э.Блатманн на должность директора департамента Африки и Индо-Тихоокеанского региона МИД Франции указывает на возможную переориентацию приоритетов Парижа с политических на экономические. И, в-третьих, по мнению французских экспертов, военные по-прежнему оказывают серьезное влияние на принятие решений президентом [19].

¹⁹ В составе МИДа для восточноафриканского направления пока нет стандартного подразделения, только отдельная «миссия по Восточной Африке».

²⁰ French court dismisses case against EACOP. *The East African*. 28.02.2023. <https://www.theeastafrican.co.ke/tea/business/french-court-dismisses-case-against-eacop-4140920> (accessed 22.04.2024)

²¹ Les « visiteurs du soir ». *Jeune Afrique*. 24.12.2004. <https://www.jeuneafrique.com/67827/archives-thematique/les-visiteurs-du-soir/> (accessed 23.04.2024)

²² Liste des groupes interparlementaires d'amitié et des groupes d'information internationale. Le Sénat de la République française. <https://www.senat.fr/groupe-interparlementaire-amitie/amilst.html> (accessed 16.03.2024)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Просопографический анализ позволяет выделить схожие черты между кадровыми стратегиями французских и американских ведомств. В первую очередь это привлечение кадровых дипломатов с опытом работы в Африке (в большей степени характерно для Франции), и одновременно – отсутствие стремления назначать на ответственные посты чиновников и военных африканского происхождения.

В качестве различий необходимо отметить куда большую включенность ведомств в формулирование африканской повестки в США и одновременно – высокую степень бюрократизированности, необходимость согласования интересов большого количества институциональных игроков. Политика администрации Д.Трампа с 2025 г. и сопутствующие ей реформы по оптимизации государственных институтов, в т.ч. по финансовым соображениям, возможно, затронут и африканское направление и приведут хотя бы к частичному переформатированию этой системы в сторону более прагматичного и деидеологизированного подхода.

Несмотря на существенный масштаб работы обеих стран на африканском направлении, во Франции институционально африканская политика в первую очередь концентрируется в МИД и Минэкономике, а также организациях группы *AFD*; в то время как в США у большего числа министерств и госкорпораций есть территориальные департаменты, занятые работой со странами Африканского континента. Из первого отличия вытекает и второе – скрытность французского целеполагания по африканским вопросам. Эта проблема отмечается даже в парламентском докладе, представленном перед Национальным собранием²³. Секретность прослеживается во всем. Фигура *Monsieur Afrique* традиционно весьма расплывчата – общественность слабо осведомлена о его биографии и рабочих задачах и встречах. При этом решения, принимаемые Министерством обороны, чья роль в африканской повестке весьма высока, слабо координируется с другими ведомствами опять же в силу требований секретности.

В данной работе авторы изучили функциональные и кадровые характеристики различных групп государственных игроков, определяющих внешнюю политику в отношении Африки во Франции и США. Поскольку исследование основано на открытых источниках – преимущественно официальных сайтах и документах – и носит обзорный характер, авторы допускают, что замерить истинную степень влияния каждой из структур не удастся, и оставляют задел на будущее для другого, более глубокого исследования с привлечением инсайдерской экспертизы.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Юмашева Ю.Ю. Просопография: к вопросу о периодизации применения метода в исторических исследованиях. *Историческая информатика*. 2022, № 1. С. 1–51. DOI: <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2022.1.37566> (accessed 19.07.2024)
Yumasheva J.Y. 2022. Prosopography: on the Question of Periodization of the Application of the Method in Historical Research. *Historical informatics*. № 1. Pp. 1–51. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2022.1.37566>
2. Кортунов А.В. Африке места хватит на всех. *РСПМД*. 2024. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/v-afrike-mesta-khvatit-na-vsekh/?sphrase_id=150103878 (accessed 19.07.2024)
Kortunov A. 2024. There's Room Enough for Everyone in Africa. *RIAC*. <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/assisting-africa-s-security-and-development-needs-does-not-have-to-be-a-football-match/> (accessed 19.07.2024)
3. Куликова А. Эксперты поспорили о сроках выхода американского контингента из Нигера. *Взгляд*. 03.05.2024. <https://m.vz.ru/news/2024/5/3/1266360.html> (accessed 10.12.2024)
Kulikova A. Experts argued over the timing of the U.S. contingent's withdrawal from Niger. *Vzglyad*. 03.05.2024. <https://m.vz.ru/news/2024/5/3/1266360.html> (accessed 10.12.2024)
4. H.R.7311, Countering Malign Russian Activities in Africa Act. <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/7311/text> (accessed 09.09.2024)
5. Ikenberry J. The End of Liberal International Order? *International Affairs*. 2018. Vol. 94, № 1. Pp. 7–23. DOI: <https://doi.org/10.1093/ia/iix241>
6. Байков А., Дундич А. Большие тренды мирового развития: экспертный взгляд через двадцатилетие. *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62, № 5. С. 110–116. <https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2018/5-t-62/around-books/big-trends-of-the-global-development-an-expert-look-into-twenty-years> (accessed 19.07.2024)

²³ Rapport d'information : Conclusion des Travaux d'une Mission d'Information Constituée le 14 décembre 2022...

- Baykov A., Dundich A. 2018. Big Trends of the Global Development: An Expert Look Into Twenty Years. *World Economy and International Relations*. Vol. 62, № 5. Pp. 110–116. (In Russ.). <https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2018/5-t-62/around-books/big-trends-of-the-global-development-an-expert-look-into-twenty-years> (accessed 19.07.2024)
7. Sub-Saharan Africa: Overview and U.S. Engagement (Updated July 21, 2023). Congressional Research Service. <https://sgp.fas.org/crs/row/R45428.pdf> (accessed 16.03.2024)
8. Конышев В., Сергунин А. Черный кокус Конгресса США: роль в формировании внутренней и внешней политики. *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63, № 10. С. 67–77. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-10-67-77> (accessed 19.07.2024)
- Konyshev V., Sergunin A. 2019. Congressional Black Caucus: The Role in Making the U.S. Domestic and Foreign Policies. *World Economy and International Relations*. Vol. 63, № 10. Pp. 67–77. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-10-67-77> (accessed 19.07.2024)
9. Akoda S. Mahmoud Bah prend les commandes du MCC. *Togo First*. 25.01.2021. <https://www.togofirst.com/fr/gouvernance-economique/2501-7149-mahmoud-bah-prend-les-commandes-du-m-c-c> (accessed 16.03.2024)
10. Sweeney M. Rethinking Africa Command. *Defense Priorities*. 18.10.2024. <https://www.defensepriorities.org/explainers/rethinking-africa-command/> (accessed 04.12.2024)
11. Филиппов В.Р. «Франсафрик»: тень Елисейского дворца над Черным континентом. М.: Горячая линия-Телеком, 2016. 317 с.
- Filippov V.R. 2016. “Françafrique”: the Shadow of the Elysee Palace over the Black Continent. Moscow. 317 p. (In Russ.)
12. Чихачев А. Париж в поисках новой африканской стратегии. *PCMД*. 2024. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/parizh-v-poiskakh-novoy-afrikanskoy-strategii/?sphrase_id=150103878 (accessed 19.07.2024)
- Chikhachev A. 2024. Paris in Search for a New African Strategy. *RIAC*. (In Russ.). https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/parizh-v-poiskakh-novoy-afrikanskoy-strategii/?sphrase_id=150103878 (accessed 19.07.2024)
13. Varel A. France-Afrique: Jeremy Robert, le nouveau Monsieur Afrique de l’Elysée. *Financial Afrik*. 21.12.2023. <https://www.financialafrik.com/2023/12/23/france-afrique-jeremy-robert-le-nouveau-monsieur-afrique-de-lelysee/> (accessed 23.04.2024)
14. Columbia D. Women for Peace honored at Annual American Friends of Blérancourt Dinner. *New York Social Diary*. 09.11.2023. <https://www.newyorksocialdiary.com/women-for-peace-honored-at-annual-american-friends-of-blerancourt-dinner/> (accessed 22.04.2024)
15. Koffi M. “EuropAfrique”, the (sur)real relationship between the EU and Sub-Saharan Africa. *Matteo Frascini Koffi* (personal blog). 28.11.2023. <https://www.matteofraschinikoffi.com/index.php/blog-news/724-europafrique-the-sur-real-relationship-between-the-eu-and-sub-saharan-africa> (accessed 23.04.2024)
16. Филиппов В.Р. Африканская политика президента Франции Э. Макрона: хроника действий и эволюция идей. М.: Институт Африки РАН, 2023. 214 с.
- Filippov V.R. 2023. The African Policy of French President E. Macron: Chronicle of Actions and Evolution of Ideas. Moscow. 214 p. (In Russ.)
17. Priore T. Qui est Nicolas Lerner, le nouveau patron de la DGSE ? *Le Journal du Dimanche*. 24.12.2023. <https://www.lejdd.fr/politique/qui-est-nicolas-lerner-le-nouveau-patron-de-la-dgse-140661> (accessed 22.04.2024)
18. Guisnel J. L’amiral Rogel rétrogradé dans la hiérarchie élyséenne. *Le Point*. 17.10.2017. https://www.lepoint.fr/monde/l-amiral-rogel-retrograde-dans-la-hierarchie-elyseenne-17-10-2017-2165110_24.php (accessed 19.07.2024)
19. Airault P., Glaser A. Le Piège Africain de Macron : Du continent à l’Hexagone. Paris: Fayard, 2021. 272 p.
20. Yaïche H., Bouchet N. Business France mise sur les partenariats. *NewAfrican*. 07.10.2022. <https://magazedelafrique.com/entretien/business-france-mise-sur-les-partenariats/> (accessed 16.03.2024)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Андреева Тамара Алексеевна, м.н.с., Центр изучения африканской стратегии БРИКС Института Африки РАН, Москва, Россия.

Tamara A. Andreeva, Junior Researcher, Centre for African Strategy in BRICS, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Никольская Майя Викторовна, научный сотрудник ИМИ МГИМО МИД России, Москва, Россия.

Mayya V. Nikolskaya, Research Fellow, Institute of International Studies, MGIMO University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 08.07.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.01.2025

Принята к публикации
(Accepted) 20.03.2025

DOI: 10.31857/S0321507525050081

Китайская модель цифровизации государственного управления как инструмент укрепления национальной безопасности

© Умаров О.М.^а, 2025

^а НИУ ВШЭ, Москва, Россия
ORCID: 0009-0008-3091-1872; omuhammadaliyevich@mail.ru

Резюме: В статье освещаются ключевые направления в области китайской цифровизации госуправления, специфика формирования цифровой экономики, цифрового правительства и проекта больших данных, а также влияние китайско-американского технологического противостояния на формирование цифрового суверенитета Китая в системе национальной безопасности КНР. Анализируются новейшие китайские, российские и западные подходы и оценки сильных и слабых мест китайской цифровизации, включая прорывы Китая в сфере цифровых инноваций в качестве мирового лидера.

Специальное внимание уделено изучению места и роли Цифрового Шелкового пути в рамках инициативы «Один пояс и один путь», возможностям данного проекта усилить влияние КНР на страны Глобального Юга, сократить «цифровой разрыв» между развивающимися и развитыми странами с выходом на процессы глобальной цифровизации как части китайской концепции «Сообщества единой судьбы человечества».

Ключевые слова: цифровизация, цифровой суверенитет, КНР, США, цифровое правительство, большие данные, Цифровой Шелковый путь

Для цитирования: Умаров О.М. Китайская модель цифровизации государственного управления как инструмент укрепления национальной безопасности. *Азия и Африка сегодня*. 2025. № 5. С. 72–79. DOI: 10.31857/S0321507525050081

The Chinese Model of Digitalization of Public Administration as a Tool to Strengthen National Security

© Otabek M. Umarov^а, 2025

^а HSE University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0000-0000-0000; o.umarov@ocasia.org

Abstract. The article highlights key areas in the field of Chinese digitalization of public administration, the specifics of the formation of the digital economy, digital government and the Big Data project, as well as the impact of the Sino-American technological confrontation on the formation of China's digital sovereignty in the national security system of the People's Republic of China (PRC). The article analyzes the latest Chinese, Russian and Western approaches and assessments of the strengths and weaknesses of Chinese digitalization, including China's breakthroughs in the field of digital innovation as a world leader.

Special attention is paid to the study of the place and role of the Digital Silk Road within the One Belt and One Road Initiative, the possibilities of this project to strengthen the influence of the PRC on the countries of the Global South, to reduce the "digital gap" between developing and developed countries with access to the processes of global digitalization, as part of the Chinese concept of the Community of common destiny for mankind.

Keywords: digitalization, digital sovereignty, China, USA, e-government, big data, Digital Silk Road

For citation: Umarov O.M. The Chinese Model of Digitalization of Public Administration as a Tool to Strengthen National Security. *Asia and Africa today*. 2025. № 5. Pp. 72–79. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507525050081

ВВЕДЕНИЕ

Процесс цифровизации государственного управления в развитых и развивающихся странах становится одним из ключевых факторов укрепления суверенитета, социально-политической стабильности и

национальной безопасности государства, технологической и информационной основой роста эффективности его внутренней и внешней политики.

В Китае, на фоне успехов в развитии китайской цифровой экономики в целом [1, с. 23], активно разрабатываются специализированные форматы цифровизации госуправления, связанные с созданием цифрового правительства (ЦП)¹ на различных электронных платформах, и продвижения 4 базовых составляющих цифровизации госуправления: больших данных (*big data*) (БД)², интернета вещей (ИВ)³, блокчейна (БЧ)⁴, искусственного интеллекта (ИИ)⁵.

Китайские публикации за последние 10 лет сконцентрированы на базовых вопросах цифровизации экономики и госуправления КНР, при этом использование БД в Китае рассматривают в качестве приоритетного направления, стремясь добиться в данном сегменте существенных результатов и выхода на ведущие мировые позиции. В КНР на данном направлении сложилась экспертно-аналитическая школа, которую представляют такие ученые, как Чэнь Цици, Ду Ифэй, Лю Вэньтао, Сяо Цзинхуа, Се Кан, У Яо [2, pp. 7–18], Чэнь Чунхуа, Чжу Ли, Чжун Хао [3, pp. 1–8], Лю Вэньтао [4, pp. 1–8], Ма Хуатэн [1] и др. Отдельным направлением становится изучение специфики Цифрового Шелкового пути, являющегося составной частью проекта «Один пояс и один путь» (ОПОП) [5, с. 278–282].

В статье ставится задача анализа китайской цифровой модели государственного управления в контексте нейтрализации различных вызовов и угроз, возникающих в ходе реализации китайской политики реформ и открытости и конкуренции в цифровой сфере с США, пытающимися затормозить технологическое развитие КНР, превратив ее в зависимую от западных технологий периферию мировой цифровизации.

ОСНОВЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

История активной цифровой трансформации в КНР началась в 2015 г. после принятия китайским правительством программы технологического развития «Сделано в Китае 2025» и разработки концепции «Интернет плюс» – цифрового инструмента для ускорения темпов экономических преобразований и модернизации при помощи информационных инноваций [1, с. 23].

В 2016 г. китайское руководство опубликовало «Стратегию развития информатизации до 2021 г.», в которой были обозначены 14 направлений, включая создание ЦП, развитие онлайн-услуг, укрепление кибербезопасности, цифровизацию транспортной сферы, городского планирования, экологии, землепользования и др. Акцент в этот период делался на развитии информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), цифровизации СМИ, он-лайн торговле и др.

К 2020 г. цифровая экономика, резко ускорившая свое развитие в пандемийные годы, стала для Китая ключевым инструментом, позволяющим минимизировать и компенсировать экономические неудачи в ряде отраслей народного хозяйства. Китайские эксперты определили, что с 2005 по 2020 г. масштабы цифровой экономики в Китае увеличились в 12,7 раза, а совокупный годовой темп роста достиг 20,6% при увеличении ВВП за тот же период в 4,3 раза. Цифровая экономика стала одним из ключевых драйверов устойчивого роста национальной экономики [6, с. 158].

15 января 2022 г. Государственный совет КНР опубликовал план развития цифровой экономики на 14-ю пятилетку (2021–2025), в котором ключевым фактором роста производства названы информационные ресурсы, а главной движущей силой экономики – ИКТ. Согласно пятилетнему плану, Китай планирует увеличить долю добавленной стоимости цифрового сектора в структуре ВВП с 7,8% в 2020 г. до 10% в 2025 г.

8 октября 2023 г. Министерство промышленности и информатизации КНР обнародовало «дорожную карту» по развитию вычислительной инфраструктуры, которая предусматривает увеличение вычислительных мощностей в стране более чем в полтора раза к 2025 г. 4 апреля 2023 г. Госсовет КНР сообщил о том, что развитие цифровой экономики является для страны главным приоритетом в рамках проведения политики реформ и открытости⁶.

¹ См. <http://government.ru/rugovclassifier/719/events/> (accessed 15.08.2024)

² См. <https://www.oracle.com/cis/big-data/what-is-big-data/> (accessed 15.08.2024)

³ См. <https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-is-iot> (accessed 15.08.2024)

⁴ См. [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Блокчейн_\(Blockchain\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Блокчейн_(Blockchain)) (accessed 15.08.2024)

⁵ См. <https://www.oracle.com/cis/artificial-intelligence/what-is-ai/> (accessed 15.08.2024)

⁶ См. https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цифровая_экономика_Китая (accessed 15.08.2024)

В ПОИСКАХ ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Особенностью раннего этапа цифровизации в Китае стала попытка сочетания двух противоречащих друг другу тенденций. С одной стороны, отставая от ведущих западных стран в разработке ключевых компонентов цифровизации (в 2018 г. КНР по уровню цифровизации занимала только 32-е место в мире)⁷, Китай активно использовал зарубежный опыт и разрабатывал собственную концепцию проектов в сфере ИКТ на основе успешно апробированных в США, странах ЕС, Южной Корее и Японии цифровых форматов. Лидерами в этой области были крупные китайские технологические корпорации – *Tencent, Alibaba, Huawei, ZTE* и др.

С другой стороны, в 2016–2019 гг., в период президенства Д.Трампа в США, когда китайско-американские отношения резко обострились, выйдя на уровень торговых и технологических войн, Вашингтон начал проводить в отношении КНР стратегию сдерживания и выдавливания ее на периферию технологического развития, в т.ч. в области цифровизации экономики и госуправления [7, с. 5–13]. В ответ Китай стал активно разрабатывать собственную концепцию цифрового суверенитета (ЦС) в качестве инструмента, направленного против новых угроз национальной безопасности.

Сильное впечатление на США произвел китайский «План развития искусственного интеллекта нового поколения», принятый в 2017 г., который был сфокусирован не только на развитии инноваций, но и на вопросах повышения технологической независимости в условиях геополитической конкуренции. При этом программа, предполагая вовлеченность китайских компаний в западные производственные цепочки, содержала ряд цифровых новаций, независимых от западных платформ и стандартов. Особенно ярко эта конкуренция проявлялась в сфере производства и цепочек поставок чипов и полупроводников.

В 2019 г. американские власти начали судебные преследования руководителей компании *Huawei*, ввели санкционные ограничения и рестрикции против других ведущих китайских технологических корпораций. Руководство КНР оказалось под сильным политическим и санкционным прессом, резко снизившим уровень интернационализации в сфере цифровой экономики. В КНР осознали, что данная стратегически важная область должна иметь собственный, национальный алгоритм развития, собственную концепцию и независимые инструменты ее реализации.

Профессор Института полупроводников Китайской Академии Наук (КАН) и академик КАН Лю Цзюньвэй подчеркивает реальную угрозу полной изоляции и исключения американскими властями китайских полупроводниковых компаний из цепочек поставок и обмена технологиями в ближайшее время [8, с. 16]. Администрация Д.Трампа фактически объявила Китаю «чиповую войну», которую США с союзниками – Южной Кореей, Японией и Тайванем – ведут против Китая, сформировав цифровой альянс – *Chip 4*. При этом этот альянс кроме чипов может распространить свою деятельность и на широкий круг других продуктов и технологий, в развитие которых Китай уже вложил много усилий, таких как ИИ, ИВ, 5G, биотехнологии, квантовые вычисления и др.

В этих условиях все более актуальной для китайских разработчиков становится проблема параллельного развития цифровой индустрии – сохранение кооперационных проектов с Западом и усиление своего ЦС с постепенным вытеснением западных стандартов и программ из китайского цифрового пространства.

Одним из признаков ЦС, как известно, является право на независимое управление цифровыми ресурсами, действующими в национальных сегментах цифрового пространства. ЦС определяется также способностью страны проводить (формировать и реализовывать) самостоятельный политический курс в цифровой сфере, отстаивать интересы, обеспечивать безопасность на внутреннем и внешнем контурах.

Усиливая данное направление, Китай стал резко наращивать НИОКР в сфере ИКТ. По данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), в 2020 г. Китай в общей сложности подал 1,4 млн патентных заявок, что в 3 раза превышает показатели США за тот же период. По количеству международных патентных заявок, поданных Китаем по процедуре Договора о патентной кооперации (PCT), Китай в 2019–2024 гг. занимает 1-е место в мире, заявил глава Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС)⁸.

⁷ См. https://spa.msu.ru/wp-content/uploads/fgu_czifrovizacziya_pravit_kuzneczova.pdf (accessed 15.08.2024)

⁸ См. <https://www.chinadailyhk.com/hk/article/595765> (accessed 20.03.2025)

По уровню цифровизации в 2022 г. экономика КНР вышла на 2-е место в мире. Об уровне цифровизации в Китае свидетельствует и тот факт, что в цифровом формате китайским гражданам услуги предоставляют сегодня 46 министерств и ведомств, а на национальном портале госуслуг зарегистрировано более 800 млн человек⁹.

В 2023 г. объем цифровой экономики КНР достиг 53,9 трлн юаней¹⁰, увеличившись на 3,7 трлн юаней по сравнению с предыдущим годом, доля цифровой экономики в ВВП достигла 42,8% (+1,3% к 2022 г.)¹¹. По предварительным оценкам Китайской академии информационно-коммуникационных технологий, к 2025 г. масштаб цифровой экономики превысил 60 трлн юаней¹². Ожидается, что к 2030 г. масштаб цифровой экономики превысит 80 трлн юаней¹³.

БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ. ИСТОРИЯ УСПЕХА

Китайское руководство, осознавая сохраняющееся доминирование США в ключевых сферах цифровой экономики, таких как инновации, разработка программного обеспечения и научные исследования, стремится определить и развить собственные независимые направления, способные стать драйверами дальнейшего роста суверенной цифровизации страны. В этом контексте Китай уже достиг значительных успехов в таких областях, как электронная коммерция, мобильные платежи и социальные сети, что позволяет ему занимать лидирующие позиции на глобальном уровне. Одним из перспективных направлений, способных стать катализатором цифровой трансформации, являются большие данные (БД), которые рассматриваются как стратегический ресурс для укрепления технологической независимости и конкурентоспособности Китая в цифровую эпоху.

В 2022 г. объем производства данных в Китае достиг 8,1 зеттабайт¹⁴, увеличившись по сравнению с предыдущим годом на 22,7%. Доля КНР в мировом производстве данных составила 10,5% (2-е место в мире). По состоянию на конец 2022 г. Китай также занимал 2-е место в мире по вычислительным мощностям в центрах обработки данных. В 2023 г. он запустил в эксплуатацию первый в мире высокоскоростной интернет-кабель следующего поколения с пропускной способностью 1,2 тыс. гигабит в секунду. Проект представляет собой сеть передачи данных протяженностью более 3 тыс. км, связывающую Пекин, Ухань и Гуанчжоу [8, с. 4–5].

В КНР был осуществлен беспрецедентный подход к развитию и координации технологий БД, основанный на интеграции государственных институтов. В рамках данной инициативы 25 октября 2023 г. в Пекине было учреждено специализированное государственное ведомство — Государственное управление данных КНР. До этого была опубликована «Белая книга о факторе данных» — концептуальный документ о значении БД для цифровой экономики, о путях и методах ее развития. Ключевая задача — обеспечение безопасности данных, которые становятся слишком ценным активом и нуждаются в надежной защите от внешних и внутренних угроз. Концептуальная часть политики суверенизации данных была подкреплена в 2023 г. соответствующими нормативными актами — законами о кибербезопасности, о безопасности данных, о защите персональной информации и др. [8, с. 23].

Принципиальным моментом для китайского руководства была не только проведенная государственная институционализация процесса, но и максимально быстрое доведение теоретических изысканий до конкретных управленческих решений, что было сделано за 2–3 года.

В настоящее время Китай в области БД стал мировым лидером, обогнав в этом компоненте США. Пекин «формирует основные запросы на внешних рынках и создает на своих внутренних рынках новую модель гармоничного распределения благ и обязанностей, развивая инновационную логику» цифровой трансформации [2, pp. 7–18].

⁹ См. <https://interaffairs.ru/news/show/38218> (accessed 17.08.2024)

¹⁰ Курс доллара к юаню в 2023 г. в среднем составил 7,08, на конец 2024 г. — 7,28 (прим. ред.).

¹¹ См. https://jxt.zj.gov.cn/art/2024/9/12/art_1657977_58933048.html (accessed 20.03.2025)

¹² См. <https://finance.sina.com.cn/roll/2025-02-14/doc-inckmitk7513613.shtml#:~:text=根据中国信通院,到,突破60万亿元。&text=同时前瞻产业研究院,五规划等解决方案。>

(accessed 20.03.2025)

¹³ См. https://www.mee.gov.cn/zcwj/zclcfh/202501/t20250109_1100309.shtml (accessed 20.03.2025)

¹⁴ См. <https://nag.ru/material/32783> (accessed 18.08.2024); зеттабайт — единица измерения количества информации, равная 10²¹ (одному секстиллиону) байт (прим. ред.).

На ближайшую перспективу китайское правительство планирует расширить социальную инженерию на основе углубления взаимодействия ИИ и БД, сохраняя, с одной стороны, традиционную государственно-патерналистскую модель Китая, а с другой – обновляя политическую систему за счет усиления эффекта централизации и влияния системы «партия – государство» через «социальный кредит»¹⁵ и другие общественные блага, делая ее более конкурентной по сравнению с либеральной американской¹⁶.

ЦИФРОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

В 2015–2017 гг. процесс создания ЦП в Китае носил очаговый, децентрализованный и неравномерный характер. Цифровизация местных (провинциальных) правительств в основном активно развивалась в крупных мегаполисах, приморских городах и центрах развитых технопарков, не охватывая сельскую местность. Допускались значительные вариации толкований стандартов и критериев проекта ЦП, что вело к многообразию местных практик, а также трудностям взаимодействия различных платформ¹⁷.

В июне 2023 г. Госсовет КНР издал руководящие положения «Об усилении построения цифрового правительства» (关于加强数字政府建设的指导意见)¹⁸, в которых были изложены основные направления и масштабные цели проекта для центральных и региональных органов власти всех уровней. Данные рекомендации включали завершение формирования унифицированной системы аутентификации личности, электронных лицензий, электронных печатей и других ключевых элементов инфраструктуры. Значительная часть этой цифровой трансформации была реализована в ходе пандемии COVID-19, особенно в области предоставления медицинских услуг через интернет.

В настоящее время, по оценкам ведущих китайских специалистов, ЦП находится в активной зоне строительства и охватывает все уровни государства – 22 из 23 провинций, 5 автономных округов, 3 города центрального подчинения (Пекин, Шанхай, Гуанчжоу), сеть уездных округов и поселков, а также финансы, транспорт, промышленность, торговлю, здравоохранение, образование и др. [9].

ЦП определяет направление строительства «умных городов» и способствует их развитию. При этом китайские эксперты выделяют четыре основные проблемы, которые они называют «болевыми точками роста» китайского ЦП:

- наличие серьезной децентрализации «облачных ресурсов»¹⁹, существование большого количества различных информационных «облаков», создаваемых большими и малыми городами и поселками, что привело к неэффективному использованию цифровых данных, их нестыковке и возникающим несоответствиям;
- неизученность проблемы спроса и предложения при обмене государственными данными и необходимость эффективного и рационального их использования; эффективность цифровых платформ²⁰ может быть увеличена на 27,5 % [9];
- наблюдается дефицит интеграции ИКТ и бизнес-процессов в контексте взаимодействия малого и среднего предпринимательства, а также при предоставлении государственных услуг [10, pp. 6–22];
- острая нехватка талантливых специалистов, знакомых с государственным бизнесом и ИКТ, при отсутствии у большей части чиновников всех уровней цифрового мышления и цифровых знаний [9].

Другой проблемный блок, также выделяемый китайскими учеными, связан с информационно-технологической безопасностью при использовании цифровым правительством ИИ и других электронных новаций и достижений. В настоящее время китайские ученые запускают обновленные программы генеративного ИИ, представленные *DeepSeek*, *Manus* и др.²¹. За счет расширения возможностей данных технологий китайские программисты создают дополнительные защитные и контрольные программы и ме-

¹⁵ См. <https://technologyreview.com/2022/11/22/1063605/china-announced-a-new-social-credit-law-what-does-it-mean/> (accessed 19.03.2025)

¹⁶ См. <https://svop.ru/mains/50842/> (accessed 19.08.2024)

¹⁷ См. https://spa.msu.ru/wp-content/uploads/fgu_czifrovizacziya_pravit_kuzneczova.pdf (accessed 19.08.2024)

¹⁸ См. https://www.gov.cn/zhengce/content/2022-06/23/content_5697299.htm (accessed 19.03.2025)

¹⁹ Облачный ресурс – онлайн сервисы хранения больших объемов информации (альтернатива флешке), с которыми можно работать удаленно (прим. авт.)

²⁰ См. <http://theory.people.com.cn/n1/2023/0930/c40531-40088069.html> (accessed 20.03.2025)

²¹ *DeepSeek* – нейронная сеть (нейросеть), которая работает по принципу человеческого мозга, усваивая запрос и пропуская через свои узлы огромный массив информации с выдачей необходимого ответа (прим. авт.).

ханизмы для национальной безопасности страны: совершенствуются системы кибербезопасности, включая борьбу со злоупотреблением данными, хакерскими атаками и пр. [9].

ЦИФРОВОЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ

Цифровизация китайской инициативы «Один пояс и один путь», официально стартовавшей, как известно, в Астане (Казахстан) и Джакарте (Индонезия) в 2013 г., началась в 2015 г., когда председатель КНР Си Цзиньпин на II Всемирной интернет-конференции предложил «построить сообщество единой судьбы в киберпространстве» [11, pp. 41–47]. 14 мая 2017 г. китайский руководитель в Пекине на Форуме высокого уровня обозначил ключевые алгоритмы Цифрового Шелкового пути (ЦШП) через развитие инноваций, цифровой экономики, ИИ, нанотехнологий, продвижение и разработку квантовых компьютеров, формирование БД и внедрение «облачных вычислений»²².

Одной из особенностей начального этапа ЦШП был акцент на привлечение западных (США, ЕС) и азиатских (Япония, Южная Корея, Сингапур) партнеров к проекту для получения от них цифровых и технологических инноваций в обмен на китайские инвестиции и иную экономическую помощь в их инфраструктурных проектах и либерализацию торговли. Так, китайская компания *Alibaba* в 2017 г. установила партнерство с Малайзией, создав первую цифровую зону свободной торговли в рамках ЦШП, которая включает в себя региональный логистический центр, обслуживающий Юго-Восточную Азию, платформу электронной коммерции и цифровую платежную систему [12, с. 296–307].

Дальнейшие события показали, что Вашингтон и его союзники в штыки восприняли как саму китайскую инициативу «Пояса и пути», так и китайский Цифровой Шелковый путь, начав создание своих, альтернативных ОПОП транспортных проектов, включая цифровую сферу. К 2021 г. к ЦШП в рамках меморандумов и других документов официально присоединились только 16 государств, не являющихся мировыми цифровыми лидерами. Более успешной стала международная кооперация на уровне частных компаний, которые в рамках ЦШП осуществляли строительство новейшей инновационной инфраструктуры вдоль ОПОП (волоконно-оптические кабели и пр.). В 2021 г. Китай участвовал в создании цифровой инфраструктуры в 80 странах и инвестировал около \$79 млрд в проекты ЦШП по всему миру [12, с. 302].

По данным ученых Сюй Фэна и Го Чаосяня из Института Экономики и промышленности Китайской Академии общественных наук (КАОН), Китай к 2023 г. построил наземную оптическую кабельную сеть, проложив 34 трансграничных международных кабеля в соседние страны и регионы (Россию, Монголию, АСЕАН, Центральную Азию и Южную Азию), достигающую Европы. В рамках проекта «Мир» китайские корпорации проложили межконтинентальный подводный кабель «Азия – Европа» общей протяженностью 15 тыс. км, а также крупнейшую в мире сеть 5G гигабитной широкополосной связи, в которой действует почти 1,9 млн базовых станций 5G, охватывающих 3,3 млрд человек, включая население стран ОПОП [11, pp. 41–47].

Кроме цифровизации сухопутных путей, КНР в рамках реализации морских транспортных коридоров активно использует ИКТ в деле строительства новых и модернизации старых морских портов, повышая эффективность перевозок и создавая современную логистическую систему. С применением ИКТ ускоренными темпами строятся новые внутренние водные пути, мультимодальные морские транспортные узлы и логистические центры, ускоряются контейнерные перевозки [13, с. 5–20].

После 2021 г. Пекин усиливает цифровое взаимодействие ОПОП с развивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки, которые подключились к китайской помощи в сфере цифровизации. Так, по данным китайского эксперта Чжэн Сюя, только в Африке КНР помогла построить 150 тыс. км телекоммуникационных сетей, а их услугами были охвачены почти 700 млн абонентских терминалов. Почти 80% сетевой инфраструктуры 3G было построено китайскими цифровыми гигантами *Huawei* и *ZTE*, которые и в настоящее время помогают Черному континенту создавать сети 5G. Продукция КНР составляет около половины рынка смартфонов в Африке, при этом потребители отмечают отличное соотношение цены и качества, а также высокую практичность китайских телефонов²³.

²² См. http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-05/16/content_40826412.htm (accessed 18.08.2024)

²³ См. http://www.kitaichina.com/rzhengzhi/202311/t20231101_800347693.html (accessed 18.08.2024)

Китайская помощь в сфере цифровизации в развивающихся странах базируется на тезисе о том, что Цифровой Шелковый путь, его возможности и результаты принадлежат не только «золотому миллиарду», но и Глобальному Югу, что китайская помощь способствует ликвидации «цифровых разрывов» между странами и регионами, участвующими в совместном строительстве ОПОП.

Доцент Китайского педагогического университета Лю Цянь в этой связи пишет: «Китай помогает развивающимся странам построить цифровую инфраструктуру и ускорить цифровую трансформацию смежных отраслей, создавая новые возможности и точки роста для их экономического развития. Строительство Цифрового Шелкового пути будет способствовать развитию торговли, финансов, информационно-инфраструктуры, культуры, науки и технологий, медицины и здравоохранения, углублять цифровые взаимосвязи и эффективно сокращать цифровой разрыв»²⁴. Очевидно, что в настоящее время эти аргументы актуальны для стран Глобального Юга, в котором Поднебесная традиционно имела и имеет сильное влияние.

Западные СМИ и большая часть экспертов США и ЕС, со своей стороны, обвиняя Китай в «колониальной цифровой экспансии» в отношении развивающихся государств, говорят о том, что КНР будет использовать ЦШП, «...чтобы позволить странам-получателям принять его модель авторитаризма, основанного на технологиях, что будет пагубно для личных свобод и суверенитета в этих странах»²⁵. На Западе отмечают, что китайский проект подается исключительно через идеологическую призму, как инструмент расширения влияния авторитаризма на страны «свободного мира».

В политическом плане Китай вписывает идею глобализации цифрового пространства «Пояса и пути» в ключевую китайскую глобальную доктрину – формирование «Сообщества единой судьбы человечества»²⁶. Очевидно, что доктрина направлена против сложившейся доминирующей цифровой системы ценностей США, предлагая миру Китай в качестве надежного и равного партнера в области цифровой трансформации для тех стран, которые нуждаются в цифровых продуктах и услугах по конкурентоспособным ценам²⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На фоне нового витка обострения китайско-американских отношений в области высоких технологий цифровая экономика приобретает ключевое значение в контексте трансформации и радикального обновления модели модернизации Китая, новый импульс которой был дан 15–18 июля 2024 г. на 3-м пленуме ЦК КПК. По мере нарастания глобальной цифровой конкуренции китайское руководство усиливает внедрение цифровизации, направленной не только на повышение эффективности экономики и механизмов предоставления социальных услуг населению, но и на укрепление внутренней и внешней безопасности государства²⁸.

История китайской цифровизации госуправления и цифровой экономики, начавшаяся в 2015 г., прошла все основные этапы и охватывает в настоящее время ключевые компоненты данного процесса – платформы ЦП, ИИ, БД, «Цифровой Шелковый путь» и др. Одной из ключевых характеристик процесса цифровизации в Китае является симбиоз западных технологических достижений и местных инновационных разработок, который позволяет китайским предприятиям поддерживать «окна кооперации» с западными партнерами, одновременно предоставляя государству возможности для продвижения и эффективной защиты инициатив, направленных на обеспечение цифрового суверенитета.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Ма Хуатэн, Мэн Чжаоли, Ян Дели, Ван Хуалей. Цифровая трансформация Китая. Опыт преобразования инфраструктуры национальной экономики. М.: Интеллектуальная литература, 2019. С. 23.
Ma Huateng, Ming Zhao Li, Yang Delhi, Wang Hualei. China's digital transformation. The experience of transforming the infrastructure of the national economy. Moscow: Intellectual literature, 2019. P. 23. (In Russ.)

²⁴ См. <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/0RRKAALU.html> (In Chin.) (accessed 18.08.2024)

²⁵ См. <https://www.cfr.org/china-digital-silk-road/> (accessed 18.08.2024)

²⁶ См. https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/202406/t20240628_11443855.html (accessed 18.08.2024)

²⁷ См. <https://vestikavkaza.ru/analytics/kuda-vedet-cifrovoj-selkovyj-put-kitaa.html> (accessed 16.08.2024)

²⁸ См. https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/gb/202407/t20240721_11457413.html (accessed 16.08.2024)

2. 肖静华, 谢康, 吴瑶. 数据驱动的产品适应性创新——数字经济的创新逻辑 (Xiao Jinghua, Xie Kang, Wu Yao. Data-driven product adaptability innovation – the innovation logic of the digital economy). *Social Sciences Edition*, 2020. Vol. 19. № 1: 7–18. (In Chin.)
3. 陈春花, 朱丽, 钟皓, 刘超, 吴梦玮, 曾昊. 中国企业数字化生存管理实践视角的创新研究 (Chen Chunhua, Zhu Li, Zhong Hao, Liu Chao, Wu Mengwei, Zeng Hao. Innovative research on the practical perspective of digital survival management of Chinese enterprises). *Journal of Management Science*, 2019. Iss. 22 (10): 1–8. (In Chin.)
4. 刘文涛. 数据管理能力建设引领企业数字化转型之路 (Liu Wentao. Data management capacity building leads the road of enterprise digital transformation). *China Development Review*, 2022. Iss. 11. (In Chin.)
5. Лю Ижу. «Цифровой Шелковый Путь» как инновационная основа глобального проекта «Один пояс и один путь». *Инновации и инвестиции*. 2020. № 12. С. 278–282.
Liu Yizhu. 2020. “Digital Silk Road” as an innovative basis for the global project “One Belt and one Road”. *Innovation and Investment*. № 12. Pp. 278–282. (In Russ.)
6. Се Куньчао. Стратегический анализ развития цифровой экономики в Китае и России. *Управленческое консультирование*. 2022. № 1. С. 157–164. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-1-157-164
Kunchao Xie. 2022. Strategic Analysis of China and Russia Digital Economy Development. *Administrative consulting*, № 1. Pp. 157–164. (In Russ.). DOI: 10.22394/1726-1139-2022-1-157-164
7. Лузянин С.Г. Китай – США: модель 2023. «Управляемый конфликт» или глобальный раскол? *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 2. С. 5–13. DOI: 10.31857/S032150750025369-7
Luzyanin S.G. 2023. Russia and China: Partnership Expands. *Asia and Africa today*. № 4. Pp. 5–12. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750025369-7
8. Денисов И.Е. Китайская стратегия «Больших Данных»: реформа управления, инновации и глобальная конкуренция. М.: МГИМО Университет, 2023. С. 4–5, 23.
Denisov I.E. The Chinese strategy of “Big Data”: management reform, innovation and global competition. Moscow: MGIMO University, 2023. Pp. 4–5, 23. (In Russ.)
9. 孙宗哲. 数字中国背景下关于我国数字政府建设与发展的几点思考 [Sun Zongzhe. Some thoughts on the Construction and Development of my country’s Digital Government in the context of Digital China]. China Academy of Information and Communications, 21.04.2023. (In Chin.). <https://www.secrss.com/articles/53972> (accessed 15.08.2024)
10. 马怀德. 数字法治政府的建设路径 (Ma Huaide. The construction path of a Digital rule-of-law government). *Journal of East China University of Political Science and Law*. 2024. Iss. 3: 6–22. (In Chin.)
11. 徐枫, 郭朝先. 数字丝绸之路建设十年成就与未来展望 (Xu Feng, Guo Chaoxian. Ten-year achievements and future prospects of the construction of the Digital Silk Road). *China Development Observer*. 2023, (Z1): 41–47. (In Chin.)
12. Соломатина А.Р. Цифровой шёлковый путь, как составляющая инициативы «Один пояс – Один путь». *Постсоветские исследования*. 2021. Т. 4, № 4. С. 296–307.
Solomatina A.R. 2021. Digital Silk Road as a component of the “Belt and Road” Initiative. *Post-Soviet Studies*. Vol. 4, № 4. Pp. 296–307. (In Russ.)
13. Семенова Н.К. Морские порты КНР: основные показатели, характеристики и особенности. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 5. С. 15–20. DOI: 10.31857/S032150750030854-1
Semenova N.K. 2024. Seaports of China: Main Indicators, Characteristics and Features. *Asia and Africa today*. № 5. Pp. 15–22. DOI: 10.31857/S032150750030854-1

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Умаров Отабек Мухаммадалиевич, государственный служащий Республики Узбекистан, соискатель/аспирант НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Otabek M. Umarov, Civil servant of the Republic of Uzbekistan; Post-graduate student, HSE University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 20.08.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 12.02.2025

Принята к публикации
(Accepted) 25.03.2025

DOI: 10.31857/S0321507525050092

Этнический федерализм в Эфиопии: исторические корни и современные вызовы

© Захаров И.А.^a, 2025

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-3838-169X; vanszax@yandex.ru

Рецензия на книгу: **Исмагилова Р.Н. Эфиопия: история и современность** (М., Институт Африки РАН, 2025). 388 с. ISBN 978-5-6052752-4-4

Ключевые слова: Эфиопия, этнический федерализм, этнические процессы, национальная политика, этнополитическая ситуация

Для цитирования: Захаров И.А. Этнический федерализм в Эфиопии: исторические корни и современные вызовы. *Азия и Африка сегодня*. 2025. № 5. С. 80–82. DOI: 10.31857/S0321507525050092

Ethnic Federalism in Ethiopia: Historic Roots and Current Challenges

© Ivan A. Zakharov I.A.^a, 2025

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-3838-169X; vanszax@yandex.ru

Review of the book: **Ismagilova R.N. Ethiopia: History and Modernity** (Moscow, 2025). 388 p. (In Russ.). ISBN 978-5-6052752-4-4

Keywords: Ethiopia, ethnic federalism, ethnicity, national policy, ethnic politics

For citation: Zakharov I.A. Ethnic Federalism in Ethiopia: Historic Roots and Current Challenges. *Asia and Africa today*. 2025. № 5. Pp. 80–82. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507525050092

Новая монография Розы Нургалиевны Исмагиловой «Эфиопия: история и современность» приурочена к двойному юбилею научной работы автора – 75 лет исследования Африки и 35 лет – Эфиопии. Огромный опыт Р.Н.Исмагиловой вобрал в себя целый ряд светлых и тяжелых моментов в жизни стран Африканского континента, большинство которых появились на глазах этого опытного исследователя. Роза Нургалиевна с самого начала своего научного пути имела возможность следить за непростым путем независимого развития государств континента «в реальном времени». Она одна из первых в отечественной африканистике обратила внимание на важность этнической проблематики. Это выразилось в ее докторской диссертации «Этнические проблемы современной Тропической Африки», защищенной в 1971 г. Этнические проблемы и этносоциальные процессы изучались ею на примере Алжира, Анголы, Кении, Нигерии, Танзании, Уганды и других стран, однако центральное место в работах этого уважаемого автора заняла Эфиопия.

В выборе этой страны как главного полигона исследования важную роль, судя по всему, сыграла Российская историко-этносоциологическая экспедиция в Эфиопию, кото-

рая проводилась в 1990–1992 гг.¹ Именно Эфиопии посвящена рассматриваемая книга, вобравшая в себя основные результаты плодотворной работы Р.Н.Исмагиловой более чем за 30 лет. Монография примечательна еще и тем, что она выходит в свет в период, когда Эфиопия переживает серьезные политические и социальные трансформации, связанные в том числе с усилением межэтнических конфликтов и конкуренции. Полученные автором результаты помогают понять корни этих трансформаций, а также ее эффекты, что определяет актуальность рецензируемой работы.

Данная книга состоит из двух частей – исторической и современной. Предложенная структура позволяет всесторонне осветить эволюцию социально-политических и этнических процессов в Эфиопии.

Первая часть сосредоточена на периоде становления Эфиопии, начавшемся в последней четверти XIX в. В этой части особо подчеркивается роль императора Менелика II, с чьим именем связано не только формирование эфиопского государства в современном понимании, но и сохранение независимости от европейских колонизаторов. Этому сюжету отведено специальное место – в частности, автор не могла обойти стороной знаменитую битву при Адуа 1896 г., которая не просто помешала колониальным планам Италии, но и вывела Эфиопию на мировую политическую арену. Недаром это событие до сих пор остается символом национального единства для большинства эфиопов, а Менелик II, несмотря на жесткость его политики, оставил выдающееся политическое наследие и продолжает оставаться ролевой моделью правителя для многих жителей этой страны.

Наравне с ключевыми достижениями в политике имперского периода, которая проявилась в централизации власти и мобилизации населения для защиты от внешних угроз, автор отмечает и ее деструктивные проявления. Среди них Р.Н.Исмагиловой выделены: «...проявления этноконфессиональной дискриминации, хрупкость и ослабление национального единства и стабильности, различные формы культурного, экономического и политического неравенства, а также экспроприация земли в широких масштабах у сельского населения и... жесткая централизация управления и доминирующее положение в госструктурах одной этнической общности [*народа амхара*. – прим. авт.]» (с. 51).

Как показано автором, централизации власти противодействовала активизация центробежных сил – народы, недовольные политикой амхаризации и рядом неудачных экономических реформ, стремились к самоопределению, созданию автономий и т.п. Во второй половине XX в. главной силой сопротивления стала армия в лице Временного военного административного совета (Дерг), которая смогла воспользоваться социальным напряжением и в 1974 г. захватила власть. Дерг взял курс на борьбу со всеми проявлениями имперского режима, в т.ч. он заявил «о равенстве всех граждан независимо от этнической принадлежности» (с. 88). Тем не менее в действительности принцип равенства народов Эфиопии во многом оставался декларативным.

Вторая часть монографии сконцентрирована на этнополитической ситуации в современной Эфиопии, а также особенностях и эффектах этнического федерализма, принципы которого были заложены в новой конституции 1995 года. Будучи единственной страной в мире, где этничность признана политической идеологией, Эфиопия стала своего рода полигоном для масштабного эксперимента. Как показано автором, экспериментом не самым удачным – проект не только не привел к решению проблем, уходящих своими корнями в имперское время, но даже усугубил их. В последние годы эфиопское общество все сильнее ощущает последствия межэтнических конфликтов, борьбы за власть и ресурсы между различными этническими элитами. Данные процессы детально рассмотрены Р.Н.Исмагиловой на примере наиболее этнически мозаичных и конфликтогенных регионов Эфиопии – Бенишангуль-Гумуза, Гамбелы, Оромии, Региона наций, национальностей и народов Юга (Региона народов юга), упраздненного в 2023 г. Особый интерес представляет глава, посвященная созданию региона Сидама, образование которого запустило дальнейшее дробление полиэтнических регионов Эфиопии. Не меньший интерес представляет раздел, посвященный социальному измерению этнических проблем, которые находят свое выражение в социальных институтах потомков рабов и ремесленных каст, что, как показано автором, «...негативно воздействует на межэтнические отношения, затрудняет осуществление политики этнического федерализма и тормозит интеграционные процессы» (с. 352).

В дополнении к двум основным частям книги автор приводит обзор событий, которые произошли в Эфиопии в последние несколько лет. Помимо прочего, приведенные аналитические материалы подчер-

¹ Заметим, что это событие дало сильный импульс для развития отечественной эфиопистики – многие участники экспедиции до сих пор продолжают изучение проблем, свидетелями которых они стали во время поездки в Эфиопию.

кивают значимость исследования исторических и этнических процессов, обращая внимания на практическую значимость фундаментальных исследований.

Среди множества достоинств книги позволим выделить следующий аспект. В исследовании убедительно показана связь между историческим прошлым Эфиопии и современными этнополитическими вызовами, стоящими перед ней. Автор не просто описывает ключевые события, такие как завоевания Менелика II или победу при Адуа, но и раскрывает, как эти исторические процессы сформировали современную этническую географию страны и предопределили конкуренцию многочисленных народов Эфиопии. Особую ценность представляет то, что Р.Н.Исмагилова не ограничивается констатацией проблем, но и указывает на их генезис, объясняя, как историческая память о политике амхаризации продолжает влиять на межэтнические отношения. В книге подробно освещается 27-летнее господство тиграй, протестные движения против данного режима, изменившие положение в стране: ныне, по мнению автора, господствующее положение принадлежит оромо с их политикой радикального ультранационализма. К сожалению, читатель не найдет в книге введения и заключения, из которых будет в полной мере ясен обозначенный посыл, а также позиция автора по поводу перспектив этнического федерализма или возможных механизмов решения межэтнических противоречий. Тем не менее устойчивый интерес Р.Н.Исмагиловой к Эфиопии может свидетельствовать о том, что она сохраняет оптимизм в отношении будущего этой страны, а некоторые промежуточные выводы имеют потенциал для преодоления ряда существующих проблем. При этом, как представляется, объективный взгляд извне на феномен этнического федерализма имеет принципиальное значение, поскольку внешний исследователь не ангажирован интересами того или иного народа Эфиопии и имеет возможность получить результаты, способствующие их решению.

Монография Р.Н.Исмагиловой подчеркивает важность дальнейшего изучения этнополитических процессов в Эфиопии и поиска путей их разрешения в контексте стабильного развития страны, а также реформирования этнического федерализма. Важным направлением дальнейших исследований представляется изучение пространственных закономерностей изменения административно-территориального деления в условиях интенсивной этнополитической конкуренции, а также социально-экономических последствий межэтнических конфликтов.

Таким образом, книга Р.Н.Исмагиловой «Эфиопия: история и современность» является важным вкладом в изучение Эфиопии и будет полезна как для специалистов в области африканистики, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей и современными этническими проблемами этой страны. Автору удалось создать работу, которая сочетает в себе академическую строгость и доступность изложения, что делает ее ценным ресурсом для дальнейших исследований и дискуссий. Полученные результаты открывают новые перспективы для изучения Эфиопии в контексте ее исторического наследия и современных вызовов, а также проблематики этнофедерализма в целом, что, как мы надеемся, будет отражено в новых работах уважаемого автора.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Захаров Иван Андреевич, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Центр глобальных и стратегических исследований Института Африки РАН, Москва, Россия.

Ivan A. Zakharov, PhD (Geography), Senior Researcher, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 14.03.2025

Доработана после рецензирования
(Revised) 09.04.2025

Принята к публикации
(Accepted) 17.04.2025